

АЛЕКСАНДР ЗЕЛЕНСКИЙ
илья рясной

ТЕНЬ САТАНЫ



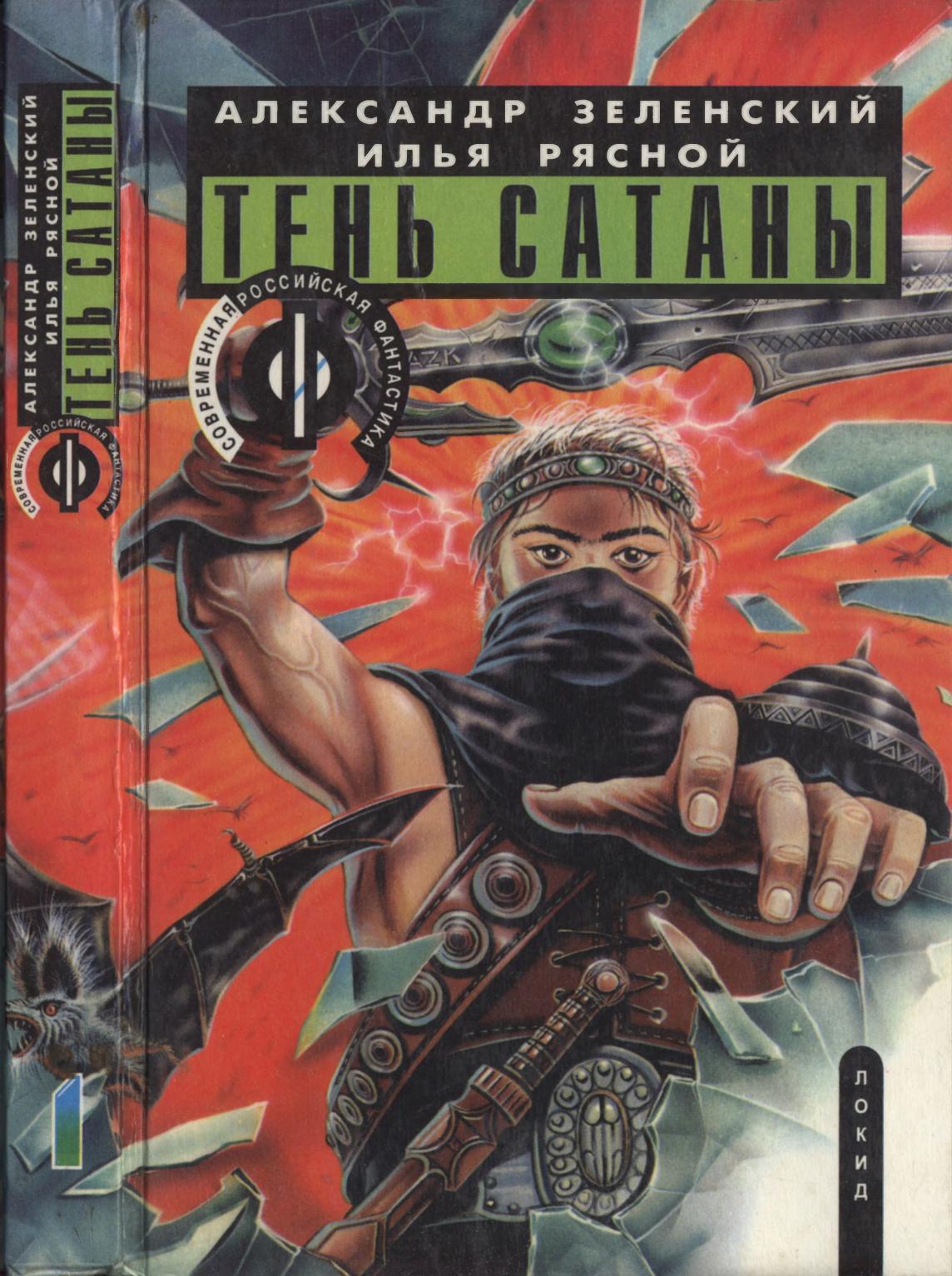
АЛЕКСАНДР ЗЕЛЕНСКИЙ
илья РЯСНОЙ

ТЕНЬ САТАНЫ



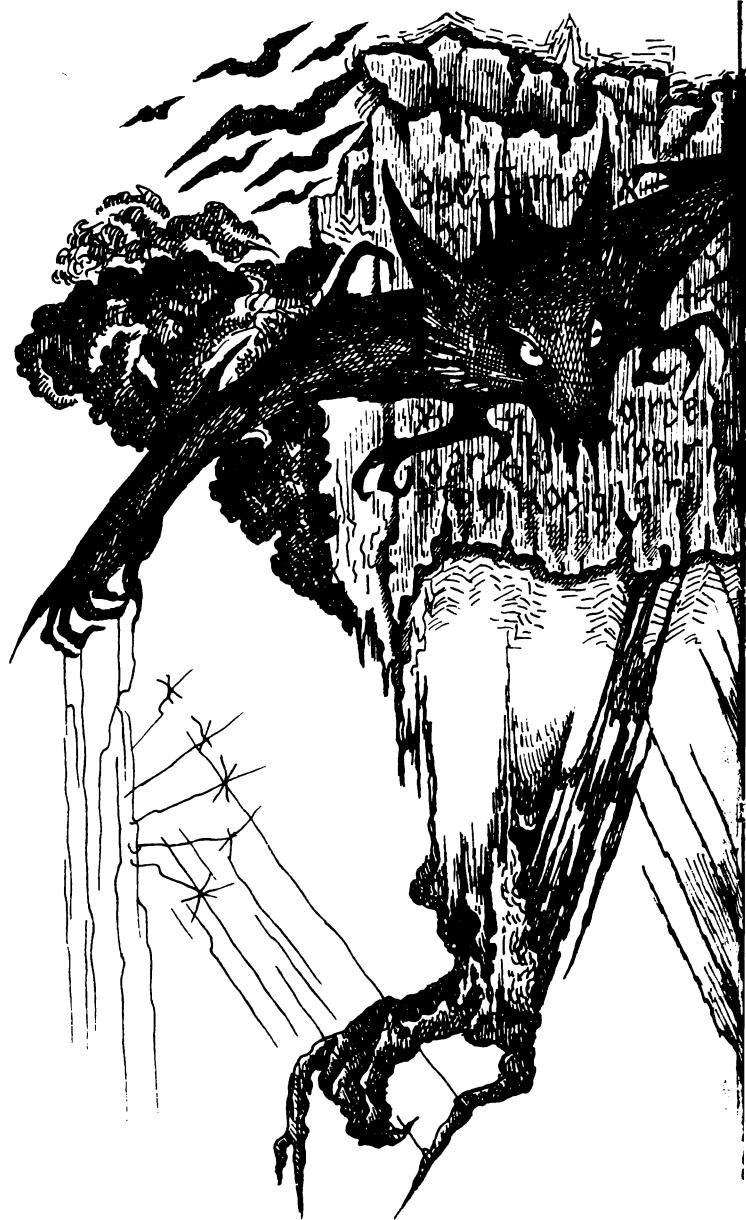
Ф

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ФАНТАСТИКА



ЛОКИД





АЛЕКСАНДР ЗЕЛЕНСКИЙ, ИЛЬЯ РЯСНОЙ

ТЕНЬ САТАНЫ

РОМАН

книга первая



ЛОКИД МОСКВА 1996

ББК 84Р7-4
3486

Серия основана в 1995 году
Составитель серии *Георгий Хубларов*

Серийное оформление *Анатолия Гусева*
Обложка *Александра Яцкевича*
Иллюстрации *Ольги Барвенко*

Зеленский А., Рясной И.

- 3486 Тень сатаны: Роман: В 2 кн. Кн. 1 /Сер. оформл.
А. Гусева; обл. А. Яцкевича; ил. О. Барвенко. —
М.: Локид, 1996. — 345 с.; ил. — («Современная
российская фантастика»).

ISBN 5-320-00083-9 (Кн. 1)

Фантастическая сага московских авторов посвящена извеч-
ной борьбе сил Добра и Зла. Два тайных ордена с древнейших
времен ведут смертельную схватку. Герой романа проходит
сквозь времена и страны, от исхода его поединков зависит
судьба нашей планеты на многие десятилетия вперед... Воитель
древности, рыцарь без страха и упрека в итоге многих превра-
щений становится начальником уголовного розыска, нашим
современником и земляком. Что ждет его — победа или пора-
жение?..

ББК 84Р7-4

ISBN 5-320-00079-0

© Издательство «Локид», 1996

ISBN 5-320-00083-9 (Кн. 1)

ПРОЛОГ

Звезды сияли на черном небе. Космос — мириады миров, каждый из которых посвящен единому Замыслу и Идее и выполняет свое назначение в беспредельности, именуемой Вселенной. В этих мирах есть все, что только можно представить, о чем можно только мечтать, чему можно ужасаться. Но теперь они не интересовали Таолка. Его занимал лишь один мир. Он смотрел на красивый голубой шар, зависший на расстоянии двадцати своих диаметров от станции Наблюдателя. Станция и планета были соединены воедино, слиты в одну структуру, подчинены одним законам, царствующим в этой части Галактики. Сколько времени существуют подобные станции, неведомо никому. Известно лишь, что они появились задолго до Наблюдателей и будут существовать еще долго после них, пока не изменится лик самой Вселенной, во всяком случае этой ее части.

Наблюдатель не мог оторвать взгляда от планеты. Он мысленно прикасался к ее поверхности, ощущал биение ее пульса, упивался ею. Он видел

прозрачную розовую дымку, по которой расползались черные и коричневые грязные пятна. С каждым столетием пятна расползались все шире, а это означало, что хаос, тьма, зло все глубже пускают там свои корни. Возможно, близится момент, когда они окончательно восторжествуют, и этот мир окажется в их безраздельной власти. Впрочем, это не должно особенно трогать Наблюдателя.

Добро, зло, свет, тьма — кого это волнует? Звездные диверлоки живут в совершенно другой системе нравственных, энергетических констант, они воспринимают извечную борьбу добра и зла лишь как процесс, свойственный этой части Вселенной. От воздействия этого мира Наблюдатели защищены мощной броней. Но сейчас наступило время, когда эволюция планеты приблизилась к опасному рубежу, пределу, и нужно принимать решение.

Странно, но Таолк начинал воспринимать и ощущать страдания голубого мира. Огненными иглами они пробивались сквозь броню и пронизывали его насквозь. Он поддавался, он больше не мог противостоять им. И знал об этом не только Таолк. Это было известно Вселенскому Разуму, великому Самосознанию, огромному биокомпьютеру. Сами звездные диверлоки называли его просто Гласом и общались с ним, как и между собой, на телепатическом уровне. Таолк ждал мгновения, когда Глас напомнит о

себе. И вот в нем зазвучал суровый голос:

— Ты здесь чужой, Таолк. Ты никогда не станешь в этом мире своим. Здесь все иное.

— Я знаю.

— Возвращайся. На станцию будет направлен другой Наблюдатель.

— Хорошо.

— Поторопись. Ты рискуешь.

— Я иду.

Он еще раз взглянул на планету. Защищавшая его броня равнодушия и отстраненности продолжала распадаться. Горе, отчаяние, безысходность нахлынули на него. Этот мир переполнен ими. И Таолка захлестнуло чуждое ему чувство — сострадание, трансформировавшееся в страдание. В Таолке погибал Наблюдатель. Он начинал осознавать, что такое любовь, ненависть, отчаяние. А главное — он стал проникаться ответственностью за этот мир, находящийся на грани погружения во Тьму.

Таолк увидел себя со стороны... Человеческое лицо (откуда оно может быть у диверлока?), и по этому лицу катится слеза. Он жалел этот мир.

— Не смей! Пути назад не будет! — прозвучал в нем громоподобный теперь голос. — Ты не вернешься в миры Большого Звездного Круга!

— Знаю.

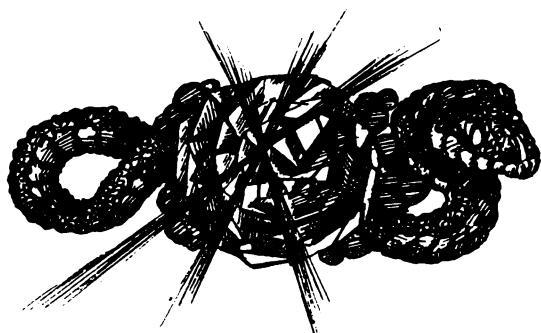
Сознание Таолка начало сужаться. Уходило невероятное богатство мыслей и чувств, исчезали гигантские возможности, позволявшие держать на

ладони целые миры. Сознание его сжималось в ту самую слезу, вобравшую в себя всю личность Наблюдателя, его изменчивое, текущее тело, все, что было им, Таолком. Слеза вспыхнула и устремилась вниз, к планете, в самый центр черного циклона. Она пробила мрак и взорвалась мириадами сияющих искр, затем снова собралась в точку и погасла. С трудом можно было заметить, что теперь на планете тлел уголек, который и принадлежал, и не принадлежал ей.

Не прошло и мгновения, а на станции появился уже новый Наблюдатель. Полный уверенности в собственных силах, готовый служить Делу, далекий от того порога, который только что перешагнул Таолк. Новый диверлок, послушный лишь Гласу Большого Звездного Круга. В нем нет сомнений и сострадания. В нем только холодная насмешка, ироничное всепонимание. Таолк был не первым из тех, кто не выдержал испытания. Он ушел на погибель. Он рухнул в пропасть. И не будет ему теперь ни возврата, ни помохи, ни пощады...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗНАК МАГИСТРА





Брошь лежала на моей ладони, и лучи солнца, пробивавшиеся сквозь низкое маленькое оконце, играли и переливались в бесчисленных гранях драгоценных камней. Тончайшая работа по серебру радовала глаз: в центре броши — солнце, большой круглый рубин, вокруг него обвилась змея из маленьких изумрудов. Этот шедевр ювелирного искусства притягивал взор изумительной красотой, мастерским исполнением и наверняка стоил огромных денег. Без сомнения, создатель броши обладал великолепным вкусом. Правду говорят в народе: дело рук настоящего умельца надолго переживает его самого. Вот и сия божественная вещица блистала множеством веков, став лучшим памятником какому-то ювелиру из далекого прошлого. Сам не знаю почему, но с первого взгляда на эту удивительную находку я ощущал абсолютную уверенность в давности ее происхождения. Таинственное обаяние древнего Востока... Подобное чувство я испытал, когда впервые застыл у подножия пирамиды Хеопса и взглянул в безучастное лицо загадочного Сфинкса.

Я обнаружил брошь в ларце, стоявшем на пыльной полке в углу комнаты. Лежала там и толстенная книга в старинном кожаном переплете с золотой застежкой. Откуда могли взяться эти вещи в убогом домишке на окраине большого города? Вселился сюда я только вчера, и притом совершенно случайно. Хозяин дома почил в бозе, угорев на недавнем пожаре, во время

которого выгорело ни много ни мало пол-Москвы. Его наследник — молодой повеса — мечтал о карьере военного и даже не помышлял жить оседло. Он-то и уговорил меня снять домишко и, взяв плату за два месяца вперед, сгинул, как нечистая сила после крестного знамения. Так что расспросить о находке было решительно некого.

Мне казалось сомнительным, что подобные вещи могли принадлежать бывшим хозяевам дома — простым горожанам. Такие драгоценности обычно ласкают взоры вельможных особ и хранятся под семью замками в обитых железом шкатулках, коим никакой пожар не страшен.

В этом беспокойном городе, именуемом Москвой, я уже три дня. Первые две ночи провел на постоялом дворе, где нашли временный приют немало моих соотечественников. Но благодаря участию и заботам герра Зонненберга, по благородству души и несказанной доброте покровительствующему землякам, я смог снять сей дом.

На склоне лет (а сорок уже вполне солидный возраст) попал я в эту холодную, бескрайнюю, варварскую страну, славящуюся на весь крещеный мир непроходимыми лесами, гибкими болотами, обилием дичи и разной диковинной рыбы. До этого судьба изрядно потерла и потрепала меня, помотав по свету. Персия, Индия, Египет, жаркие итальянские города и брега туманного Альбиона — да мало ли чего хранит моя память! Во многих из этих стран побывал я благодаря моему добруму покровителю и достойному другу герру Христофору Кундорату — великому зодчему, мастеру каменного и палатного строения земли Саксонской. Он путешествовал по всему свету, изучая архитектуру, а я, его ближайший друг и личный доктор, следовал за ним. Именно мне удалось излечить его от смертельной желтой лихорадки, вовремя распознав ее, и это я оказал ему необходимую помощь после укуса ядовитой твари, именуемой на благород-

ной латыни «эмюкас гадюкас»... В общем, герр Кундорат не зря считал меня ближайшим помощником и добрым товарищем. Вот и в далекую Москвию он отправил сначала меня, дабы я подготовил условия для его успешной работы и сносного быта. Дело заключалось в том, что моего господина вытребовал для руководства строительством Цейхгауза-арсенал у Кремлевской стены сам Петр Великий, решивший заменить сгоревшие деревянные дома на каменные строения. Хотя царственный преобразователь в том, 1703 году больше занимался закладкой и устройством своей новой северной столицы на острове Луст-Эйланд, недавно отнятом у шведов, он не забывал и о старой Москве, пытаясь сделать из нее град каменный по нашему цивилизованному образцу. Уж слишком часто горели деревянные российские поселения! Огонь в считанные часы превращал жилье и прочие постройки в пепел и головешки, ничего не оставляя несчастным хозяевам...

Да, для россиян с их незатейливым укладом жизни все это было непростой задачей. И германский гений, славящийся во всех землях, должен был помочь им в этом деле. Но упаси Господь меня и моих земляков от того, чтобы снисходительно и грубо навязывать другим достижения германского духа. Народы, стремящиеся к совершенству, сами придут к источнику мудрости и высоких знаний. И я способствовал этому в меру своих скромных сил.

Никогда еще столь рьяно не отговаривали меня от путешествия в холодную Москвию родные и близкие. Мне неустанно повторяли: «Опомнись, Фриц! Куда тебя влечет тщетная и бесплодная жажда странствий? Разве ты не знаешь, что там по улицам деревень бродят бурые медведи, а от стужи трескаются деревья? Да и так ли уж нужно на себе испытать необузданный нрав тамошних правителей и бояр?..» Однако мой покровитель был другого мнения. «Там богатство, Фриц! Мы сможем значительно поправить

наши пошатнувшиеся финансовые дела. Я знаю, что ты не сребролюбив, но нищета вряд ли может служить украшением» — так говорил Христофор Кундрат. Он был прав, и он хорошо знал меня. С юных лет влекли меня новые страны, манила возможность возвыситься в лекарском искусстве, обрести знания, которые никогда не будут лишними целителю, даже закончившему некогда Гейдельбергский университет.

Мое нынешнее путешествие было долгим и нелегким. Невероятной красоты города, с воздушными, белокаменными, златоглавыми соборами на возвышенности, сменялись убогими поселениями, где царил мрак нищеты и запустения, беспросветной тоски и голода. Широкие полноводные реки и бескрайние поля уступали место непроходимым болотам и дремучим лесам. Лихой люд, бросавший угрожающие взгляды тебе в спину, и вместе с тем гостеприимство и радущие, какие редко встретишь в наших землях. Все это было, было! И вот дорога моя завершилась здесь. В самый разгар лета.

В Москве, которая произвела на меня двойственное впечатление беспорядочностью своих одноэтажных домишек и вместе с тем благообразной красотой крепостных стен, церквей, каменных палат, я быстро разыскал земляков. Они приняли меня радушно, тем более что у меня имелись рекомендательные письма к герру Зонненбергу, преуспевающему торговцу, чьи родственники в Айзенахе смогли убедиться в моем таланте искусства врачевания.

Зонненберг, высокий, тощий, как палка, постоянно улыбающийся, внимательный, знающий все обо всех, жил с семьей в двухэтажном, истинно германском — с островерхой крышей и витражами — каменном доме. Дела у него шли на редкость удачно. Он был вхож в лучшие дома местной знати и чиновников самого высокого ранга. Зонненберг познакомил меня со своей женой и отпрысками, тут же пообещал ввести в достойный круг и позаботиться о

моей клиентуре. И точно, слова его с делом расхождения не имели. Он не только помог мне снять дом, но и познакомил с моим первым в Москве пациентом господином Бауэром, тоже уважаемым торговцем.

Бауэр жил неподалеку от монастыря у Спаса на Всходне, имел лошадиное лицо, крупные желтые зубы и мощные, широкие плечи. Он был чрезвычайно горд тем, что его дом стоял на том самом месте, откуда, по стародавнему преданию, началась Москва. Именно здесь поселились ее первые жители, ведь отсюда очень удобно было добираться по водному пути до Новгорода по знаменитому Волоку Ламскому. А еще Бауэр страдал мнительностью касательно своего драгоценного здоровья и имел не менее мнительную супругу и трех дочерей. Правда, у его жены время от времени опухали ноги, но беспокоило ее не это, а боли в загрудинной области. «Кор пульмонале ацитум!»* — поставил я про себя безрадостный для нее диагноз. Однако, как показало время, я, слава Богу, ошибся. Это были обычные нервные колики. Я прописал ей необходимые снадобья и мазь наружно.

Отобедав в трактире, где столовалось большинство моих соотечественников, я вернулся домой и взялся за письмо в родимый фатерлянд. Закончил я с этим делом около шести часов, когда пора уже было отправляться на вечерний визит к Баузрам. Но перед этим я решил еще раз тщательно осмотреть свое новое жилище. Именно тогда я и нашел таинственный ларец и книгу.

Книга меня особенно не привлекла. В ней по-латыни описывались какие-то темные, противные Богу и человеку действия, в могущество которых я не особенно верю. Поэтому фолиант я отложил в сторону, не удосужившись даже бегло его просмотреть. Зато броши приковала мой взгляд.

* Острая сердечно-легочная недостаточность (*лат.*).

Я никогда не был поклонником красивых безделушек, оставляя любование и упоение ими натурам менее серьезным, зато более богатым и беззаботным. Для меня вещи вообще немного значили, недаром, презрев их, пространствовал я всю жизнь в поисках новых знаний и необычных ощущений. Но от этой драгоценной вещицы даже я не мог оторвать глаз. Должно быть, какие-то колдовские чары таились в ней. Чья же она? Что с ней делать? Нет, мысли о том, чтобы присвоить ее, у меня не возникало. Разумнее всего было бы положить ее обратно в ларец, спрятать подальше от любопытных глаз и при случае вернуть молодому хозяину дома, хотя вряд ли брошь принадлежала ему.

Я совсем было уже собрался положить драгоценность на место, но пальцы сами собой сжали холодную металлическую оправу. Неожиданно возникла шальная мысль: почему бы хоть один-единственный раз не позволить себе попользоваться этой красотой? Не навсегда же... Искус оказался непонятно силен, и я не смог ему противиться. На один вечер эта брошь моя, решено!

Я приладил брошь к своему довольно потертыму камзолу, и она, блеснув рубином, затерялась в складках одежды.

Между тем часовая стрелка моих карманных швейцарских часов миновала цифру «шесть». Пора отправляться к Бауэрам. Первые клиенты. Их нельзя заставлять ждать.

Дорогу я запомнил хорошо и потому довольно быстро отыскал жилище Бауэров. Дверь отворила служанка и без разговоров проводила меня к фрау Бауэр. Та лежала в постели. По ее лицу можно было прочитать, что она готова уже писать завещание. Ох уж эта мнительность!

Осмотрев пациентку, я утвердился во мнении, что она вовсе не страдает тем серьезным заболеванием, о

котором я подумал вначале. Мне оставалось только возблагодарить Бога и ободрить фрау.

— Вам лучше? — осведомился я вежливо.

— Да, доктор, чуть полегче, — безжизненным тоном произнесла она. — Но я не уверена, что это облегчение надолго. Болезни так глубоко сидят во мне...

— Ничего страшного, милая фрау. Многие болезни живут исключительно в нашем сознании и являются его порождением. Вы сами призываете их на свою голову. Не думайте о плохом — и вы будете здоровы!

— К сожалению, ко мне сие не относится. Здоровье я потеряла навсегда. Да, да, в этой стране, взамен богатства, приобретенного мужем.

Как же, потеряла она здоровье!.. Ее сил хватило бы на троих, однако праздность и лень, в которых она пребывала, заставляли ее слишком уж часто прислушиваться к себе, преувеличивая каждый незначительный симптом. Однако о своих подозрениях насчет фрау Бауэр и ее симуляции я промолчал, зная, что усомниться в болезнях подобных людей равнозначенно нежеланию признать их добродетели.

Когда я заканчивал со втираниями, появился сам господин Бауэр в ладно сшитом камзоле, в парике, с большими золотыми перстнями на пальцах. Он поздоровался со мной и обратился к жене:

— Ну как, Марта, тебе полегче?

Взгляд его был рассеян и не задерживался ни на чем. Говорил он скороговоркой.

— Легче, — слабо улыбнулась фрау Бауэр.

— В таком случае, дорогой мой герр Эрлих, вы творите чудеса. Пожалуй, вы первый лекарь, который смог облегчить бесконечные страдания моей супруги. Не откажетесь отужинать со мной?

— Буду премного благодарен.

В большом зале за обеденным столом, на котором нашли место незнакомые мне ранее кушанья, такие,

как грибы с хреном, соленые огурчики, квашеная капуста с брусникой, черная и красная икра, моченые яблоки, миноги, редька с квасом, холодная зайчатина и заливная телятина, рубленые яйца с чесноком, спаржа, гусиный паштет, молока свежей рыбы... А в самом центре стола возвышались башенки бутылей с русской водкой и немецким шнапсом. А еще небольшой кувшинчик с нашим любимым светлым пивом, от которого все Бауэры были в восторге.

— Я очень люблю здешнюю кухню, — заметил хозяин дома. — Поживете здесь подольше, тоже полюбите.

Служанка разлила по маленьким стаканчикам пиво.

— Божественный напиток, малоизвестный здесь, — улыбнулся Бауэр.

Я отметил про себя, что хозяева этого дома довольно-таки хлебосольны, что несвойственно моим соотечественникам.

— Моя жена очень болезненна, — со вздохом произнес Бауэр, возвращаясь к любимой теме. — И на нее тяжело действует местный климат. Я тоже болезнен, но не могу уделять своим хворобам достаточно внимания. Торговые дела отнимают все время.

— Это, конечно, грустно, — кивнул я с сочувствием, подумав при этом, что и самому Бауэру здоровья не занимать.

— Вы правильно сделали, что приехали в эту страну. Местные жители просты, как дети, и мало кто из них владеет цивилизованным искусством врачевания. Так что знатные и богатые люди предпочитают обращаться к нашим лекарям. Тут очень быстро можно стать богатым человеком, если, конечно, проявить осмотрительность и послушание. Тогда вас ждут богатство и успех.

— Успех — может быть, — усмехнулся я, — а вот богатство — вряд ли. Слишком долго меня носило по свету. Слишком много золота утекло сквозь

эти пальцы. Слишком много лет за спиной, чтобы мечтать о богатстве.

— Тогда мечтайте о плотских утехах. При желании их здесь можно найти предостаточно. Хотя, надо заметить, местные жители и жительницы очень набожны.

— Я тоже.

— Все мы набожны, пока не доходит до плотских утех, — засмеялся хозяин дома, прикладываясь к стакану с пивом. И вдруг с ним произошла быстрая и загадочная метаморфоза — он прямо на глазах начал бледнеть, зубы его застучали о край стакана, а в расширяющихся зрачках отразилось сияние граней броши, прикрепленной к моему камзолу.

— Что случилось? — спросил я, удивленный переменой, происшедшей с герром Бауэром.

— Н-нет, ничего, Фриц. — Бауэр овладел собой. — Какая необыкновенная у вас брошь.

Я понял, что именно драгоценность вывела его из обычного состояния. Меня это озадачило. Конечно, брошь превосходна, но не настолько же, чтобы реагировать на нее столь странным образом...

— Подарок отца, — соврал я. Если признаться, что без спроса взял чужую вещь, — могут неправильно понять. А добрая репутация для человека моей профессии — главное.

— Отца... — закивал Бауэр, пряча глаза. — Понимаю, понимаю...

Непринужденная атмосфера неожиданно исчезла, в комнате повисло какое-то нервное напряжение. Густав Бауэр, казалось, по-прежнему был предупредителен и словоохотлив, но я чувствовал, что его что-то гнетет. О причинах этой перемены можно было только гадать. Я понимал лишь, что произошла она после того, как он увидел эту злосчастную брошь.

Остаток вечера был испорчен, так что я испытал облегчение, когда, сославшись на дела, встал из-за стола и распрошался. Выйдя из дома, я ощущал на

себе чей-то пронизывающий взгляд. Обернувшись, я увидел, что Бауэр пристально смотрит мне вслед из окна.

День выдался солнечный. Я люблю солнце. Может, и не так уж не правы были древние, когда утверждали, что великое светило наполняет каждую тварь земную жизненной силой. Действительно, когда после долгой зимы и хмурого неба одаривает оно нас своими лучами, возвращаются забытые желания и стремления, хочется жить без конца, хоть миллион лет. Потому-то настроение у меня было приподнятое, напрочь забыт неприятный осадок от вчерашнего разговора с герром Бауэром. Сейчас мне казалось все это неважным, мало ли у кого какие странности. Каждый человек имеет право на причуды, а также на то, что его не будут тыкать этими причудами в лицо.

День прошел в суете. С утра герр Зонненберг представил меня боярину князю Якову Никитовичу Одоевскому, проживавшему в своем роскошном загородном доме, поскольку его городской дом сгорел во время последнего пожара. Князь был очень учтив и образован, что, говорят, редкость у местной знати. Его приятно поразило мое безукоризненное владение русским языком.

Вообще-то я знал больше десяти языков и усваивал их с легкостью необыкновенной. Русский мне помог выучить мой сосед герр Тимошка. Судьба занесла его, беглого крестьянина, в наш город, где он успешно занимался кузнецким делом. Мне было приятно, что уроки его я хорошо усвоил и к тому же смог усовершенствовать знание русского в пути. Тимошка учил меня языку, а иногда, выпив, плакал, вспоминая родные края, и рассказывал о них истории, которым, я не знал, верить или нет.

— Приятно узнать, что наш язык популярен в Европе.

— Равно как и ваша удивительная страна.

Состоялся обмен любезностями. Затем князь поведал историю последнего московского пожара и даже дал мне ознакомиться с письменной грамотой к нему самого государя Петра Алексеевича, содержание которой заинтересовало меня: «Здесь иных ведомостей нет, только июня в 19-й день (1701 года) был пожар в Кремле; загорелось на Спасском подворье, от чего весь Кремль так выгорел, что не осталось не токмо что инова, но и мостов по улицам, кроме Житнева двора и Кокошкиных хором, которые остались; разломанные хоромы в Верху и те сгорели; также и Садовники все от моста до моста; а Каменный мост у пильной мельницы отстояли мы; на Ивановской колокольне колокола, обгорев, попадали, из которых большой и Успенский, упав, разбились».

— Это уже в который раз пожары на Москве! — пожаловался боярин. — Ну да ничего! Наш мудрый государь повелел описать всю местность вокруг Кремля, поломать остатки деревянных строений и приступить к возведению Оружейного дома, именуемого Цейхгауз-арсенал. А строить его будет ваш господин Христофор Христофорович Кундорат. О делах его славных служами земля русская полнится. Так что быть ему на Москве! Так повелел наш государь.

Естественно, что я тут же осведомился, какова будет нам оплата. На что князь Одоевский ответил сразу, как о деле решенном: «Сто пятьдесят рублей годового жалованья!» А много это или мало — об этом я спросить не посмел.

В общем все остались довольны. Зонненберг — тем, что доставил удовольствие боярину. Князь Одоевский — тем, что выполнил указания Петра, а одно развеял немного скучу. А я — тем, что проникаю в среду знати и что князь обещал показать меня своей престарелой тетушке, которая обожает лекарей и необычайно щедра.

К середине дня небо затянуло тучами, подул порывистый ветер. Что-то тревожное чувствовалось в

парящих огромными стаями птицах, в косых полосках редкого дождя, но мой заряд утреннего хорошего настроения и благостного расположения духа сохранился.

Дома я сел писать первый отчет герру Кундорату, где описывал мои впечатления от города и его жителей, а главное о том, что узнал во время посещения боярских хором князя Одоевского. Стрелки часов подбирались к шести, письмо получалось длинным, но мне всегда доставляло удовольствие оставаться наедине с пером и бумагой. Приближалось время очередного визита к пациентам, когда в дверь постучали.

Вошел полный юноша и на ломаном немецком языке произнес:

- Господин, меня направил господин Бауэр.
- Со мной можно говорить по-русски.
- Еле нашел ваш дом, господин Эрлих, — склонил голову юноша. — Господин Бауэр не знает вашего адреса, пришлось идти к господину Зонненбергу и узнавать, где вы проживаете.
- Не зря постарался.
- Господин Бауэр просил передать, что ждет вас сегодня немного позже, часов в восемь. Господин Бауэр будет очень благодарен вам, господин Эрлих, если вы соизволите прийти в назначенный час.
- Что ты заладил — господин да господин?
- Господин Бауэр требует называть всех его знакомых господами.
- Ладно, спасибо, — я протянул юноше мелкую монету, — за труды и за то, что не устаешь называть всех господами.

В восемь так в восемь. Значит, у меня будет возможность дописать начатое письмо.

Наконец, отложив исписанные листы, я встал из-за стола и закутался в плащ. На улице было еще достаточно светло. Ровно в восемь я входил в дом Бауэров.

Встретил меня сам хозяин. От вчерашнего отчуждения не осталось и следа. Да, возможно, оно мне только привиделось.

Нога у фрау Бауэр почти прошла. У изголовья ее кровати сидела младшая дочь — шестнадцатилетняя худая и жизнерадостная Эльза, не унаследовавшая, к счастью, внешности своего отца.

— С ногой легче, — сказала фрау Бауэр. — Хотя надолго ли? Нога отпустила, но теперь я вспомнила о стеснении в груди. Герр Эрлих, правду говорят, что от этого умирают?

О Господи, взмолился я, и зачем только ты наделил человечество пустым и никчемным чувством самосохранения! Перкусия и аускультация* позволили мне еще раз убедиться, что легкие у фрау работают как кузнечные мехи и абсолютно чисты. Для успокоения пациентки я пообещал ей самые эффективные лекарства, привезенные из Европы, после чего хозяин дома произнес:

— Стол накрыт, Эрлих. Я не отпущу вас без того, чтобы вы не разделили со мной скромную трапезу.

— Время-то позднее...

— Девять-то часов? Ну что вы! Привыкайте ложиться поздно...

Стол снова ломился от яств, да и вина было вдоволь!

Густав Бауэр был разговорчив и доброжелателен. И все же иной раз мне казалось, что в его улыбке проглядывала нервозность. В разгар ужина Густав, насытившись, позвал дочь:

— Эльза, сыграй для нас на клавесине.

Его восхищения успехами дочери в музенировании я разделить не смог, поскольку играла Эльза весьма посредственно и явно без особого желания. Время от времени она бросала живые, озорные взгляды на нас,

* Простукивание, выслушивание (*лат.*).

ей было бы гораздо интереснее послушать, о чем беседуют взрослые.

Потом Бауэра потянуло на философские разговоры. Люди, всю жизнь проведшие за contadorкой, подсчитывая прибыли, склонны порой посудачить о высших материях, в которых ровным счетом ничего не смыслят. Впрочем, есть ли на грешной Земле человек, действительно разбирающийся в высоких вопросах бытия?

— Пятьдесят лет. Жизнь неумолимо клонится к закату, дорогой Эрлих. Как вы думаете, есть ли что-нибудь там? — Бауэр указал вверх. — И каков он будет, тот самый высший суд?

— К чему бояться смерти? — поддержал я умную беседу. — Для тех, кто верует в Господа, старость и смерть так же естественны, как рождение и молодость. И потом, зачем ожидать плохого от Божьего суда?

— А если душа запятнана грехами? — вздохнул Густав.

— Бог милостив гораздо больше, чем кажется. Иначе в вечной борьбе Света и Тьмы победил бы враг человеческий. Дьявол идет вслед за отчаянием и безнадежностью, а Бог — за надеждой и прощением.

— Лихо вы говорите, — насмешливо прищурился Бауэр. — Складно, прямо как по писаному. Прощение за грехи... А что есть грех? Непросто все это. Мы знаем десять заповедей. Не убий. А если смертного врага? Не укради. А если ради сбережения от голодной смерти детей своих? И что я сделал сегодня — взял на душу грех или спас душу?

— А что вы сделали сегодня? — Неожиданно я понял, что разговор между нами нешуточный. Густава что-то гложет, он хочет в чем-то признаться, но откровенно боится.

— Ничего, — встрепенулся он. — Это я просто так. Выпьем еще?

— Нет. Я люблю, когда сознание остается ясным, не люблю пустых иллюзий.

— А я люблю. — Бауэр опрокинул кубок.

Через некоторое время, взглянув в темень за окнами, я сказал:

— Пожалуй, мне пора.

— Хорошо посидели, Эрлих!

— Хорошо посидели, герр Бауэр. По улицам можно ходить без опаски?

— Совершенно. Здесь вас никто не тронет... Разбойный люд шалит лишь на больших дорогах.

На улице дул пронизывающий, совсем не летний ветер, гнавший отсвечивающие в свете луны облака. На крыльце Густав порывисто обнял меня, и я увидел в его глазах пьяные слезы.

— Прощайте, Эрлих!

— До завтра.

— До завтра, — вздохнув, кивнул он и вернулся в дом.

Я пошел по дощатому настилу улицы, подсознательно стараясь держаться на середине. Я всегда любил добрые вечера с достойными людьми, легкий разговор и хорошую еду. Мне понравился Бауэр, как нравились многие люди, встречавшиеся на моем пути. Некоторые уходили, оставаясь лишь в памяти, иные навсегда оставались друзьями и могли перед Господом засвидетельствовать, что Фриц Эрлих не такой уж дурной человек и всегда старался жить с людьми по-хорошему. На душе было безоблачно, ничто не предвещало беду, но вот...

Шаги за собой я услышал метров через двести от дома Бауэра. Резко обернувшись, увидел, как две тени скользнули в подворотню. Кто они? Скорее всего случайные прохожие. А может... Нет, в этот поздний прекрасный вечер не хотелось думать о плохом.

Пройдя еще метров пятьдесят, я понял, что с благодушным настроением мне все-таки придется рас-

прощаться. Меня, несомненно, преследовали. За годы странствий я привык к опасностям и тревогам и побывал во многих переделках, в которых меня не раз выручало обостренное чутье. Вот и теперь я понял: за мной следят. Кто? Зачем? Разбойники, душегубы, злодеи? Может быть...

Я сжал рукоять длинного дорогоого кинжала толедской стали. С ним я не расставался ни днем ни ночью, и он не раз помогал мне в самых опасных ситуациях, выручал даже тогда, когда помочь казалось не мог никто и ничто. Негоже бежать от опасности — выживает тот, кто смело встречает ее. Я обернулся, встал посредине улицы и вызывающе крикнул по-русски:

— Выходите, коль честь и благородство еще живы в вас! И сразимся лицом к лицу!

Из темноты вынырнули двое. Один высокий, сутулый, с плотницким топором в руке. Второй широкоплечий, с невероятно кривыми ногами. В короткой руке он сжимал эфес слишком длинной для него шпаги. Лиц их я не видел, одежду рассмотреть внимательно не мог, но, по-моему, они были закутаны в темные, сливающиеся с чернотой ночи плащи.

— Идите сюда, — усмехнулся я, хотя мне вовсе было не до смеха. — Молились ли вы перед своей бесславной кончиной?

Они безмолвно, не нарушая тишину ни руганью, ни жадным сопением, отличающими людей жестоких и необузданных, коим жажда крови и смерти застилает свет, двигались ко мне. Бесшумно, словно призраки ночи. Они были уверены, что мне не отпущенено ни единого шанса выжить в будущей схватке. Но я считал по-другому. Фриц Эрлих, врачеватель и скиталец, никогда не станет легкой добычей презренных грабителей. Ибо кто, как не он, сражался с варварами в песках Сахары и с разбойниками в гористых лесах Шотландии. Чья рука славилась своей твердостью во время битвы при осаде русскими Нарвы в 1700 году,

правда, на стороне короля шведского Карла Двенадцатого. И кого, как не его, обучал владению оружием великий боец месье де Ла Мот. И ничего, что из оружия у меня имелся только кинжал, в умелых руках и трость не хуже пистоля.

Итак, они приближались ко мне, медленно и уверенно, а я пятился назад, сжимая кинжал. Мой каблук наткнулся на жердь, и я ловко подобрал ее левой рукой. Теперь я почувствовал себя увереннее. Нападавшие пытались обойти меня с двух сторон, но я отступал и не давал окружить себя. Из-за туч выглянула луна, и я смог разглядеть под плащом одного из врагов богатый камзол. Простолюдины здесь такие не носят. А дворянам или служивым зачем грабитьочных прохожих? Что же все-таки нужно от меня этим людям?

Детально обдумать этот вопрос у меня не осталось времени. В неверном свете луны блеснул топор, который по замыслу душегуба должен был раскроить мне голову, но попал в пустоту. Я успел отскочить в сторону и рукояткой кинжала ударить длинного по голове. Он со стоном повалился на землю, а я тем временем палкой отбил направленный мне в грудь удар шпаги. Я не столько рассмотрел в темноте клинок, сколько ощутил его приближение. Это чувство не раз спасало меня. Лезвие соскользнуло с палки, легко задев мне бок. В пылу схватки боли я не почувствовал. Не теряя времени даром, я воткнул по самую рукоять кинжал в живот кривоногого. Тот упал на колени, будто собирался помолиться перед смертью... Убрав кинжал в ножны, я оглянулся и успел заметить, что длинный очень проворно пробежал на четвереньках метра три, затем вскочил на ноги и резво бросился наутек. Поистине низость чувств и трусость идут рядом.

— Сатана тебя забери! — по-немецки процедил стоящий на коленях кривоногий.

Только теперь я ощупал свой бок. Из раны сочилась кровь. Хоть боли и не было, голова изрядно кружилась.

Я нашел в себе силы склониться над противником. Как лекарь, я понимал: ему уже ничто не поможет. Но надо было попытаться выяснить причину нападения.

— Что тебе нужно было от меня? — выдавил я. — Кто ты такой? Ты убиваешь из-за денег, заблудшая душа?

— Из-за денег! Благослови меня, сатана? — страшно захотел кривоногий, обхватив двумя руками распоротый живот. — Ты шутишь... Ты должен за все ответить! Пришел час возмездия, Магистр!

Он плюнул мне в лицо, и на это ушли его последние силы. Кривоногий повалился на землю, глаза его закатились. Несчастный, упокой Господи его душу, расстался с жизнью. Я еле поднялся и, с трудом передвигая онемевшие ноги, поплелся к дому Бауэра. Мне удалось добраться до него. Окна были темны, видимо, хозяева задули свечи и готовились отойти ко сну.

Я забарабанил кулаками в дверь. Наконец из-за толстой двери донеслось шарканье ног; заскрипел отодвигаемый засов, дверь распахнулась, и на пороге возник Густав Бауэр в халате и с подсвечником в руке. На его лице плясали желто-красные блики, придавая зловещий оттенок.

— Господи помилуй! — отшатнулся он, узнав меня, и глаза его блеснули зло и испуганно.

— Помогите, Густав! Меня ранили, я умираю... — прошептал я, держась за поручни лестницы.

— О Господи! — опять воскликнул Бауэр и сделал шаг мне навстречу.

Я оторвался от поручней и готов был обессиленно упасть ему на руки, но тут дверь захлопнулась, и моя ладонь наткнулась на обитую металлическими полосами дверь.

— Густав, помогите же!.. — взывал я.

— Уйди от моего дома! Сгинь, сатана! — В голосе, глухо доносившемся из-за дверей, ощущалось настоящее бешенство.

Поняв, что мне здесь не помогут, я оторвался от двери и, шатаясь, поплелся к своему дому. Может, мне стоило постучаться в другое жилище, закричать, позвать на помощь, но тогда я никак не мог этого сообразить. Мысли мои путались, я шел, одержимый болезненным стремлением добраться до своих ворот.

Вот и мой дом. Не покинул меня ангел-хранитель. Теперь бы открыть дверь, сделать перевязку, смазать рану живительной мазью, секрет которой я привез с берегов Африки. Только вот хватило бы на это сил...

С трудом я вновь поднялся, цепляясь за забор, устремился к двери. И в этот миг с невероятной ясностью понял, что открыть замок у меня не хватит сил и что я так и умру на этой пыльной улице, и меня похоронят на чужой мне земле. Понял бессмысличество бесконечной гонки за призраком знаний и приключениями. Смерть ставит точку над всем и подводит все итоги. Земля неуклонно потянула меня к себе, призывая расслабиться, отдаваться ей. Я бы с удовольствием послушался, если бы не понимал, что это навсегда.. Но сопротивляться тяготению планеты уже не мог.

Очнулся я только утром. Солнце пробивалось сквозь грязное оконце, и его лучи высвечивали стоявшую в воздухе пыль. Бок ныл и саднил, что само по себе было признаком благоприятным. Значит, я жив и ничего особенно серьезного со мной не произошло.

— Пришли в себя? Ну вот и славно, — донесся откуда-то сбоку приятный мужской голос. Говорили по-немецки.

Я повернул голову и увидел сидящего на скамье мужчину лет тридцати пяти. Лицо приветливое, румяное, волосы черные, длинные. Раньше я никогда не

видел его. Он улыбался, и эта открытая улыбка сразу вызывала к нему симпатию и доверие.

— Кто вы?

— Ваш сосед Ханс Кессель, ученый и торговец. Вчера вечером вы изволили упасть у ворот этого дома. Я, признаться, сначала подумал, что вы пьяны, в здешних краях это не редкость. Но потом заметил кровь на вашей одежде. У вас в кармане, вы уж извините, нашел ключ от дверей и внес вас сюда, хоть это было и нелегко, учитывая ваш солидный вес и мои скромные силы. Осмотрев вас, я решил, что рана не так уж опасна, перевязал ее и насилино напоил вас снотворным препаратом, разбавленным вином. Уж простите, коли сделал что не так.

— Спасибо вам.

— Не стоит. Мой долг помогать ближнему. Мне кажется, вы больше устали, чем пострадали от ран.

— Похоже на то. Но, по-моему, я уже могу встать...

— Ни в коем случае. Я сейчас подам вам завтрак, который специально приготовил, а вы мне расскажете, что с вами произошло. Договорились?

Я увидел, что на столе стоит посудина, именуемая здесь чугунком, а в миске дымится странным образом приготовленная курица.

— Я и не знаю, как мне вас отблагодарить... Нужно отметить, что в жизни мне всегда везло не только на неприятности, но и на хороших людей, которые помогали мне в трудный момент преодолевать невзгоды.

— Так что же все-таки случилось? — спросил мой спаситель, протягивая тарелку с куском курицы и кубок с вином.

— Этой ночью на меня напали двое. Я сумел отбиться, но у меня не хватило проворства не пострадать самому.

— Кто же тут ночью ходит в одиночку? В это время очень много лихих людей.

— Вчера вечером мне говорили другое, — покачал я головой, вспоминая, как герр Бауэр убеждал меня, что в Московии спокойно и для опасений нет ровным счетом никаких оснований.

— Тот, кто вам сказал такое, солгал. Всегда держите при себе заряженный пистоль. И привыкайте закрывать дверь на засов.

— Непременно последую вашему совету.

— Простите. Мне пора идти. Еду вам я оставил.

Я больше не нуждался в помощи. Физически чувствовал себя вполне сносно, видимо, кровопотеря была незначительной. Свободно передвигаясь по комнате, я сам приготовил отвар из корешков, собранных на севере Китая, и целительную мазь. Сняв повязку, внимательно осмотрел рану. Пустяковая царапина, как я и предполагал. Через несколько дней смогу полностью восстановить силы и приступить к исполнению своих обязанностей.

Я даже сел за стол и продолжил письмо моему покровителю герру Кундорату, в котором не забыл упомянуть и о событиях минувшей ночи.

Под вечер ко мне заглянул Зонненберг. Он всплеснул руками, увидев меня за столом и с пером в руке.

— Я-то думал, что вы прикованы к постели и беспомощны. А вы выглядите весьма неплохо.

— И это разочаровало вас?

— Еще бы! — захотел Зонненберг. — Как же мне теперь высказать свое участие и милосердие? А вообще-то мне нравится, что у вас есть чувство юмора. У наших соотечественников, дорогой Эрлих, как ни прискорбно, оно почти всегда напрочь отсутствует.

— Еще несколько подобных переделок, и я тоже лишусь его...

— Наверняка вчера произошла случайность. Из тех, что бывают нечасто. Я поставил в известность местные власти и как раз ожидаю от них ответа.

— А откуда вы узнали о нападении на меня?

— Рассказал ваш сосед. Прекрасный человек, надо заметить. Достойный ревнитель нашей церкви. Он любим всеми нами.

В этот момент в мою комнату без стука вошел приземистый ярко-рыжий человек, одетый небогато, но добротно. Он кивнул мне и сухо поздоровался с Зонненбергом.

— Очень хорошо, что вы здесь, будете переводчиком в нашей беседе с господином Эрлихом. Я пришел спросить о трагическом происшествии, дабы принять меры к воцарению спокойствия.

Я понял, что это чиновник земского приказа (так здесь именуются власти), и сообщил ему, что отлично владею русским.

— Ах так? Тогда это меняет дело!

На казенные вопросы я отвечал скрупультно. Зонненберг комментировал время от времени мой рассказ взволнованными восклицаниями типа: «Ох какой ужас!», «Как же вам повезло, друг мой!»

Я ничего не утаил в своем рассказе, кроме, разумеется, некоторых сомнений, связанных с брошью, и подозрений по поводу участия в этом деле герра Бауэра. С этим мне предстояло разобраться самому.

— Но все же кто мог напасть на вас? У нас большой город, и я не могу гарантировать, что мы сможем без вашей помощи найти злодеев.

— Придется искать только одного, — ответил я. — Второго мне удалось заколоть кинжалом. Легче опознать погибшего, чем высматривать о нем.

— Очень сожалею, но вы ошибаетесь. Никакого трупа мы не нашли.

— Он был таким... — я поискал подходящее слово. — Мертвее не бывает, уверяю вас!

— Трупа в том месте не находили, — недовольно повторил чиновник.

Вскоре все формальности были завершены, и он покинул дом.

— Я же видел, что один из грабителей отдал Богу душу, — угрюмо произнес я.

— Какая разница... К тому же местные жители так живучи...

— Это были немцы. — Горькую истину я утаил от чиновника.

— Не может быть! — протестующе воскликнул Зонненберг.

— Это были немцы!

— Сколько неприятностей на мою несчастную голову. Вы не представляете, как спокойно жили мы еще недавно. И тут это нападение, а к тому же, как вы говорите, его совершили наши земляки. Да еще Бауэр...

— Что Бауэр? — встрепенулся я.

— Да не беспокойтесь, ничего особенного. Помоему, он заболел. Пришел я сегодня к нему, а он даже принять меня не смог. Сказал, что очень плохо себя чувствует.

Вместе с силами и здоровьем ко мне возвращались дурные мысли. В какую такую круговерть я угодил? В чем подоплека ночного покушения? То, что я подвергся нападению не простых разбойников, было ясно. Грабители не стали бы уносить труп сообщника и вообще не вернулись бы на место убийства. Уж мне-то хорошо известны их трусливые повадки. Возможно, у убийц была какая-то связь с Бауэром.

Я вспомнил страх и ненависть, вспыхнувшие в глазах Густава, когда он захлопнул дверь своего дома передо мной. Он предал меня. Он и никто другой. Он сознательно отложил в тот вечер мой визит до более позднего времени. Для того чтобы отдать меня в руки убийц! И недаром он сказал мне тогда: «Прощайте!» Он действительно прощался со мной навсегда, зная, что нам не придется больше свидеться. Это-то он отлично понимал, забери его дьявол!

В груди моей закипала ярость. Так ошибиться в человеке, который казался мне добродетельным и честным! Что такого я ему сделал? За что он меня ненавидит? За что?

Бауэр. Обычный купец, у которого хорошо идут дела. Это внешне. А что скрывается у него в голове? Какие черные мысли и замыслы, какие злобы и страх? Он был предупредителен, вежлив. И в один миг все это сменилось ненавистью. Я не давал ему ни малейшего повода для подобной перемены. Я никогда не перешел ему дорогу, ничем ему не помешал. Он не знал меня раньше. И все-таки он возжелал моей погибели...

Я начал припоминать наши встречи подробнее. Первый визит. Все шло нормально. Второй визит кончился застольем. И тоже все было хорошо, ничто не нарушало спокойную беседу. До момента, пока... Да, конечно, взгляд его наткнулся на брошь. Но почему она выплынула из его сознания злобу по отношению ко мне? Вещь, безусловно, дорогая, но, чтобы купец из-за нее связался с разбойниками, это невероятно. Но ведь именно когда он увидел ее, кровь отхлынула от его лица. На нем появилось странное выражение. Это была не алчность. Это было нечто большее. Точно, страх. Даже не страх, а ужас!

Брошь. О Господи! Что с ней связано? Откуда она? Уж не приснилась ли мне вся эта чертовщина?

Я вынул брошь из ларчика и положил перед собой. Солнце клонилось к закату, и красные лучи причудливо играли в гранях огромного рубина. Будто капельки крови мелькали в нем. Да, да, капельки крови, которую недавно пролили. Еще неизвестно, сколько крови уже омыло эту безумно красивую вещь, сколько жертв было ей принесено. Откуда она, какая загадка в ней скрыта?

Начинало темнеть, а я все смотрел на брошь, не в силах оторваться от ее мрачного очарования. Отвлек меня от этого занятия неясный шум у дверей. Я взял

пистоль, с которым решил не расставаться, и прицелился в тень, появившуюся у входа.

— Стой, или этот шаг будет последним! — крикнул я громко.

— Вот теперь я вижу, что вы вполне здоровы, — донесся до меня голос соседа Кесселя. — Почему в темноте? Бережете свечи?

— Просто задумался.

— Я не вовремя?

— Вы всегда вовремя, мой спаситель. Проходите. Мы зажгли свечи.

— Какая прекрасная штучка. — Кессель взял брошь со стола и внимательно посмотрел на нее.

— Вы находите ее красивой?

— А разве может быть иначе? Какой рисунок...
Кстати, вы знаете, что он означает?

— Нет, не знаю, — ответил я.

— Это знак борьбы Света и Тьмы. Во время моего обучения в Пражском университете был у меня увлеченный всеми тайными учениями старый уважаемый учитель. И он надежно вбил в мою голову премудрости, в которые я, впрочем, никогда особенно не верил. Он говорил, что подобные броши обладают таинственной силой и бывают только у избранных. Этот уникальный рубин — камень силы. А изумрудная змейка — символ власти над зеленою планетой.

— Мне эта брошь досталась случайно.

— Ну нет, такие вещи случайно никому не достаются. По словам старого Грубера, нет случая там, где действуют скрытые от нашего глаза силы и закономерности, стремления и возмущения.

— Ваш Грубер был несерьезным человеком?

— Это верно, несерьезным, — засмеялся Кессель. — Поэтому я не пошел по его стопам. Меня интересует природа, в ней одной отражен Божий промысел. Остальное же все выдумки или происки врага рода человеческого.

— А кто же те избранные, кому суждено владеть такой брошью?

— Подобная брошь может достаться только Магистру.

— Кому? — Меня пробрал озноб, ведь именно так называл меня разбойник перед смертью.

— Магистру магии, обладателю черной силы.

— Святой Боже Иисус!..

Видимо, я побледнел, поскольку Кессель, с тревогой посмотрев на меня, поспешил успокоить.

— Слушайте, Фриц, я сказал это, чтобы позабавить вас, а не для того, чтобы портить настроение и здоровье. Все это глупости. Давайте лучше выпьем.

Он достал из большой кожаной потертой сумки, с которой, должно быть, никогда не расставался, бутыль вина и разлил его в металлические кружки.

— Прозит!

Мы выпили, потом еще. Затем за беседой осушили всю посудину... Опьянения я не почувствовал. Наоборот, голова стала ясной, мысли четче.

— Я вас совсем заговорил, герр Эрлих, — спохватился Кессель, поднимаясь. — Вам необходимо выспаться. Завтра вы будете как новенький.

Он ушел, а я остался сидеть за столом. Магистр, черные силы... Непонятно почему, но эти слова запали мне в душу.

Кессель не верил в подобное. И о броши он все сочинил просто так, чтобы поддержать разговор. А я поверили. И притом сразу. На меня накатила горячая волна. Я почувствовал, как во мне просыпается что-то мощное, неизведанное, дремавшее долгие годы, и это что-то влекло меня вперед. Куда? Если бы знать! В сознании замелькали и слились в единую картину: Бауэр, Магистр, брошь, этот загадочный выгоревший город, книга... Книга! Да, именно книга!

Я открыл ларец и вынул ее. Первая страница. Латинский текст. Этот мертвый язык я знал так же хорошо, как родной немецкий. «Книга влияния имеет

огромное, но пользоваться ею может только тот, кто от рождения и по свойствам душевным Магистром зваться должен».

«По рождению или по свойствам душевным». А если...

Голова у меня была легкая, слегка гудела от вина и нервного возбуждения, возраставшего по мере того, как я перелистывал древние страницы. Фолиант лежал на грубо сколоченном деревянном столе, и мне казалось, что в темноте, рассеиваемой лишь слабым светом свечи, он тоже начинает сиять.

Я все перелистывал пожелтевшие от времени страницы, исписанные Бог знает сколько столетий назад давно уже отошедшим в ад человеком. Мог ли он предположить, что через сотни, а может, тысячи лет его труд будут листать в тесном домике на окраине большого таинственного города, что в убористый текст будет вчитываться лекарь-бродяга, всю жизнь считавший себя самым обыкновенным человеком. Наверное, этот автор мог предположить и такое — ведь подобные книги пишутся людьми, для которых круг тайн гораздо шире нашего. Впервые в жизни я по-настоящему, душой, стал осознавать, насколько неизведен и загадочен подлунный мир, в котором мы обитаем. И какая мудрость может скрываться в таких вот дьявольских книгах.

Прочитанное намертво отпечаталось в моей памяти, будто в ней издавна было приготовлено специальное место. Я впитывал сведения о древнейшей и самой непостижимой из наук. Нельзя сказать, что я сразу сдался Злу. Просто казалось уже неважным, от Бога идет эта сила или от сатаны. А может быть, и от них обоих? Я чувствовал в себе силу, связанную напрямую со Знанием, и не мог противостоять ее магнетизму.

Пробежав глазами страниц двадцать, я обхватил голову руками. Я чувствовал, что подхожу к грани, за которой смогу обрести власть не только над простыми

смертьми, но, возможно, и над сильными мира сего. В тот вечер я принял эту истину сразу, будто всю жизнь ждал ее. «Я все могу!» — эта мысль буквально жгла мой мозг. В меня вселилось могущество Зла, и я прекрасно понимал, кому обязан этой силой.

Я встал, вновь открыл ларец, вытащил брошь и бережно приладил ее на груди. Без нее ничего не удастся, без нее меня ждет неизбежная мучительная гибель. Брошь предохранит меня от страха и опасностей, которыми, словно эфиром, пронизан весь мир. Волшебный камень защитит меня. А еще... еще этот мелок, будто специально оставленный для меня в ларце. Я раньше не обращал на него внимания, но теперь понял, что он-то мне как раз и нужен. Я не думал, зачем это делаю, чего хочу достигнуть. Просто я должен был это сделать и остановиться уже не мог.

Встав на колени, я очертил мелом почти ровный круг, метра три диаметром. Внутри еще один, поменьше. Возбуждение мое нарастало, в голове гудело. Я едва сдерживался. Так, что там дальше? Пентаграммы, имена четырех охраняющих демонов с разных сторон. Звезда, а в ней цифры — 1,3,7,11.

Трясущимися пальцами я перевернул страницу и дрожащим голосом начал:

— О, всесильные духи Юпитера, я зову и призываю вас именем Сатаны, Люцифера, Андрамилеха, Ахримана и других великих теней Зла...

Мой голос крепчал, в нем появлялась уверенность, да и сам я, ощущая свою власть, распрямлялся, беспощадно глядя перед собой.

Передо мной возникло голубое сияние, вскоре превратившееся в вихрь, бушевавший вокруг очерченного мелом круга. Внутрь его вихрь проникнуть не мог, но даже здесь, в безопасности, я ощущал, каким ледяным холодом и кошмаром веет оттуда.

— Я, повелитель, призываю тебя...

Вихрь стал желтым, в нем начали мелькать ужасающие клыкастые пасти, змеиные тела, какие-то



странные хвосты и когти. Все это истекало гноем, рвалось ко мне, клацало челюстями, а надо всем разносился вой, жуткий вой, от которого кровь становится холодной, как талый снег. Но ведь это всего лишь элементалы — духи стихий. Их нет смысла бояться. И сейчас мне нужны не они. Нет, не они!

— Повелеваю тебе прийти к кругу моему, чтобы выполнить волю мою. Если же ты этого не сделаешь, то поражу я тебя огненным мечом, стократно усилив страдания твои в геенне огненной!

Вихрь заблестел, заиграл багровыми и фиолетовыми всполохами, и вот из него возник гигантский дракон с шипами, перепончатыми лапами, клыками и маленькими злыми глазками. Как он мог поместиться в комнате? Впрочем, комнаты уже не было. Вместо нее было бесконечное, заполненное мельканием и вспышками пространство. На спине дракона восседал король, в белоснежной мантии, со скипетром в одной руке и пылающим факелом — в другой. Его синее лицо было безжизненным и отвратительным.

— Я пришел к тебе, повелитель, чтобы исполнить волю твою. Я покорен тебе. Я выполню все, что ты пожелаешь. Что ты хочешь, великий хозяин? Что ты хочешь, великий? Что ты...

Тут я осознал, что не смогу произнести ни одного слова. Все закружилось передо мной, пол закачался и стал уходить из-под ног. Я должен был удержаться, не имел права потерять сознание. Это означало бы смерть. Я не мог понять почему, но твердо знал, что должен выстоять. Должен одолеть злого демона Юпитера.

Между тем глаза демона, совершенно мертвые и вместе с тем горящие каким-то зеленоватым, дьявольским огнем, впились в меня. Кроме этих глаз, я уже ничего не видел. В тот миг я отчетливо представил себе, что такое ад. Это тысячелетия под таким холодным, страшным взглядом.

— Я все понял, — прошипел король, и дракон встал на дыбы.

— Что ты понял?! — воскликнул я испуганно. — Я ничего тебе не говорил. — Ведь я сам еще не знал, что хочу от него.

— Все понял! — Дракон взвился в жутком танце. Цвет его постепенно темнел, пока не стал черным, и на его месте не осталось ничего, кроме клочка тьмы. Я осознавал, что произошло нечто непоправимое, невероятное, и всячески пытался вернуть утраченный миг...

— Что ты понял?

Тут тьма распахнулась, и я увидел, что передо мной вовсе не король в белоснежной мантии, а безобразная старуха в черном плаще.

— Я все понял, повелитель!

— Подожди...

Но я уже ничего не мог сделать. Пол ушел из-под моих ног, и я как подкошенный провалился в какую-то бездонную яму. Мир в моих глазах померк. «Вот так и приходит смерть! В образе черной, отвратительной старухи...» — подумалось мне напоследок.

Когда я очнулся, то увидел над собой землистое незнакомое лицо. Оно было ужасно — огромный горбатый нос, холодные бесцветные глаза, кривые желтые зубы, гнусная зловещая ухмылка. Что это? Очередной призрак, вызванный из эфирных сфер дьявольской книгой? А кто теперь я сам? Магистр? Путешественник? Лекарь?

— Он пришел в себя, — раздался голос Зонненберга.

Я повернул голову и увидел его длинную фигуру, а рядом моего соседа господина Кесселя. Значит, нависшее надо мной лицо принадлежало не демону, не призраку, а просто незнакомому мне человеку.

— Что происходит? — с трудом произнес я.

— Я нашел вас утром, — ответил Кессель. — Вы вновь были настолько неосмотрительны, что оставили

дверь незапертой. Вы лежали на полу, и я подумал, не случилось ли непоправимое. Однако вы оказались живы, просто были без сознания. Я положил вас на кровать и послал за господином Зонненбергом. Он в свою очередь пригласил вашего коллегу доктора Винера.

Страшный человек, так напугавший меня, учтиво поклонился.

— Доктор Винер прибыл в Москву не так давно, но уже успел снискать уважение высокими моральными качествами и хорошим знанием лекарского дела, — сказал Зонненберг.

Винер вежливо улыбнулся, но эта улыбка напоминала скорее оскал тигра-людоеда перед завтраком.

— Что со мной было?

— Вы немного переутомились. — Голос лекаря был под стать внешности — скрипучий, каркающий.

— Голова у меня как после хорошего похмелья...

— Ничего удивительного, друг мой, — произнес Зонненберг. Вид у него был усталый, и, похоже, его врожденный оптимизм сегодня несколько пошатнулся. — Поездка, новый город, новые люди, схватка, ранение. Ничего удивительного...

— Сколько сейчас времени?

— Полдень.

— Святые угодники! Выходит, я пробыл без сознания четырнадцать часов!

— Выпейте настойку, — проскрипел лекарь Винер, протягивая мне мензурку.

— Валерьяновый корень?

— Гораздо лучше. Да вы пейте, пейте...

Я проглотил неприятную на вкус жидкость. Никак не мог определить, что же это такое, хоть и знаю немало снадобий и самых диковинных лекарств. По телу пробежали мурашки, но вскоре мне стало легче. Сознание прояснилось, исчезла отвратительная тошнота. Переживания прошедшей ночи потускнели, и мне подумалось, что все это было лишь страшным

сном. Брошь, демоны, власть над силами ада. Дракон. Старуха. Бред какой-то.

— А теперь вам придется побывать одному, друг мой, — с сожалением произнес Зонненберг. — Я вам вчера говорил, что неприятности и несчастья обрушились на наших земляков. Но тогда я еще не предполагал их размеров. Прискорбный долг сегодня ожидает нас.

— Какой долг?

— Герр Бауэр умер этой ночью.

— Как умер?! — воскликнул я, и, видимо, на моем лице отразился неподдельный ужас. Все загадочные события минувших дней вновь всплыли в моей памяти.

— Не надо так переживать. — Положил мне на плечо руку Зонненберг. — Все мы смертны. Умер. Да, умер. Он был добрым человеком. Большая потеря для всех нас.

— Вы что-то скрываете...

— Помилуйте! Что я могу скрывать? К сожалению, умер он не своей смертью. Его убили. Кинжал в груди.

— Я так и предполагал...

Перемена на моем лице не укрылась от лекаря Винера.

— Вам снова плохо?

— Нет, просто я страшно устал.

Они ушли, пообещав сегодня же наведаться опять. Я с трудом встал. Книги и броши на столе, где я их вчера оставил, не было. У меня вновь закружилась голова и засосало под ложечкой. Захлестнуло чувство ужаса. Страх, посетивший меня при известии о смерти Густава Бауэра, был лишь слабой тенью, ручейком по сравнению с потоком животного ужаса при мысли о возможности утраты этих вещей... Мне даже думать не хотелось о том, что брошь и книга могут быть утеряны навсегда. Забыв обо всем, я заглядывал под лавки, вытряхивал коробки, стоявшие в углу, общари-

вал саквойж, но бесполезно. Хотелось выть. Может быть, я еще не пришел в себя после обморока, в моем поведении было что-то недостойное и странное, но я не мог сдержаться. Отчаяние навалилось на меня невыносимым грузом.

Опрокинул со злости скамью. Хотелось сокрушить все, и, возможно, я занялся бы этим, если бы хватило сил. Но в тот миг я смог лишь упасть на стул и безжизненно уронить голову на ладони. Неизвестно, что было бы дальше, если бы мой взгляд не упал на полку, на которой стоял ларец.

С замиранием сердца я открыл его. И — о радость! — книга и брошь были там. Я потерял голову и не удосужился посмотреть туда, где и должны были находиться указанные предметы.

Скорее всего, ларец поставил на полку Кессель, нашедший меня. Я присмотрелся к доскам пола. На них остались едва заметные следы мела. Видимо, Кессель позаботился и об этом. Спасибо ему, иначе не было бы конца расспросам гостей, увидевших колдовской круг, исписанный пентаграммами...

Я положил книгу и брошь перед собой на столе. Возбуждение проходило, возвращалось спокойствие. Я не мог оторвать глаз от вещей, которыми не имел права владеть. Неужели это они явились причиной смерти Бауэра? Если быть точным, то причина могла крыться не в них, а во мне. В какой-то темной стороне моей души, проявившейся этой ночью, когда мной были вызваны призраки великого Зла и бездонной Тьмы мира.

Но хотел ли я смерти Бауэра? Злой блеск его глаз, когда он грубо захлопнул дверь передо мной, истекающим кровью и надеющимся на милосердие и христианское сострадание, я не забуду никогда в жизни. И вот мое озлобление привело к непоправимому. Мне опять стало страшно за то, что скрытые в глубинах моего сознания злые думы и помыслы могут реализоваться и служить преумножению зла в мире.

Я тряхнул головой. О чем это я думаю? Что за чушь? Неделю назад я высмеял бы того, кто осмелился бы заявить, что подобное может прийти в мою холодную, здравомыслящую голову. Ночные призраки мне только привиделись — в этом нет сомнения. И поводом к тому явились потеря крови, жестокие испытания и даже просто новизна ощущений в таком непривычном городе. Смерть Бауэра? Случайность. Несомненно, жестокий случай, совпавший с моим бредом. Мало ли кто мог убить его. К тому же трудно себе представить, что дьявольские силы стали бы пользоваться таким прозаическим оружием, как кинжал. Гром и молнии куда более подходят для них. Хотя, конечно, всякое может произойти в этом непознанном мире. Всякое... Но нет, нельзя позволить иллюзиям захватить меня в плен.

Я никак не мог прийти к какому бы то ни было выводу. Неизвестность терзала меня. Сомнения до-саждали похуже пытки огнем. Не мог я успокоиться, не разобравшись во всем, не уяснив окончательно, что же было со мной ночью — горячечный бред или странная, непостижимая действительность. Я должен был ответить себе на этот вопрос. Для этого необходимо встать, пойти в дом Бауэра и поподробнее разузнать об убийстве. Да, я обязан встать и, превозмогая себя, идти. Идти, чего бы это мне ни стоило.

Я закутался в теплый плащ, который вряд ли мог меня защитить от внутреннего холода, надвинул на глаза треуголку и вышел на улицу. Там светило солнце, а меня был озnob. Дорогу я нашел без труда. Вон колокольня, торговые ряды...

Бауэр лежал в гробу, и на его лице было написано вселенское спокойствие. Мне стало жаль его. Болезнь сильно ослабила меня, я начал терять контроль над своей волей, поэтому, вне зависимости от моего желания, на глазах выступили слезы. Да, мне было жаль Густава Бауэра, несмотря на то что он отдал меня в руки наемных убийц. Перед лицом смерти все рав-

ны. А в этой смерти я чувствовал свою прямую вину, хоть мой рациональный ум и восставал против этого.

Дочки усопшего плакали, их утешал Зонненберг. Жена Бауэра была настолько потрясена утратой, что у нее просто не хватало сил на стенания и слезы. Ее тихая, уютная жизнь разлетелась в одну ночь, смерть мужа коснулась ее своим черным крылом.

Я выразил им свое глубокое сочувствие. Должно быть, я был очень бледен при этом. По крайней мере Зонненберг укоризненно покачал головой и, взяв меня под руку, отвел в сторону.

— Очень благородно, что вы откликнулись на горе этой семьи и не пожалели сил, чтобы сюда прийти. Но, право же, стоит ли так рисковать здоровьем?

— Это моя обязанность. Как погиб Густав?

— Трудно сказать. Вряд ли кто сумеет ответить на этот вопрос. Разве что убийца, если его поймают. Знаю только то, что оружие убийства — кинжал.

Господин Зонненберг подвел меня к тумбе, где стоял большой медный поднос, покрытый зеленою тканью, и приподнял ее. На подносе лежал кинжал с потеками крови на гладко полированном лезвии. Рукоятка его была богато инкрустирована драгоценными камнями.

Я нагнулся над подносом, и тут же дыхание мое прервалось и пол заходил под ногами. На рукоятке кинжала был рисунок змеи, опоясавшей солнце. Да, да, точно такой же рисунок, как на броши!

Я почувствовал, что падаю, но тут крепкая рука подхватила меня. Я повернул голову и увидел жуткую гримасу на лице доктора Винера, которая, вероятно, должна была выражать человеческое участие...

Мне было очень плохо. Не столь страдало тело, сколь дух. В один миг весь мир изменился. Все то, что было твердым, стало зыбким, а зыбкие интуитивные истины стали незыблыми мощными монументами. Получалось, что тончайший мир идей, мир сти-

хий, намного более реален, чем вся моя прошлая жизнь — бесконечные бессмысленные странствия, накапливаемые по крупицам бесполезные и лишенные какой-либо ценности знания. Все это только моя предыстория, предшествие пробуждения истинного Я, наделенного странным могуществом. Да, могуществом, чьим рабом предстоит мне стать. В глубине души я понимал: противиться моему новому назначению, этой темной силе я уже не могу. Ничего не получится, как бы мне этого ни хотелось. Эта жестокая действительность выше меня.

Обратно домой мне помог добраться также Кессель, приходивший отдать дань памяти покойному. Он и Зонненберг очень обеспокоились, когда мне стало плохо. И снова упрекнули меня, что ради условностей я пренебрегаю здоровьем, а это уж никуда не годится.

— Вы совсем не жалеете себя, Фриц, — сказал Кессель, помогая мне поудобнее расположиться на скамье в моем доме.

— Хотите пива? — спросил я. — Местные жители совершенно не знают толк в этом божественном напитке.

— С удовольствием.

Мы выпили из больших кружек, и мне стало легче. Волнение улеглось.

— Не люблю эти скорбные дела, — вздохнул Кессель. — Расстраиваюсь. Знаете ли, обостренное чувство жалости... Знакомо оно вам?

— Несомненно.

— Мне оно мешает жить с младых лет. Вокруг так много несправедливости. Каждый день видишь то, что не может не вызвать сострадания. В результате жизнь становится сущим адом.

— Вы правы. Это чувство владеет и мной. Может быть, потому я и хотел с самого детства быть врачом.

Я не лгал. Я действительно любил людей и почитал Господа. Я, которому теперь дана сила от врага чело-

веческого. Я, который не может ее отвергнуть. За что мне такое?!

— А я всегда мечтал о богатстве, — продолжал Кессель. — Хотел обладать всеми сокровищами мира, чтобы в один прекрасный день распахнуть кладовые, озлотить бедных, накормить голодных... Вот такими мечтами я тешился. Глупо, конечно.

— Да уж! Этот мир проклят и обречен на несправедливость.

— Вы, как я посмотрю, тоже склонны к философии. Похвально. В этом городе философы пользуются особым уважением. И вообще, Эрлих, вы мне нравитесь. — Кессель отхлебнул из кружки и поставил ее на стол. — Вы человек тонко чувствующий. Но чрезсчур склонны к излишним переживаниям.

— Склонен, герр Кессель, еще как склонен. Сейчас, например, я склонен к чувству страха. Верите или нет, но он пропитал меня. Я, как губка, впитываю его. Я боюсь, Кессель!..

— Что случилось, Фриц? Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

— Я попал в какую-то диковинную карусель. Вокруг меня витает смерть. Смерть и кошмар. Сначала меня хотели убить. Я сам убил человека. Теперь вот Бауэр... Я боюсь, Кессель!

Я выпалил все разом. Мне необходимо было хоть чуть-чуть приоткрыться, поделиться переживаниями. Я не мог один нести эту ношу.

— При чем тут Бауэр? — пожал плечами Кессель.

— Все связано между собой. Я это чувствую. И все вертится вокруг этих проклятых вещей — броши и книги.

— Какой книги? Которую я нашел на полу рядом с вами? Признаться, я не заметил в ней ничего зловещего.

— О! В ней дьявольская сила. Вы же сами говорили...

— Бросьте. Это только в сознании моего старого профессора подобные предметы могли представлять какой-либо интерес, кроме ювелирной работы и высокой цены. Я не верю в их могущество. Все это противоречит промыслу Божьему. И мне не нравится, что вы принимаете происходящее так близко к сердцу. К чему вы нарисовали дьявольский круг на полу, который я тщательно стер? Эти фантазии лишь способствуют развитию вашего недомогания.

— Возможно. И все-таки расскажите мне поподробнее о броши.

Кессель замялся. Я видел, он жалеет, что затеял вчера этот разговор о потусторонних явлениях.

— Говорите! — как можно тверже потребовал я.

— Ну хорошо, если вы так настаиваете. Только не забывайте, что все это сказки. Ваша брошь, дорогой сосед, обладает чудодейственной силой. Ее никто никогда просто так не находил. Подобными талисманами обладают только те, кому предстоит стать Магистром. Так, кажется, называют властителей тайной магии. Об этих Магистрах, вероятно, можно говорить много, но мой старик профессор, к сожалению, ограничился лишь несколькими невнятными фразами. Я понял только, что эти люди однажды становятся обладателями тайной силы. С ними начинают происходить странные события, в их окружении появляются странные люди, совершающие странные поступки. Например... — Кессель замялся.

— Что?

— Вы воспринимаете все слишком серьезно... Ах, ладно! В общем, эти странные люди непонятно почему хотят убить нового Магистра. Магистр должен одолеть их всех, лишь после этого он станет неуязвим.

Я до боли в пальцах сжал кружку и так стукнул ее о стол, что выплеснулось пиво.

— Кажется, я опять напугал вас? — забеспокоился Кессель. — Эх, нечего было распускать языки...

— Не беспокойтесь. Неужели вы думаете, что я всерьез поверил этим рассказням?

Я потерял шею. Нельзя так много говорить. Ведь мои проблемы — это мои проблемы, и нечего впутывать в них посторонних. А что же я сам? Верю ли я во все это? А что мне остается делать? Действительно, необычные события, странные люди, Бауэр, ночные убийцы. Ну и этот, как его, лекарь Винер. Кровь стынет в жилах от его холодного паучьего взгляда. Все сходится — они хотят моей смерти. И ночной кошмар... Да, черт возьми, мне это не приснилось! Все это было наяву, на самом деле, в действительности!

Нужно приспособливаться к новым обстоятельствам. Как там сказал Кессель? Главное — победить сейчас, и тогда я буду неуязвим!

Когда мой сосед ушел, я проверил и зарядил оба пистоля. Отполировал бархоткой кинжал. Затем убрал брошь в ларец и, отодрав доску пола, надежно спрятал его.

«Так-то лучше», — подумалось мне. Главное, как можно быстрее прийти в себя, восстановить здоровье и быть готовым к новым смертельным неожиданностям.

На следующее утро появился Зонненберг.

— Пришел навестить вас, мой друг, — сказал он, радушно улыбаясь.

Неприятности последних дней немного поколебали его оптимизм, но только на один день. Сейчас передо мной стоял прежний жизнерадостный, добродушный и доброжелательный.

— Я искренне рад вас видеть.

— Помните влиятельную особу, у которой мы были позавчера?

— Да, конечно.

— Вы произвели на князя самое благоприятное впечатление, и он желает, чтобы вы осмотрели его

тетушку. Имейте в виду, что это весьма капризная особа, но очень богатая. Если вам удастся найти с ней общий язык, то успех в этом городе обеспечен. Вы согласны?

— О чём речь? Когда и куда я должен идти?

— Князь Одоевский хотел, чтобы вы сделали это сегодня, но вы все еще нездоровы...

— Я здоров и могу приступить к исполнению своих врачебных обязанностей.

— Я все же боюсь...

— Нет, нет, все в полном порядке! — сказал я и легко поднял на вытянутой руке тяжелый стул.

— Да, теперь я вижу, что вы в полной форме, ха-ха-ха, — рассмеялся Зонненберг. — Лично я никогда не был так здоров. Ну что же, пошли.

Вдовствующая тетушка князя проживала в роскошном двухэтажном доме на одной из московских окраин. Ей досаждали постоянные головные боли. Меня она встретила настороженно.

— Племянник прислал? Небось опять шарлатана? — властно проронила представившему меня слуге высокая статная дама далеко еще не преклонного возраста. Ее надменное лицо довольно успешно хранило остатки былой красоты.

— Может быть, Ваша светлость, — почтительно склонился в поклоне слуга. — Но почему бы не испытать его?

— Можно. Он наверняка глух как тетерев к нашему языку. Недаром же всю их иноземную братию у нас издавна окрестили немцами. Ты посмотри, каков франт, гусь заморской...

Я позволил себе прервать лингвистические изыскания княгини, дабы не поставить ее в неловкое положение.

— О нет, сударыня! Я овладел русским языком еще до того, как моя нога ступила на эту благословенную землю.

Княгиня если и смущилась, то лишь на мгновение.

— Ты глянь, он и по-человечьи понимает, и говорить обучен. Почти правильно произносит. Не ковкает, как остальная немчура...

Вероятно, следует упомянуть о том, что с первого шага в доме княгини меня поразило совершенно невероятное количество рослых молодых слуг мужского пола. Поверхностный осмотр княгини, на редкость спокойно отнесшейся к необходимым при этом манипуляциям, подтвердил мои предположения. Я припомнил прелестные месяцы, проведенные в Испании, где благодаря моим талантам лекаря был допущен в дома высшего света. Жесточайшая католическая мораль заставляла многих прекрасных представительниц знати сдерживать свой огненный темперамент до определенного возраста, находящегося за той чертой, когда тайная близость между мужчиной и женщиной может принести нежелательные явные плоды. Зато перешагнув сей Рубикон, милые дамы отдавались желанной страсти со всей накопившейся за долгие годы воздержания и ожидания энергией. Явно нечто подобное встретил я и в случае с вдовствующей русской княгиней.

Предварительно убедившись в том, что моя пациентка латынь не изучала, я нагромоздил медицинские термины, дабы не дать ей понять, что мне ясна истинная причина ее недомогания. А уж помочь ей избавиться от последствий чрезмерного служения Амуру для меня не составляло ни малейшего труда. Настоятельные рекомендации по дальнейшей диете (больше жирной и сладкой пищи), а также настойки чудесных трав, собранных мною в далекой Индии, должны были сделать свое дело.

Мне показалось, что я преуспел в общении с этой своеобразной пациенткой. Когда я выходил, слуга, на редкость воспитанный и нарядный для здешних мест, почтительно склонил голову:

— Господин врачеватель, вы единственный, кому удалось понравиться нашей хозяйке. Она сказала, что

не прочь видеть вас снова, и просила передать вот эти деньги за визит...

Он протянул мне горсть серебряных рублевиков. Насколько я разбирался в здешних деньгах, сумма была немалой.

— Приказано запрячь лошадей и довезти вас до дому.

— Благодарю покорно. Не стоит утруждаться. Я дойду пешком.

Вскоре я понял, что безрассудно было отказываться от экипажа. Все же я еще окончательно не выздоровел, появились головокружение и тошнота — люди, дома, улицы стали зыбкими, неустойчивыми.

Неожиданно для себя я оказался в торговых рядах. Там толпились крестьяне в лаптях и рубахах, торговцы, предлагавшие сброву, сукно, туши мяса, притягивавшие полчища мух, встречались бояре, потевшие в кафтанах, но из важности не снимавшие их. Несколько солдат гоготали и щипали трех толстенных баб в просторных рубахах. Стоял шум, кто-то расхваливал свой товар, кто-то бранил воришку, стащившего кусок мяса, кто-то пел. Во всех странах торговые ряды чем-то схожи, и люди здесь захвачены желанием получить или истратить деньги, выбиться из нищеты, преумножить свои богатства, дабы не опасаться голода в тяжелый год, не гнуться перед каждым. Люди везде одинаковы — суеверны и алчны.

Беседовавший с лоточником до моего появления, нищий — совершенно лысый, с ужасным, шедшим через всю голову и лицо шрамом — подбежал ко мне и, упав на колени, схватил полу моего камзола.

— Подай, мил человек. Подай, Христа ради, голодному!

Я вырвал полу и кинул нищему мелкую монету.

— Спасибо, мил человек. — Он вновь ухватился за мою одежду. — Буду молиться за тебя. Чтобы Господь все тебе простил. И убийство, и чародейство твое черное...

— Что ты говоришь, негодяй?.. — прошипел я.

Голова кружилась все сильнее, казалось, что происходящее творится не со мной, что все это мне только чудится в лихорадочном бреду.

— Правду говорю, мил человек. — Он стал дуршливо дергаться и хлопать ладонью по земле. — Ты колдуешь, но перед Богом все равны. Вот я и буду за тебя молиться...

— С чего ты взял, что я колдую?

— Ни с чего, ха-ха-ха. — Осмысленность на его лице исчезла. — Ха-ха-ха, ни с чего, колдун. Дай еще денег! Дай!

У меня возникло желание изо всех сил садануть его сапогом, но я сдержался, только покачал головой, хотел кинуть еще монетку, и тут... Я с детства умею не только ощущать на себе чужие взгляды, но даже определять настроение смотрящего. На меня явно кто-то глядел — пристально, изучающе...

Я быстро обернулся, но разглядел в толпе лишь темную удаляющуюся фигуру. Узнать этого человека со спины я был не в состоянии. Видимо, негодяй нищий с кем-то вговоре, и этот кто-то затевает зло против меня. Я хотел схватить попрошайку и повернулся к нему, но тот исчез, будто его и не было.

Домой я вернулся совершенно разбитым, полным тревог и раздумий. Головокружение усилилось, но я выпил приготовленный ранее целебный отвар, и мне немного полегчало. И тут я почувствовал себя таким одиноким, несчастным и заброшенным на край света, что у меня проснулась жалость к самому себе. Может, зря я посвятил жизнь поискам чего-то неуловимого, постоянно ускользающего, едва начинаешь приближаться к нему? Я всегда стремился за горизонт, ожидая, что там меня ждет что-то необычное, высокое, но там ждали те же люди, те же города, только более или менее необычные, та же усталость, та же людская несправедливость и несчастия. А может быть, и не

надо было никуда стремиться? Может, счастье ждало в родном Айзенахе, таком тихом и милом, в объятиях прекрасной Эльзы, с которой я был помолвлен еще в двенадцать лет. Может быть, покидая свой городок и стараясь не оглядываться на плачущую у городских ворот невесту, я навсегда утерял право на счастье и попал в заколдованный круг бесплодных начинаний и ненужных проблем?

Но нет! Я все же немало повидал, я открыл для себя джунгли и пустыни, высокие снежные горы и полноводные реки, встречал негров и краснокожих жителей Америки, для меня стали родными Мадрид и Лондон... И пусть не нашел я призрачного счастья, но скольким людям облегчил страдания, скольких вырвал из лап смерти. Такова уж моя судьба!

Ближе к вечеру в моем доме появился гость. Правда, не могу сказать, что его визит обрадовал меня и помог развеять тоску. Лекарь Винер не относился к тем людям, к общению с которыми я стремлюсь. Кроме того, его лицо в отсвете свечей приобрело воистину жуткий, дьявольский вид.

— Рад вас видеть, господин Винер, — покривил я душой. — Моя персона доставляет вам немало хлопот.

— Это моя обязанность, мой крест, если хотите...

— Что же, я вас понимаю! И не останусь в долгур.

— Мне это известно. Вы очень плохо выглядите, господин Эрлих. Вам не нужно было приходить к Бауэрам.

— Возможно, но это тоже были мои обязанность и долг.

— У вас слишком много долгов, — скривился Винер. В его голосе почудилась угроза.

— О чём вы говорите? — удивился я.

Винер вытащил из саквояжа склянку, налил в маленький стаканчик немного темной пахучей жидкости и протянул мне.

— Выпейте это.

— Благодарю. — Я посмотрел через жидкость ярко-зеленого цвета на огонек свечи и поставил стаканчик на стол.

Несколько минут мы помолчали. Я не знал, о чем говорить, а Винер, ничуть не стесняясь, впился в меня выпученными глазами. Его такая ситуация ничуть не смущала.

— Скажите что-нибудь, герр Винер, — не выдержал я. — Вы лекарь и обязаны развлекать больного.

— Я несколько по-иному понимаю обязанности лекаря.

— Неужели?

— Признайтесь, герр Эрлих, ведь я вам определенно не нравлюсь? — неожиданно полушепотом произнес Винер.

— Разве я дал вам повод так думать?

— Да, разумеется. А вот вы мне нравитесь. Тем, что вы знаете, что такое черное и белое, зло и благодать. Знаете настоящую цену всему.

Я вздрогнул. Винер сформулировал те вопросы, которые так мучили меня в последние дни. Черное и белое... Но откуда он знает это? Угадал случайно? Невероятное прозрение? Впившиеся в меня выпученные глаза, казалось, видели насеквоздь. И не было от них секретов...

— Я недостаточно ясно понял ваши слова, герр Винер...

— Разве? Как можете не понять чего-либо вы? Вы, который прекрасно знает цену таким понятиям, как высокое и низкое, вы, который проник в суть веющей и человеческой природы.

— Что вы такое говорите? Изъясняетесь загадками...

— Какие могут быть загадки для вас? — оскал, обозначающий улыбку, стал еще страшнее. — Впрочем, это не имеет ровным счетом никакого значения. Пейте лекарство, Эрлих!

— Нет. — Я отодвинул стаканчик, и немного жидкости выплеснулось на стол.

— Почему? Это прекрасное лекарство. Вы вчера имели возможность испытать на себе его благотворную силу. Пейте!

Я потянулся к своему саквояжу и достал заряженный пистоль. Затем взвел курок и наставил оружие на моего недоброго гостя. Рука моя дрогнула, но я был уверен, что в случае необходимости и за сто шагов достану пулей герра Винера. И будет у меня для этого достаточно решимости, ибо почувствовал я, что Винер — враг мой, злой и безжалостный. «Странные люди хотят моей смерти!.. Победить и стать неуязвимым!»

— Вон! — крикнул я.

— Не глупите, Эрлих, — без тени страха произнес Винер. — Я ничем не заслужил вашей немилости.

— Вон!

— Тогда до свидания. Я не говорю «прощайте», ибо уверен, что очень скоро мы вновь свидимся.

Он ушел, а я замер на стуле, положив локти на стол. На меня нашло какое-то оцепенение. Лень было вставать, думать, не хотелось двигаться. Мешанина воспоминаний, мыслей, опасений и надежд, которые никак не могли сложиться в моей голове в единую систему.

Постепенно оплыли и потухли две свечи, третью задул порыв сквозняка. Неизвестно, сколько бы я так просидел, если бы меня не вывел из этого полудремотного состояния шорох. Скрипнула открываемая дверь, взвизгнула половица под тяжелым шагом. Ну, лекарь Винер, теперь-то меня ничто не остановит. Я поднял пистоль...

— Не стреляйте, я с миром! — раздался хрипловатый, немного испуганный голос. Речь была родная, немецкая.

— Стой, где стоишь! Иначе...

Я высек огонь на свечу, не выпуская из поля зрения темный силуэт в углу.

Когда загорелся оранжевый огонек, я получил возможность хорошо разглядеть посетителя. Высок, горбится, голова перевязана. Я готов был поклясться, что это один из убийц, нападавших на меня у дома Баэра. Тот, что уцелел и трусливо бежал с места схватки. Ну вот и свиделись.

— Я сяду? — спросил он. В его голосе не было фамильярности, наглости, а, наоборот, чувствовались уважение и страх.

— Садись и говори. И помни — в любой момент я могу продырявить тебя нас kvозь.

— О, уж это-то я понимаю очень хорошо!

— Кто ты такой?

— Я такой же, как ты! Не Магистр, конечно, неизмеримо ниже. И я один из тех, кто пришел за твоей жизнью.

— Ты так просто говоришь об этом, мерзавец! Пока что твоя жизнь в моих руках.

— Я недоговорил. Мне теперь не нужна твоя жизнь. Мне больше нужен ты сам. Живой, могучий. Я готов служить тебе, потому что с тобой Сила.

— Почему ты решил, что я какой-то Магистр? Ведь это ложь.

— Ну, мы же не безмозглые свинячья дети. Только ребенок может не узнать настоящего Магистра.

Голова у меня шла кругом. Странно, глупо, но я верил каждому его слову.

— Почему меня хотят убить?

— Магистру лучше знать.

— Ничего я не знаю.

— Мы в этих делах — пыль у ног всемогущих, разменная монета. Все решают столпы великой тени, Мудрые. Да что я тебе, Магистр, объясняю? Кому лучше, чем тебе, известно все обо всем?

— Зачем ты пришел ко мне?

Странным был наш разговор. Странен и этот человек, который вынул из кармана шепотку какого-то

порошка, понюхал его, после чего глаза у него блаженно закатились. Остатки порошка он бросил на свечу, от чего пламя рассыпалось трещащими искорками.

— Я хочу, чтобы ты был жив. Я ошибался, когда нападал на тебя. Но твоей смерти хочет Боров Геншель. Он всегда жаждет чьей-нибудь смерти, но твоей особенно. Это не его воля, но он отдаётся ей всей душой. Он мечтает о твоей смерти ежесекундно и ежеминутно.

— Как быть?

— Тебе лучше знать. Магистр ты, а не я. То, что ты обитаешь здесь, из братьев знаю я один. Мы искали тебя везде, но жилище твое обнаружил я. И рад этому. Кстати, Боров Геншель живет на Никитской улице в доме купца Храпова. Там ты найдешь его! — Гость встал и, не спрашивая разрешения, скользнул к двери.

— Стой! Ты еще многое должен мне рассказать.

— Я еще приду. — Он склонился в поклоне. — Я приду не как гость, а как твой верный слуга, великий Магистр.

— Стой!

Но он растаял в темноте. Я посмотрел в окно. Мне показалось, что за ним скользнула тень какой-то огромной птицы. Хотя что только не привидится в такую ночь...

До рассвета в мой дом больше никто не пытался проникнуть, да это и вряд ли было возможно. Я загородил дверь скамейкой и столом.

Днем я чувствовал себя вполне нормально, даже нашел в себе силы нанести визит моей капризной больной. Не брюзжать она не могла, но на этот раз отнеслась ко мне гораздо доброжелательнее. И все потому, что прописанные мною средства явно помогли ей.

Кстати, подошедший в конце визита князь Яков Никитович Одоевский был очень доволен тем, что я

поладил с его тетушкой. До меня она довольно бесцеремонно отвергла трех лекарей.

Князь даже пригласил меня отведать с ним домашних настоек и хмельных медов, что считалось большой честью. Правда, мне пришлось, как и в прошлый раз, выслушивать его сугубо поверхностные суждения о медицине и природе болезней, но это меня никак не огорчило. У местных господ, как говорят, с недавних времен проявилось явное стремление знать понемногу обо всем, чему способствует устремленный на Запад взгляд их императора. Однако я был рад высказаться по затронутым вопросам и немного расширить знания этого несомненно обаятельного и доброжелательного человека.

Потом князь Одоевский перешел к делу.

— Вам следует сообщить господину Кундорату, что Великий преобразователь царь Петр Алексеевич имеет намерение не только наполнить будущий Цейхгауз всяческим оружием, но вместе с тем устроить в нем Музей воинских трофеев. И для этого государь повелел начать собирать «в Киеве, и в Батурине, и во всех малороссийских городах мазжеры и пешни медные и железные и всякие воинские сенжаки*, осмотреть и описать и росписи прислать: буде явятся те, которые у окрестных государей, а именно у салтанов турецких и королей — Польского и Свейского на боях, где воинским случаем под гербами их взяты и ныне есть налицо, и те, все собрав, взять к Москве и в новопостроенном Цейхгаузе для памяти на вечную славу поставить».

За разговорами я немного отвлекся от мыслей о невероятных событиях, участником которых я стал. Однако, едва я вышел из огромного, с колоннами дома, тревоги одолели меня вновь. И больше всего огорчало то, что какая-то неведомая сила помыкает

* Знаки.

мной, швыряет, как щепку в океане, а сам я беспомощен. Нужно что-то делать, а не ждать, когда какому-то Борову придет в голову мысль спалить мой дом, а заодно и меня вместе с ним.

Адрес Борова Геншеля я знал. Теперь нужно было убедиться, не обманул ли меня ночной гость.

До Никитской улицы я дошел минут за сорок. Дом купца Храпова находился рядом с трактиром, который содержал тот же купец. Надо попробовать незаметно все выведать.

Я поймал за руку рыжего веснушчатого мальчишку, сунул ему копейку и сказал:

— Получишь столько же, если незаметно разузнаешь, живет ли в купеческом доме немец по имени Геншель и чем он занимается.

— Будет сделано, господин.

Вскоре он вернулся, жуя пирожок, который только что купил, а скорее всего просто стянул в трактире.

— Живет такой. К нему иногда ходят гулящие девки. Для них он снимает комнату на втором этаже. Он всегда пьян. Еще к нему друзья ходят. Тоже немцы.

— Ладно, вот еще копейка.

Все совпадало. Действительно в этом доме живет Боров Геншель. Хочет ли он моей погибели? Конечно, хочет! Ежечасно и ежеминутно, как сказал ночной гость. Нет никаких оснований сомневаться в его словах. Правда, нет оснований и верить в такую несусветицу, в такой бред. Но это пустое. Я поверил во все это безоговорочно, поверил окончательно и бесповоротно. И в книгу, и в то, что Бог или дьявол рассудил мне быть Магистром, и в брошь, и в змею, опоясывающую солнце. А самое главное, поверил в Силу.

Вечером ко мне заглянул Кессель. Ему я был всегда рад. Он относился к тем немногим людям в этом городе, которых мне было приятно видеть у себя, с кем можно было откровенно поболтать, от кого ждешь не подвоха, а помощи.

— Вы выглядите неизмеримо лучше, Фриц. Но у вас камень на душе. Верно?

— Вы наблюдательны.

— Не очень. Я лишь, в отличие от многих, замечаю других людей, а не только себя. Вас гложет эта история с Бауэром?

— Бауэра уже нет. Это все проклятая брошь. Нет у меня теперь покоя.

— Вы слишком впечатлительны. Раскаиваюсь, что рассказал вам все эти легенды. Это самая обычная брошь, Фриц. Нет в ней ничего колдовского. Я просто люблю немного приврать, а вы восприняли мои выдумки о Магистрах и прочей ереси на полном серьезе.

Славный человек Кессель, но я видел, что он просто пытается успокоить меня. Однако это ему не удалось.

— Я же прекрасно помню, Ханс, что вы говорили о броши. Странные люди ей сопутствуют, странные слова, странные дела. И кто-то хочет разделаться со мной. Все сбывается. Я в сетях какого-то рока...

— Никакого рока нет. Я же вам говорил: это разбойничий город. Тут могут убить из-за парика и плаща. Здесь постоянно сменяются правители и летят головы.

— Зонненберг говорил иное. Он считает, что это благая земля.

— И это верно. Местные жители непоследовательны и непостижимы, так что разбой и добро здесь переплетены и связаны нервущимися нитями.

— Удивительно это.

— Нам, немцам-рационалам, этого не понять. Поэтому давайте-ка выпьем, и все встанет на свои места.

Он вынул из своей неразлучной сумки неизменную бутылку и наполнил стаканы, стоявшие на столе. Если бы я был молод, то имел бы все основания опасаться, что Кессель, большой любитель вина, при-

учит меня к этому занятию. Но я был уже в возрасте, достаточно опытен, и бояться мне было нечего.

Я пригубил вино и взглянул в окно. Моя душа наполнилась непонятной грустью. На черном небе, как прибитая гвоздями, красовалась серебряная, с желтым отливом полная луна.

— Сегодня полнолуние.

— Ну да, — усмехнулся Кессель. — Разгул темных сил. Бросьте, Фриц. Лучше выпейте...

Но отбросить по его совету тревоги я был не в силах. И после ухода соседа они вновь навалились на меня. Опять появился необъяснимый страх.

Страхи вообще имеют обыкновение набрасываться на человека с приходом темноты, терзать и разрывать душу на части, когда так вот сидишь один в пустом, наполненном безмолвием и тьмой доме, а в окно светит луна.

В целом я человек не пугливый и не отличаюсь болезненной страстью к самокопанию. Но в тот вечер я был безволен. Вскоре дремавший в глубине сознания ужас окончательно овладел мной. Я не хотел смерти, боялся врагов. Мне запали в сознание слова вчерашнего гостя: где-то в трактире Боров Геншель мечтает о моей смерти. Геншель. Да, это он. Он единственный из смертельных врагов известный мне на сегодня.

И тут я понял, что не должен больше идти на поводу у своего благородства. Не должен больше ждать. Я обязан нанести удар первым, использовав новую, еще не изведанную до конца силу.

И еще я понял, беря в руки колдовскую книгу, что прочно становлюсь на путь зла и не только получаю над ним власть, но и сам подчиняюсь ему. Для меня, добродорядочного христианина, такая мысль еще недавно стала бы оскорбительной, невозможной, но сейчас я без колебаний смирился с ней. И вот зазвучали в тишине пустого дома слова:

— Призываю тебя, дух Луны. Властью, данной мне самим сатаной, Асмодеем и Бельфегором. Приди и отдайся под волю мою!

Из закрутчившегося сумасшедшего вихря возникли заскорузлые руки и безумные глаза. Потоками лились кровь и гной. Чьи-то желтые когти рвали свое брюхо и оттуда вываливались внутренности, которые тут же уносил страшный вихрь. Но ничто не могло проникнуть внутрь круга, очерченного мелом и украшенного пентаграммами и именами черных царей Террора.

Дух Луны явился ко мне в теле широком и белом. Он был огромен, лицо его выражало бешенство и неуемную злобу. Точнее, не лицо, а лица. Четыре. Одно там, где и положено, второе на затылке и еще два на коленях. Он колыхался и, казалось, отражался в кривом зеркале.

- Чего хочешь, Магистр?
- Я жажду смерти.
- Чьей?
- Ты знаешь!
- Я не знаю, повелитель...

С трудом оторвал голову от подушки. Кто-то барабанил в дверь.

- Кто? — через силу прохрипел я.
- Зонненберг, — донеслось из-за дверей.
- Подождите минутку, сейчас!

Я встал, торопливо оделся. Плеснул на пол воду из бадьи и наспех вытер очерченный мелом круг.

— Вы опять больны, — с укором, будто утверждая печальную, неопровергнутую истину, покачал головой Зонненберг.

- Немного прихвортунул...

Мистерия вытянула из меня все силы. Было ощущение, что вчера я здорово перебрал крепкого местного зелья, именуемого медовухой. Со временем, может быть, это пройдет. Когда сила темного мира ста-

нет для меня такой же привычкой, как пожатие плеч.
Но вчера я еле дополз до кровати.

— Нужно будет снова направить к вам Винера.

— Нет, ни в коем случае! — чересчур поспешно возразил я.

— О, вам не следует его опасаться. Он обладает непривлекательной внешностью, зато душа и помыслы его чисты и высоки.

— Вы забываете, что я сам врач, и уж как-нибудь о себе позабочусь... К тому же плохая рекомендация, когда врача лечит его коллега, не правда ли?

— Верно, ха-ха! — Он рассмеялся с каким-то облегчением.

— Вы не представляете, как я благодарен вам за постоянную заботу.

— Бросьте, просто вы мне по сердцу, Эрлих. Кроме того, я считаю своим долгом заботиться о соотечественниках по праву старейшины нашей общины в этом городе. Только в последнее время заботы эти становятся все печальнее.

— Опять что-то случилось?

— О да. Ночью погиб еще один наш соотечественник. Его звали Геншель. Непонятно все это. Ему вонзили кинжал в сердце. И инкрустация на рукоятке оружия точно такая же, как на кинжале, которым закололи Бауэра. Такого рисунка я еще никогда не встречал — змея, оплетающая солнце.

Сообщение Зонненберга меня не поразило. Иначе и не могло быть. Я не знал, как именно это произойдет, но то, что возжаждавший смерти Магистра самонадеянный Боров к утру будет мертв, в этом я не сомневался.

— Здесь кроется какая-то страшная тайна, — заметил я.

— Кроется. Как бы не было еще крови... — согласно кивнул Зонненберг. — До свидания, мне нужно выполнить скорбный долг...

К середине дня мне полегчало. Сразу после обеда какой-то мальчишка принес записку. Он бесцеремонно распахнул дверь, небрежно поздоровался, по-хозяйски осмотрел комнату и протянул мне сложенную вчетверо бумажку.

— Возьмите, барин.

— От кого?

— Не велено говорить.

Я хотел схватить его за рукав, но он проворно вывернулся и бросился к дверям.

— Прощевайте, барин.

Я развернул бумажку.

«Магистр, пишу к тебе, поскольку стремлюсь помочь. Твоя воля и мощь вызывают уважение и трепет, твои помыслы черны, как безлунная ночь. Но ты знаешь, как тебе не хватает Жезла Мудрых? Все твои беды от того, что нет его в твоих руках. Мы можем соединить наши устремления, и тогда у наших ног по-рабски будет рас простерт весь мир. Как узнать, говорю ли я правду? Ответь мне, кто, кроме посвященных, знает о Жезле Мудрых? И помни тайную заповедь: "Сбргвито казрст". Жду вечером у входа в монастырь Спаса на Входне.

Будь смел и зол, Магистр! И да пребудет с нами Тьма!»

Ерунда какая-то. «Сбргвито казрст» — это ж надо придумать! Полная бессмыслица. Где же я слышал эти два глупых слова?

Я потянулся к ларцу, открыл книгу на первой странице. Все верно, вверху красной краской выведены эти два слова.

Что они означают? Может быть, когда-нибудь мне и это станет известно.

За заботами и визитами (меня представили еще двоим важным лицам) прошел весь день. И все это время я старался не думать о вечере, о предстоящей встрече, о том, что я опять шагну во тьму и опасность. Но я знал, что это произойдет, поэтому забла-

говременно выспросил, как дойти до указанного в загадочном послании места.

Вечером возвратился домой. Аппетита не было, но я заставил себя съесть кусок черствого хлеба с сыром и запил его несколькими глотками вина. Пора было собираться.

Сунув за пояс два пистоля и кинжал, столько раз выручавший меня, я накинул плащ и вышел на улицу. Погода испортилась. Поднялся ветер. Рваные облака накатывались на луну, и создавалось впечатление, что твердь небесная несется куда-то с огромной скоростью.

Зная теперь по опыту, что ночью в Москве ходить одному опасно, я держал руку под плащом, и пальцы мои сжимали холодный металл. Однако до монастырских ворот — места встречи — добрался спокойно.

Я облокотился о скользкий кирпич ограды, не отпуская ручку пистоля и ожидая в любой момент нападения. Так я прождал несколько минут. Наконец со стороны кустов возникла фигура человека. Он был низок, горбат, вертляв.

— Здравствуй, незнакомец, — произнес я по-немецки, но он не отреагировал. Тогда я перешел на русский: — Вечер тебе добрый.

— Здравствуй, колдун, — ответил незнакомец.

— Ты писал письмо и приглашал меня?

— Да, я.

— Врешь, ты не мог его написать. Ты же не знаешь немецкого языка.

— Это неважно, колдун. Главное, что ты пришел. Покажи брошь, чтобы я мог убедиться, что ты — это ты.

— Какую брошь?

— Брошь Магистра.

— Покажи жезл.

Незнакомец удовлетворенно хмыкнул и потряс головой, будто не понимая.

— Ты плохо умеешь хитрить, — угрожающе произнес я. — Кто тебя подослал?

— Не все ли равно? Главное, что ты — Магистр.

— Ты говоришь непонятные вещи. И я буду говорить только с твоим хозяином, жалкий слуга.

— Твое право. Но как без броши докажешь, что именно ты и есть Магистр? Хозяин убьет меня, если я ему приведу не того.

Я схватил его за горло.

— Ты, плебей, говори, кем подослан, или я заколю тебя прежде, чем это сделает твой хозяин!

Внезапно тучи на миг освободили из своего плена луну, и в ее свете я узнал в незнакомце нищего с базара. Не узнать его было невозможно, безобразный шрам надолго врезался в мою память.

— Ах ты... — прошипел я, и ярость нахлынула на меня.

Не знаю, что бы я с ним сделал, но тут оглушительно прогремел выстрел, и пуля ударила в кирпич рядом с моей головой. Я отшатнулся и выпустил нищего, который тут же растаял в темноте. Стреляли со стороны кустов, но кто — я рассмотреть не смог.

Я наугад выстрелил в том направлении и сломя голову бросился в противоположную сторону. На сегодня с меня было достаточно.

Когда дело касается сил неизведанных и таинственных, то промысел их непонятен и разуму нашему неподвластен. Но я не верю, чтобы так же непонятны были деяния человеческие. Они должны строиться в соответствии с логикой, основы которой заложил еще великий Аристотель, ибо и ум наш, и поступки существуют по ее законам.

Я не мог разобраться в событиях и поступках людей, попадавшихся на моей дороге за последние несколько дней. Но это не значит, что в них вообще невозможно было разобраться. Я обязан понять, что происходит. Решительность не покидала меня и после

бессонной ночи, когда после недавнего близкого свидания со смертью, я не мог заснуть.

Ночью я еще осознал, насколько ценю жизнь и свет солнца, как мне не хочется их потерять. А то, что я без страха бросился в самые безумные предприятия, вовсе не означало, что я не боюсь умереть. Просто умею забывать о страхе, и он мучает меня лишь длинными вечерами.

Я не хотел погибнуть. У меня была Сила, правда, я еще не мог владеть ею в достаточной степени и с ее помощью разобраться во всем. Однако у меня есть разум и решительность, и их хватит, чтобы сорвать покров с любых тайн.

Итак, в моих руках звено, за которое можно вытянуть всю цепь. Нищий. Он схватил меня за одежду в торговых рядах. А откуда он подошел? Так, все верно, до этого он разговаривал с толстым лоточником в синей рубахе. Скорее всего, я смогу его узнать...

Прочистив и зарядив пистоль, из которого пришлось стрелять ночью, я приготовился дать отпор в случае нового нападения.

В торговых рядах, как всегда, было многолюдно. Я кинул монетку мальчишке-нищему, выпрашивающему вместе с одногой старухой милостыню, и огляделся. Лоточника я узнал сразу. Он не то пел, не то кричал:

— Подходи, народ, покупай пирог! Задешево отдам, а не возьмешь — съем сам.

Я подошел к нему и, придая своему лицу как можно более приветливое выражение, произнес:

— Разреши тебя спросить, торговец?

— Покупай пирожок и спрашивай!

Я дал ему монету.

— Тут вчера нищий околачивался, с тобой говорил. Низкий такой, вертлявый, со страшным шрамом...

— Что-то не припомню...

Я положил монетку побольше.

— В лохмотьях. Милостыню у меня просил. Колдуном по дури своей меня называл. Ну?

— А, так ты тот самый барин, которого он принародно обсмеял? Ха-ха! Весело было!.. Да то Василий. В трактире у Храпова бывает. Только он не нищий.

— А кто же?

— Бог его знает. Человек.

— Спасибо тебе.

— Возьми, барин, пирожки за свои деньги.

— Отведай сам за мое здоровье.

В уже знакомом мне трактире купца Храпова стоял запах жареного мяса и блинов. Разный люд там собрался — купцы, солдаты, работный народ. В углу играл бродячий музыкант, извлекая из струнного инструмента, именуемого гуслями, замысловатую тягучую мелодию. Местные жители обделены, поскольку не знают, что такое орган, но любят песни и веселье. Вот и сейчас два подвыпивших мужика пробовали плясать на нетвердых ногах.

Я подошел к тощему — в чем душа держится — половому, сидевшему в углу. Поздоровался с ним. Он глянул на меня не очень дружелюбно. К чужеземцам в этой стране отношение странное: или зависть и почитание, или какое-то опасение и настороженность. Зонненберг говорил, что простой люд никак не может поверить в то, что где-то, кроме святой Руси, есть другая жизнь. А то, что чужеземцы порой плохо говорят по-русски, воспринимается как свойство ума, а точнее — обычное недоумие. И уж если иностранец хорошо изъясняется по-русски, это воспринимается как чудо. Как мы дивимся говорящей птице.

— Не знаешь ли такого Василия? — спросил я.

— Низенького, со шрамом через все лицо.

— Помню, как же! — кивнул половой. — Чудной человек. Смехач. Но у нас он редкий гость.

— А где же его найти?

— Да где ж его найдешь? Нигде не найдешь, это уж точно.

Тут подковылял одноногий мужичонка.

— Поднеси чарку, подскажу...

— Принеси ему, — кивнул я половому.

Мужичонка перекрестил рот, опрокинул в него содержимое стакана и, крякнув от удовольствия, прошамкал:

— Он на окраине завсегда ошивается, в трактире Муратки Колченогого.

— Где это?

— Поднеси чарку...

— Налей ему еще!

В общем, пока я получал нужные мне сведения, вытягивая их из пропойцы, тот окончательно опьянял и все же в самом конце, на секундупротрезвев, бесплатно предупредил:

— Только ты, заморский человек, поберегись. Там недобрый народ собирается. Немчуру всякую да английский люд на дух не переносят. Не поможет, что по нашему гутарить можешь...

Даже выслушав подробные объяснения, трактир я нашел не сразу. Пришлось доходить мимо старых построек, не тронутых пожаром, мимо свиней, лежащих в огромных лужах, полуоголых детей и приземистых бань, откуда доносился бабий визг. И повсюду стучали топоры, визжали пицы, во все стороны разлеталась кудрявая стружка — Москва вновь отстраивалась, возрождалась, как легендарная птица Феникс из пепла.

Перекосившийся, из черных закопченных бревен трактир держался на честном слове. Казалось, он вот-вот рухнет и погребет под собой своих обитателей. Время было еще не позднее, но у дверей трактира уже валялся пьяный, босой, с разбитой мордой. Он время от времени поднимал голову и ожесточенно ругался. Местный обычай — если начинают пить, то

пьют до предела, пока не пропиваются все, и тогда забулдыги в одном исподнем вышвырывают за порог. Кстати, торговлю водкой, дело весьма прибыльное, держит в своих руках Государь и отступления от этого караются жестоко и неотвратимо.

В трактире было человек десять. В одном углу — большая пьяная компания, в другом — трое подозрительных типов, прятавших лица и о чем-то заговорщицки перешептывающиеся. Хмурые здесь собирались людишки. Лица злые, глаза жадные. Вошел я, и сразу враждебные взгляды угрожающе впились в меня. Новоявленных пришельцев, видать, здесь не жаловали.

— Чего надо? — осведомился громадный мужик с рыжей бородой и черными волосами — наверное, хозяин.

— Ищу дружочка. — И я подробно описал нищего.

— А, это Василий! — воскликнул толстый, весь заросший даже не волосами, а шерстью мужик — один из троих в углу.

— Не знаю такого, — вызывающе посмотрел на меня трактирщик.

— А вы, господа, кажется, знаете? — обернулся я к троице.

— Кто же здесь Василия не знает? — добродушно откликнулся толстый. — Вот только тебе не скажем.

Его сосед, широкоплечий, молодой увалень, на одной руке которого не хватало двух пальцев, грунно поднялся со скамьи, медленно, среди всеобщего молчания подошел ко мне поближе и, покачиваясь, встал рядом, сопя и хмурясь.

— Не хотим мы тебе, немчура, говорить. — Он выразительно взялся за ручку здоровенного тесака, торчавшего из-за пояса. Ткнул пальцем в мой плащ: — Не поделившись ли с нами?

Двоих его приятелей тоже неторопливо встали и начали меня окружать. Положение становилось угрожающим.

— Не поделюсь, — презрительно кинул я и отбросил его руку.

— Ну как знаешь, мы тебя не неволим, — осклабился беспалый, у которого вместо передних зубов зияла дыра.

Он медленно начал вытаскивать нож.

Я вытащил пистоль.

— Рыло свиное, так твою ростак! — Ругаться мой учитель герр Тимошка научил меня отменно, по себе знаю, сколь важную роль играет ругань в жизни местного общества. — Сейчас устрою тебе блины с грибами, сволочь поганая!

— А немчура-то славно гавкает! — одобрительно кивнул хозяин.

Беспалый сделал шаг назад, но остальные, даже самые пьяные, стали приподниматься со своих мест, прихватывая кто ухват, кто нож, кто палку.

Левой рукой я сжал рукоять кинжала, понимая, что скорее всего живым отсюда не выйду. Но может, удастся прорубить себе дорогу к выходу? Десять противников — это многовато, но некоторые из них еле держатся на ногах. К тому же они вряд ли обучены благородному воинскому искусству и правильному владению холодным оружием. Важно не выказать страха. Иначе пропадешь.

— Подходи, собачье мясо! — крикнул я угрожающе. — Живо оставлю без ушей! Сучье племя!

Я поднял пистоль на уровень глаз беспалого, от его красной испитой морды начала отливать кровь, сползла гнусная ухмылка. Мой палец дрогнул на спусковом крючке. Еще секунду, и вырвалось бы из ствола пламя, но тут хозяин «протрубил отбой» — он ударил с размаху кулаком по столу.

— Тихо, тати! Пусть немец идет. Он не робкого десятка... Уважаю!

Все успокоились и расселись по своим местам, раздраженно матерясь.

— И все же я хочу знать, где найти Василия.

— Иди, немец, отсюда. И радуйся, что остался жив. Благодари меня за душевность и незлобивость, — примирительно произнес хозяин, и я понял, что больше здесь ничего не узнаю. Не стоило дальнее испытывать судьбу.

Я вынужден был покинуть кабак с его недоброжелательными посетителями, утешаясь тем, что в состоявшемся споре достоинство мое не пострадало.

Но просто так, ничего не узнав, отказаться от своей затеи я не собирался. Чего бы мне это ни стоило, я должен был найти нищего.

На улице, у самого забора, скрывшись за телегой с сеном, я устроился так, что выход из кабака был прекрасно виден, и стал ждать. Слава Богу, народу там шаталось немного, и мое присутствие ни у кого не вызвало ненужного любопытства.

Наконец из дверей, покачиваясь, вышли беспалый и толстяк. Они огляделись и, нетвердо ступая, направились в сторону леса. Скрыться там им не удалось. Я следовал за ними по пятам. Годы странствий научили меня в случае необходимости быть легким, быстрым и невидимым, как ветер. Они не заметили меня еще и потому, что чувства их были притуплены съеденным, а главное — выпитым.

Пройдя метров сто, они уселись на корягу. Толстый, отдуваясь, посетовал:

— Жалко, упустил того немца.

— Да, вот потеха была бы. Да и поживиться с него неплохо можно было. Один плащ чего стоит!

Я решил не оттягивать момент и, как в театре, вышел из-за дерева, воскликнув:

— Вот он я! Если сможете — поживитесь...

Беспалый вскочил, но тут же получил сильный удар рукояткой пистоля по голове и упал в беспамятство. Ствол уперся в брюхо толстого.

— Мой пистоль пробьет насквозь даже такой слой сала, — зловеще ухмыльнулся я.

— Пощади! У меня ничего нет! — округлив глаза, воскликнул толстый.

— Мне ничего от тебя и не нужно, гнусная твоя душонка. Кто такой Василий и где его найти?

— Он скоморох и лицедей. Ходит с медведем по городам. Сейчас он у Сеньки Оглобли обитает. Не убивай, господин! — по-детски всхлипнул толстый.

— Не убью, коль правду сказал.

— Истинную правду, вот те крест!

Узнав, где живет Сенька Оглобля, я на всякий случай, чтобы обезопасить себя хотя бы на время, стукнул по затылку и толстого.

Сенька Оглобля жил вовсе не в бедняцкой хате, а в новой богатой избе с забором и резными воротами. Я остановился поодаль, размышляя, как бы приступить к делу. Пойти туда и потребовать Василия сразу? Но этим можно только все испортить, спугнуть скомороха, нарваться на скандал. Да и кроме того, если Оглобля — такой же разбойник, то все может кончиться для меня плохо. Можно попытаться дождаться Василия здесь, на крайний случай — заглянуть тайно в окно.

Мои размышления были прерваны внезапно. Из дома вышел сгорбленный Василий, одетый сегодня, однако, прилично — не под стать тому, каким видел я его в прошлый раз. И был он не один. Подобострастно согнувшись, он следовал за человеком в парике, одетым в щегольской европейский костюм. Что-то в фигуре этого человека показалось мне знакомым. Я присмотрелся пристальнее...

О святые угодники! У меня окончательно открылись глаза. Спутником скомороха был не кто иной, как лекарь Винер...

— Мне очень тяжко, Ханс! С каждым днем все новые и новые проблемы. И испытания мои растут неотвратимо. Мне нужно бежать из этого города. Удерживает только чувство ответственности и обяза-

тельства в отношении моего покровителя герра Кундората, который уже в пути и очень скоро должен прибыть сюда...

Так уж получилось, что Кессель невольно принял на себя обязанность выслушивать мои сетования на жизнь и успокаивать меня. Не будь его, я погрузился бы в черную пучину отчаяния.

— Вы еще окончательно не выздоровели. Это и сказывается на вашем настроении.

— Поверьте, я здоров. Я же сам лекарь.

— Лекари, видя болезни других, часто не замечают их у себя. Обратитесь к кому-нибудь. Например, к Винеру.

При упоминании этого имени я вздрогнул.

— К Винеру? Если бы вы только знали!

— Я знаю одно: он может вам помочь.

— А я знаю другое — он хочет меня погубить! — неожиданно для себя выпалил я.

— Не понимаю вас...

В двух словах я рассказал ему почти все, умолчав только о колдовстве, жезле и некоторых других подробностях.

— М-да, — покачал головой Кессель. — История не из обычных. Хотя нельзя сказать наверняка, что это именно Винер стрелял в вас ночью у монастыря. Все ваши аргументы сводятся к личной неприязни и к тому, что вы видели его в обществе скомороха.

— Уверяю вас! Он хочет меня изничтожить и был бы счастлив развеять мой прах по ветру. Я не так глуп, чтобы не замечать этого.

— Вероятно. Но что тут можно предпринять? Обратиться к местным властям по такому поводу, значит, навлечь на себя сомнения с их стороны в вашем душевном здравии.

— Да, вы правы... Придется самому постоять за себя!

Что-то в моем голосе не понравилось Кесселю. Он внимательно и обеспокоенно посмотрел на меня.

— Только не наделайте глупостей, Фриц. Не совершайте в порыве чувств поступков, о которых будете потом жалеть. И помните, что здесь судебная расправа вершится строго и незамедлительно.

— Мне не страшна судебная расправа. Этот суд надо мной не властен.

— Осторожно, Эрлих! С такими настроениями не долго наломать дров. Я просто не готов дать вам сейчас дальний совет. Но попытаюсь что-нибудь придумать. А вообще, что вам может наверняка помочь — это бутылка старого вина...

Отказать Кесселю я не мог, хоть пить мне и не хотелось. Осушил кубок вина, но легче от него мне не стало.

Сосед скоро ушел, и я вновь остался наедине с собой. Со своими тяжелыми мыслями. Мне не ужиться с Винером в этом городе, как невозможно было ужиться с Боровом Геншелем, жаждавшим моей погибели. И я в глубине души осознавал, что даже бегство отсюда мне уже не поможет. Винер из тех людей, которые способны, как проклятие, следовать за мной всю жизнь. Значит, я вынужден в который раз использовать Силу.

Как и раньше, я ощущал ее прилив, притом такой моши, которой раньше не чувствовал. Будто волны тепла, перемешанные с ледяными нитями, пронизывали мое ставшее легким и неощутимым тело. Я как бы попал в мощный поток и составлял теперь с ним единое целое. Страшна судьба того, кто окажется на моем пути!

И вот уже очерчен круг, зажжены свечи, и...

— Я призываю тебя, дух Солнца, прийти к этому кругу именем Вельзевула, Баала и Лилит!..

Налетел штормовой ветер, закружил серебряный смерч, в котором мелькали мертвенно-бледные лица. В них читались скорбь и ненависть, вспыхивали и гасли звезды, втягиваясь в головокружительный водоворот, вставали и разрушались тени древних городов, и я несся в этом вихре во вселенские пределы. Не

было этой стихии удержу. Но чары мои действовали, и ничто не могло преодолеть предел круга.

Неожиданно все стихло. Пространство заполнил золотой струящийся свет, из которого возник в волнении, в теле широком и полном дух Солнца, Великий дух, цвет которого был подобен закату — золото и кровь.

При его виде по телу моему пробежала дрожь. Мне казалось невероятным, что он может быть покорен моей воле. Но я преодолел нерешительность и требовательно начал:

— Я хочу... — но договорить не успел.

— Знаю, — пророкотало, и этот бездонный голос вызвал дрожь в каждой частичке моего тела.

И вслед за этим все закружилось, заходило ходуном, я будто очутился в колесе, врачающемся в трех осях, и не понимал, где верх, а где низ.

Только бы не выпасть за пределы круга!

Дух утратил свои очертания, с ревом и свистом начались его изменения и метаморфозы. Сияющее колесо, разбрызгивающее кровь, превратилось в огромную синюю птицу, распластершую гигантские крылья, застлавшие весь свет. Она упала на землю, обернулась бешеным тигром, с ревом рвущим свою добычу. Тигр закрутился волчком на месте и вскоре превратился в шар, в огненный шар, на который наползли темные пятна и заискрились в лучах золотого цвета. Зеленая кожа... Господи, да это же змея! Змея, обиввшая солнце и готовая раздавить его...

Очнулся я утром, когда в окно падал солнечный свет. Точнее, самого окна я не видел, поскольку не мог даже повернуть голову. С трудом пошевелил рукой. Так плохо мне не было еще ни разу за все время моих взаимоотношений с неведомой колдовской силой.

Дух, вызванный мной, был ужасен. Но ведь и Винер был орешком покрепче, чем Бауэр или Боров

Геншель. Я чувствовал исходящую от лекаря некую энергию, и ночная схватка, видимо, была жаркой. Но в душе моей поселилась полная уверенность в том, что теперь все в порядке. Как только я очнулся и вспомнил обо всем, меня сразу же посетило Знание: Винер мертв. Как он умер? Трудно сказать. Скорее всего, лежит у себя в постели, а в груди его торчит кинжал, со знакомым уже рисунком.

Мимолетное чувство жалости шевельнулось во мне. Ведь я очень мало знал Винера, и все же он казался мне живым олицетворением злобы и порока. Но он был человеком, как все мы, имел душу, и я обязательно поставлю за упокой его черной души свечку. Просто он хотел убить меня... Но в этой схватке вышел победителем Я!

Все эти мысли пронеслись в моей голове, раскальвающейся от боли. Я попытался приподняться, но боль опять пронзила меня. Правда, уже не такая резкая. Да и слабость больше не привязывала меня цепями к кровати. Вскоре я почувствовал, что если напрягусь, то смогу встать. И вслед за этим вдруг понял, что в комнате кто-то присутствует кроме меня. И этот кто-то глядит на меня с ненавистью...

Застонав, я приподнялся и повернул голову. У дверей, с усмешкой на губах и пистолем в левой руке, стоял лекарь Винер.

— Вы живы? — прошептал я.

— Как видите, Магистр. Вам не удалось меня прикончить.

Скрывать что-то, играть в удивление не было смысла. Этот человек знал все. И притом знал гораздо больше, нежели я. Безжалостна была его усмешка, холодная решимость застыла в глазах — так должна смотреть на жертву сама смерть, прежде чем взмахнуть косой. Я окончательно осознал, что надеяться мне не на что. Учитывая болезненное состояние, я даже не сумею броситься на него, чтобы умереть с честью. Я смог только произнести, растягивая слова:

— С вами не смогли справиться духи Солнца. Вы тоже обладаете Силой. Кто вы?

— Бросьте лицемерить, Магистр. Я никогда не поверю в эту чертовщину. Да и вы сами в нее не очень-то верите.

— Ничего не понимаю, ничего, — простонал я.

— Где брошь?

— Вот. — Я разжал ладонь.

Винер подошел и взял брошь.

— Вот она! — засмеялся он, и мне показалось, что в комнате закаркали вороны, настолько мерзок был этот смех. — Я все-таки нашел вас, Магистр. И суд мой будет справедлив.

— Постойте! — вскричал я, как мне казалось, громким голосом, но на самом деле слабо и жалко. — Я ничего не понимаю. За что вы судите меня?

— За всю вашу недостойную жизнь. За зло, которое вы всегда причиняли людям.

— Какое зло? Я всю жизнь жил по совести, и если совершал несправедливые поступки, то не по черноте душевной, а из-за ошибок или из-за безвыходных обстоятельств. И уж зла я причинил людям не больше других.

— Вы стараетесь оттянуть время, но это бесполезно. Я все равно убью вас!

— Все несчастья мои начались после того, как я нашел эти сатанинские брошь и книгу. Во мне проснулась дьявольская сила, меня все хотят убить! — воскликнул я в отчаянии.

— Смешны ваши попытки заговорить мне зубы и сбить с выбранного пути. Приговор вынесен.

— Пусть я умру, но я хочу знать, что происходит. Последнее желание приговоренного к смерти — закон. Выслушайте сначала меня, а потом делайте как знаете.

Я с трудом присел на кровати. Сбивчиво, но с максимальными подробностями рассказал о своих злоключениях.

— Я знал, Магистр, что вы хитры, но придумать такую историю... — покачал головой Винер, однако в его голосе послышались нотки сомнения. Он не выстрелил, а уселся за стол, положив пистоль рядом.

— Что вы чувствовали перед тем, как вызвать духов?

— Шум в голове, прилив неведомой силы, озноб. Ну и легкое головокружение. Хотя оно могло быть вызвано вином.

— Вы пили перед этим?

— Немного. Меня угождал мой сосед, герр Кессель. — Говорить мне было трудно, самочувствие отвратительное, но я должен был произносить слова. Больше слов, чтобы хотя бы на несколько минут продлить свою жизнь, ибо, пока человек жив, остается надежда на то, что ситуация изменится к лучшему.

— Вчера вы тоже пили?

— Да.

Винер взглянул на меня изучающе, потом взгляд его упал на крышку стола. Он провел пальцем по дереву, затем попробовал на язык. На его лице появилась озабоченность.

— Что вы там увидели?

— Неважно. И все равно, Магистр, вы меня не убедили. Чем вы подтвердите, что это не ложь, что вы действительно Фриц Эрлих, а не Хаункас?

— Какой такой Хаункас? — Я сделал движение, пытаясь подняться на ноги, но снова без сил упал на кровать. — Я всю жизнь был Фрицем Эрлихом, лекарем, и больше никем.

Винер вытряхнул мой саквояж, проверил все мои вещи, осмотрел все углы. Затем вновь уселся за стол, задумчиво поглаживая спусковой крючок пистоля, чей ствол безжалостно уставился на меня.

— Вы ввергли меня в сомнения. Но я не могу позволить себе упустить Магистра.

Тут в дверь постучали, и Винер отступил к стене, чтобы его не заметил входящий. В комнату вошел Кессель. Он увидел меня лежащим в постели.

— О, Фриц, что с вами? — обеспокоенно воскликнул Кессель и бросился ко мне.

И в этот миг грянул выстрел. Винер все-таки нажал на спусковой крючок. Кесселя спасло чудо. Отпрянув назад, он резко обернулся и, увидев, кто стрелял в него, выхватил длинный стилет. Винер, отбросив бесполезный уже пистоль, тоже выхватил кинжал и кинулся вперед.

Они дрались как дикие звери, опрокидывая мебель и разбивая посуду. А я был не в силах вмешаться. Сперва одолевал лекарь, делая ловкие выпады, умело загоняя в угол противника, чей рукав уже был в крови. Но тут Кессель изловчился и сильно ударил врага ногой, прижав его к стене. Практически это была победа. Оставалось только нанести точный удар и пригвоздить Винера к доскам. Я с облегчением видел, что схватка завершается, что злодей вот-вот будет повержен и моя жизнь спасена.

И вот роковой удар нанесен твердой рукой Ханса Кесселя. Но... в последний момент, невероятно изогнувшись, лекарь увернулся и по самую рукоятку вонзил кинжал в грудь моего соседа. Смерть пришла к Кесселю мгновенно, и в утешение можно было лишь отметить, что бедняга не мучился. Это был достойный человек. Отдышавшись, потерев порезанную щеку, Винер выдернул из груди убитого лезвие, протер его о камзол жертвы и направился ко мне. Нагнулся, уставившись на меня своими выпученными глазами, отвел руку с кинжалом...

Я зажмурился, понимая, что пришел и мой конец. Еще секунда жизни, еще...

— Пожуйте. — Винер протянул мне таблетку из каких-то сухих трав. — Это лекарство. Помогает.

Я послушно взял таблетку. Она пахла мяты. Тем временем Винер тщательно обследовал карманы убитого.

Лекарство, а это было именно лекарство, а не яд, подействовало минут через пять. Слабость и боль начали уходить.

— Вам нельзя здесь оставаться, — сказал Винер довольно добродушно, что казалось невероятным. — Вы сможете встать?

Несколько минут назад я ответил бы однозначно — нет. Но сейчас способность владеть своим телом возвращалась ко мне.

— С трудом...

Винер помог мне подняться, протянул еще одну таблетку и, перекинув мою руку через свое плечо, потащил к выходу. Он оказался неожиданно силен.

Остаток пути я прошел сам, он только поддерживал меня за локоть. Мы шли по каким-то угрюмым окраинам, где я никогда не бывал. Наконец добрались до большого каменного двухэтажного дома.

Винер помог мне подняться на второй этаж в просторную спальню, крошечные окна которой были зарешечены. Он налил мне какой-то настойки, и я провалился в сон.

Утром, несмотря на боль и слабость, я все же не только мог подчинить свое тело разуму, но даже готов был потребовать надлежащие слушаю объяснения у Винера. Собственно, я так и не знал, чего от него ожидать.

— Завтрак готов, одевайтесь, — сказал мне Винер, появившийся в спальне.

Вскоре я восседал в большой комнате на первом этаже за столом, заставленным различными яствами, но есть мне не хотелось, и Винер заметил это.

— Вы должны перекусить. Иначе силы не вернутся к вам.

Я нехотя потянулся за куском хлеба и отхлебнул из кружки слабого вина, разбавленного водой. Я хотел уже было начать серьезный разговор, но Винер опередил меня.

— Я должен принести извинения за вчерашнее. Я жестоко ошибся, и моя непонятливость едва не стала причиной великой несправедливости и несчастья.

— Вы очень любезны, — бросил я саркастически.

— Напрасно язвите. Я действительно любезен, и если вы изволите выслушать меня до конца, то быстро убедитесь в этом. Кроме того, уверяю вас, я не плохой человек, хоть это и звучит немножко хвастливо.

— А зачем тогда убили Кесселя? Он тоже был неплохой человек.

— Нет. Он был Магистром сатанинского ордена.

Следующие полчаса я, разинув рот, слушал рассказ лекаря Винера.

— История сатанинского ордена насчитывает не одну тысячу лет. Когда оплотом цивилизации был таинственный Египет, они назывались «Дети царства теней», позже, в Древней Греции, — «Сыны Стикса». Возможно, истоки этого ордена кроются в загадочной Атлантиде, я своими глазами видел свитки, где упоминается об этом.

Слуги ордена — люди, поставившие себя на службу Злу, проповедующие черное начало и всей душой отдающие себя этому. Множество страшных действ и чудовищных, неописуемых преступлений лежит на их совести. Легион исчадий ада, слуг сатаны возрос на этой почве. И одним из самых ядовитых побегов был Хаункас, которого вы знали под именем Ханса Кесселя:

Никто не ведал, из каких земель он пришёл, никому не известно, как прошло его детство, была ли у него родня, кто его отец и мать. Уверенно сказать можно лишь одно: он был могущественный Магистр, которому подвластны силы Зла.

Что это за силы? Во всяком случае, вряд ли магические. Магии нельзя обучить, как, например, математике или астрономии. Для овладения магией необходимо обладать изначальной энергией, а таких людей в мире единицы. И Кессель-Хаункас не относился к их числу. Сила же его была в бесконечном коварстве, хитрости, огромных знаниях о природе вещей и людей, а также в неверии в Господа нашего Иисуса Христа и в светлые деяния его.

Хаункас, подобно вам, изъездил Север и Юг, Восток и Запад. Был он и в странах Америки, и в Китае, и повсюду за ним тянулся шлейф сатанинских деяний.

Орден сатанистов строится по строгой иерархии, и, хотя по миру рассеяны тысячи его слуг, держат все нити в руках несколько Магистров, сами не знающие друг друга, и трое Мудрых — число их и суть — кривое зеркало, отрицание Святой Троицы и издевательство над подлинной верой.

В лицо Хаункаса знали единицы. Но в его руках были списки самой разветвленной тайной структуры в подлунном мире, тысячи ключиков к власти над людьми и событиями.

Магистр Хаункас хорошо усвоил уроки ордена и с годами превзошел всех своих собратьев. Его злоба и коварство переросли даже широкие рамки ордена. А кроме того, он не раз нарушал дисциплину, ослушиваясь приказов Мудрых, что является у них тягчайшим преступлением. За это ему и был вынесен приговор. Но суд забыл, с кем имеет дело. Хаункас убил пятерых членов ордена, знавших его в лицо, в том числе и одного Мудрого. Двое других умерли вскоре после этого, но тому были несколько иные причины, к которым Хаункас не имел никакого отношения. Сам он сбежал.

Через несколько лет странствий Хаункас прочно обосновался в этом городе. Случай или судьба, но именно здесь он встретил прибывшего по серьезному заданию одного из людей ордена, последнего, знавшего его в лицо. О чем и была немедленно отправлена весть новым Мудрым.

Приговор был вынесен, и в город прибыли Носители Возмездия, готовые привести его в исполнение.

Однако не только орден желал кончины Хаункаса, но и мы. Равновесие добра и зла возможно только тогда, когда сила противостоит силе. Ордену сатанистов противостоит Братство светлого начала. Мы ис-

поведуем светлую Христову мысль, но не стесненную церковными догматами. Мы противостоям дьяволу во всех его проявлениях. И мы тоже вынесли приговор Хаункасу за его бесчисленные злодеяния.

Случайно нам удалось узнать, что орден напал на его след. Я решил разделаться с убийцей, если этого не смогут сделать Носители Возмездия.

Последний свидетель, знавший Магистра в лицо, скончался в мучительных судорогах. Я убежден в том, что он был отравлен. Потому-то прибывшие Носители Возмездия не смогли сразу напасть на след Хаункаса. Они искали его по нескольким приметам: возрасту и броши, с которой никто из Магистров никогда не расстается.

Убийцам нужны были союзники, хорошо знавшие город. Каким-то образом они сумели привлечь на свою сторону Бауэра. Увидев вас с брошью, Бауэр сразу же сообщил им об этом. На следующий день при выходе из его дома вас уже ждали. Только вы оказались крепким орешком. Сам Магистр не отличался особой сноровкой в рукопашном бою, поэтому Носители Возмездия не предполагали, что разделаться с ним будет так трудно. Вы же продемонстрировали прекрасное искусство боя...

Они и представить не могли, что вы не Хаункас! Кто бы мог подумать, что Хаункас подбросил брошь вам. Ни один Магистр никогда даже на миг не согласился бы расстаться с ней. Но Хаункас презрел все правила. Даже правила Тьмы.

Вы попали в лапы страшного, беспощадного, хладнокровного врага. И для вас это могло кончиться лишь одним — верной погибелью. Хаункас в совершенстве овладел тайными снаряжениями, которые помогают расширить круг зрения человека, дают возможность ему проникнуть взором в окружающий нас мир тонких духовных энергий и устремлений, живущий по своим законам. Эти снаряжения высасывают из человека силы и бросают его в водоворот стихий, в мир низ-

ших духов. Несчастному кажется, что он овладевает духами, что они подчиняются его воле и готовы выполнять его приказания. Но это лишь жалкий самообман. Духи только морочат голову одурманенной жертве всевозможными видениями. С помощью своих снадобий Хаункас получил власть над вашим умом и помыслами, внушал вам низкие желания, а послушные ему низшие духи все более совращали вас. Хаункас — не маг, люди, способные получать власть над духами, встречаются довольно редко, но кое-что он все-таки умел.

По вечерам вместе с вином Хаункас подсыпал вам дьявольский порошок, бросая вас на потеху низшим духам. Вы искренне считали, что отдаете им приказы об убийстве. Но, конечно же, приказы ваши не выполнялись. Вместо этого сам Хаункас пробирался к жертвам и собственноручно убивал их. Вас же поутру мучили раскаяние и опустошенность. Ваше недомогание можно объяснить истощением нервов из-за болезнестврного влияния сатанинского порошка.

Зачем Хаункасу нужна была эта игра? Почему ему просто не скрыться от убийц в другом городе или стране? Думаю, дело в том, что он прочно обосновался здесь, сплел обширную сеть, в которую попались влиятельные особы, купцы, государственные деятели. Он преумножал свои богатства, наращивал влияние и усиливал воздействие на жизнь России. Он плодил зло и играл судьбами людей, переставляя их подобно фигурам в старинной игре, именуемой шахматами. У него были далеко идущие планы. Какие? Об этом можно только гадать. Но ясно, он рассчитывал на Москву, которая должна была стать его плацдармом для гораздо более обширных устремлений. Жить же и воплощать свои дьявольские замыслы в городе, зная, что тебя ищут и когда-нибудь непременно найдут, — это вряд ли возможно. Поэтому он решил подставить вас вместо себя. Когда же вы вышли победителем в схватке с убийцами, Хаункас рас-

считал и повел еще более тонкую игру, которая во всей полноте показала его изощренный, коварный и холодный, словно у змеи, ум.

Вы оказались в полной его власти. Он взвалил на вас вину за свои убийства, вы терзались из-за них, а он с упоением следил за вашими страданиями. Ему нравилось безраздельно владеть вашими мыслями, толкать вас в пропасть.

Он рассчитывал на то, что Носители Возмездия прикончат вас и, вернувшись в орден, доложат, что Магистр мертв. Он же получит полную свободу для дальнейших грязных дел. Ну а если победителем выйдете вы, он внушит вам мысль прийти с повинной в колдовстве и убийствах в Разбойный приказ. И в этом случае слух о казни Магистра разнесется и докатится до ордена.

А тем временем в городе искал Магистра и я. Постепенно у меня появилась уверенность, что это вы, но нужно было проверить. Вот я и подослал к вам своего слугу, а сам следил за вами. Видимо, это было ошибкой, поскольку Хаункас слишком хорошо владеет собой, чтобы раскрыться. Но на Жезл Мудрых, как я думал, он должен был польститься. Окончательно убедило меня в правоте появление убийцы в моем доме этой ночью. Но я был начеку, и он бежал ни с чем.

Убить меня, кстати, он решил после вашего рассказа обо мне. Наверное, он догадывался, кто я такой.

После ночного нападения, а убийцу я не разглядел, я пришел утром к вам, чтобы покончить со всем этим. Но, выслушав вас, стал сомневаться в правильности такого решения. Усугубили мои подозрения крупинки сатанинского порошка, вызывающего кошмары. Частички его были рассыпаны на столе.

Я окончательно все понял, когда появился Кесель-Хаункас. Убегая из моего дома, он зацепился за гвоздь у двери, оставив клочок ткани и бисеринку-украшение. У вас такой одежды я не видел. Зато

Кессель был одет именно так. И я убил Магистра! Рука моя не дрогнула. Не может дрогнуть рука, которой движет жажда справедливости и которую направляет сам Господь...

Я сидел ошарашенный. Самое отвратительное было в том, что я столько времени оказывался слепым, бездумным орудием в руках негодяя. Он играл со мной, как с куклой, и, использовав, собирался выбросить. И еще неприятно было то, что я, Фриц Эрлих, честность которого угадывается даже из фамилии*, поддался влиянию дьявольских сил и был очарован открывшимися мне бесстыдными картинами сатанинских действ настолько, что готов был принять их за истину и поставить себе на службу, тем самым связывая свою жизнь с дьяволом! Как это могло случиться?

И еще меня поразило, как разрослась по свету гидра, поставившая перед собой цель служение Злу. Я всегда считал, что несправедливость и жестокость в мире происходят из-за несовершенства отдельного человека, не пришедшего к Богу, но чтобы была такая могучая сила, поставившая целью упрочить и умножить зло на всей Земле, это не укладывалось в моей голове.

И душа моя загорелась благородной жаждой мщения, ненавистью к черным силам.

— Они не могут так поступать с людьми! — воскликнул я. — Этот орден не должен существовать!

— Они сильны. Имя им легион, — вздохнул Виннер. — Они совершают страшные обряды и приносят в жертву заживо вырезанные детские сердца. Они совокупляются на алтаре Господнем. Святые лики висят в их храмах вверх ногами. Они мечтают о крови. О море крови, которое zalяет когда-нибудь мир. О миллионах убитых и распятых, о разрушенных городах и опустошенных землях.

* Эрлих — честный, благородный (*нем.*).

— С ними нужно бороться.

— Нужно. Не на жизнь, а на смерть. Забывая боль, стыд, иногда оставляя саму добродетель и переступая через смерть. И вы были бы согласны на это?

— Я — да!

— Тогда помогите нам.

Жажда мщения и справедливости жгла мое сердце. Я должен помочь в борьбе с дьяволом. Может быть, смысл всех моих скитаний, всей моей предыдущей жизни был лишь в том, чтобы состоялась эта встреча. Чтобы я решил раз и навсегда, на чьей стороне я окажусь — добра, зла или огромной людской массы, которой нет никакого дела ни до того, ни до другого.

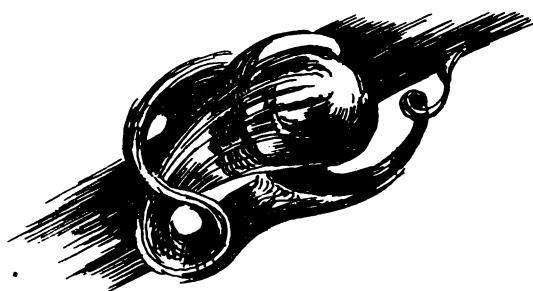
— Я согласен.

— Тогда вам предстоит вновь стать Магистром. Носители Возмездия уверены в том, что это именно вы. У вас броши. Я подскажу, как вам проникнуть в Черный Орден. Как укрепиться там. У меня есть Жезл Мудрых, некогда принадлежавший ордену, мы используем и его. И мы взорвем сатанинский орден изнутри!

Мне на миг стало жутко, но я быстро овладел собой. Это мой долг — пройти через все испытания и светом истины развеять отвратительную гнусную тьму.

— Я согласен.

— Ну, тогда налегайте на хлеб и сыр, Магистр. Вам нужно выздоравливать побыстрее...



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕТЛЯ АСМОДЕЯ





Я проснулся от чувствительного и болезненного толчка и нехотя открыл глаза. В келье, где по воле судьбы мне пришлось очутиться и даже не-надолго вздренуть, все было пронизано сыростью и гниением: и осклизлые, местами покрытые мхом, изъеденные временем стены, и полусгнившая скамья — единственная здесь мебель, и охапка сена, на которой я спал столь сладко и беспечно. Воистину, не стоило и просыпаться, если перед глазами предстала столь безрадостная обстановка, которая даже у меня, закаленного в бесчисленных дальних странствиях бродяги, не могла не вызывать тоски и уныния. Впрочем, как бы все ни сложилось — к худшему или к лучшему, — вряд ли этой келье суждено стать моим пристанищем на сколько-нибудь продолжительный срок.

Неподалеку от моего лица я увидел башмак весьма значительных размеров и понял, что именно он явился причиной моего болезненного пробуждения. Я поднял голову, и взору моему предстал его хозяин — толстобрюхий, со сросшимися на переносице бровями и нахмуренным членом молодчик. Я уже знал, что его зовут брат Вампа, что он не понимает шуток и дурно воспитан. Рядом с ним стоял тощий, с одним плечом выше другого, с длинными, вероятно, очень сильными руками человек лет сорока — брат Арден. Оба держали увесистые алебарды. Это мои охранники, конвоиры, и возможно, вскоре им предстоит стать и моими палачами.

— Вставай, Магистр, пришел день суда над тобой!

Голос брата Вампы был глух и торжественен, он просто из кожи лез, чтобы подчеркнуть собственную важность и значительность..

Кряхтя; я поднялся. Сырость плохо отражается на моих суставах, ибо годы уже не те и впереди ясно видна старость. Вчера мне исполнился сорок один год, и я встретил день рождения отнюдь не за дружеским столом, а в этом неуютном и, что греха таить, просто жутковатом месте.

— Зачем, брат Вампа, ты так больно ударил меня, предававшегося сонным грезам и пребывавшего в объятиях Морфея?

— Ты пес, Хаункас! И, как всякая презренная собака, заслуживаешь лишь палки. Палки и виселицы!

— Ты очень зол, брат Вампа. — Я потянулся, разминая мышцы.

— Вскоре я увижу твои последние судороги. Чувствуешь ли ты приближение смерти, Хаункас?

— О чём ты, брат? Намекаешь на то смешное, балаганное представление, которое ожидает меня? О, не принимай это столь близко к сердцу и не беспокойся, ибо мне даже приятно будет немножко побеседовать с Мудрыми.

— Еще приятнее будет, когда тебя поджарят на костре, бешеный пес!

Он подтолкнул меня древком алебарды к выходу, и я очутился в узком коридоре, ярко освещенном факелами, которые держали в руках еще трое монахов. Они тоже ждали меня. Брат Вампа вышел вслед за мной. Улучив момент, я обернулся и прошептал ему:

— Ты ошибаешься, мой нелюбезный брат. Не родился еще тот, чья рука подожжет мой костер. Я тоже умею быть злым. И память моя хранит все. Не забывай об этом.

— Пойдем, Магистр, нас ждут, — тронул меня за плечо брат Арден.

В нем я не чувствовал ненависти и злости, а лишь опасение и любопытство. Определенно он был намного умнее своего товарища, уже считавшего меня покойником. Брат Арден понимал, что даже со стоящим на краю могилы Магистром Хаункасом не стоит вести себя дерзко и вызывающе, поскольку он опасен и изворотлив, как змея, и злопамятен, как иудейский ростовщик, которого обманули на три медяка.

Я ждал, что меня выведут в монастырский дворик, ведь уверенности в том, что я переживу сегодняшний день, у меня не было. И помирать в этом сыром подземелье, не увидев напоследок солнца и синего неба, не глотнув полной грудью свежего воздуха, когда последнее, что представляло перед твоими глазами, — это узкие коридоры, туши монахов да чадящие факелы, — нет, это было бы слишком грустно! Но вместо того, чтобы направиться к ведущей наверх лестнице, охранники, шаркающие башмаками и гремящие алебардами, потащили меня вниз по каким-то тесным, узким коридорам. Я считал, что моя келья находится на самом дне подземелья. Я ошибался. Спускаясь по крутой лестнице вниз, ощущая на спине острие алебарды, я насчитал еще восемьдесят девять ступенек. Мы очутились перед резными дубовыми дверьми.

Брат Вампа распахнул их и громко произнес:

— Магистр Хаункас! Он пришел за судом и справедливостью.

Я получил очередной удар в ноющую от постоянных тычков спину и очутился в большом освещенном десятками факелов сводчатом зале. Вдоль его стен шли каменные барельефы, потолки были исчерчены незнакомыми знаками. В центре зала на неудобных стульях с высокими спинками — смесь безвкусного трона и трактирной скамейки — сидели они, мои судьи, которым в скором времени суждено вынести единственное возможное заключение: виновен, смерть.

Они тоже знали это и вряд ли собирались прислушиваться к моим жалким оправданиям. Знали они и то, что смерть моя будет долгой и мучительной, какой и должна быть кончина вероломного отступника.

В середине — прямой, статный, с седой бородой, на которой неуместной кляксой чернело пятно, в богатом церковном одеянии, сжав подлокотник длинными тонкими пальцами, — восседал Карвен Йесграбаемый, настоятель этого монастыря, самый старый, самый сильный, самый уважаемый из Мудрых. Мало кто мог похвастаться, что видел когда-нибудь хоть тень чувств на его длинном благородном лице, выражение которого было всегда холодно и надменно. Никто не знал, доставляют ли ему радость его деяния, сотрясающие державы и народы. Карвен умен, проницателен, обладает обширными познаниями, и многие тайны бытия для него вовсе не являются таковыми.

У его ног на корточках — Робгур, шут, слуга, телохранитель Карвена. Немой, ущербный горбун, по-собачьи преданный хозяину и не отходящий от него ни на шаг.

Справа от Карвена расплылся на стуле, подобно студню, Лагут Безжалостный, от его бритой головы отражался свет факелов. Лагут походил на откормленную свинью, измазанную в грязи, поскольку кожа его была смуглой. Он тяжело, с присвистом дышал и никогда не имел привычки скрывать свои чувства. А главным из этих чувств была ненависть, жгучая, испепеляющая, его сила и его слабость, ибо ненависть способна сметать преграды, но может и сама стать непреодолимой стеной. Ненависть многолика — холодная, расчетливая, безудержная... Он тоже, понятно, был совсем не глуп, иначе не достиг бы звания Мудрого. Лагут, по происхождению турок, принадлежал к знатному и сказочно богатому роду. Как его звали на родине, не столь важно. Приходящий в



орден получал новое имя, которое было предназначено ему судьбой, и для братьев только это новое имя имело значение.

Слева от Карвена возвышалась статная, атлетическая фигура Долкмена Веселого. Его возраст не отличался от моего. В миру его знали как преуспевающего купца, любителя изящных искусств. Жители родного города Генуи, конечно, и не подозревавшие скрытой сущности Мудрого, любили его за веселый нрав. Думаю, что это отношение изменилось бы, если бы стали известны его дела во славу ордена.

Главное, что привлекло здесь внимание, просто не могло остаться незамеченным, — это Цинкург. Идеально круглый, около полуметра в диаметре, шар сразу приковывал взгляд. Невозможно было определить, какого он цвета, что там внутри, какие рисунки переплетаются в его глубине. Он лежал на подставке из золота и платины, изображавшей свернутую в кольцо змею. Цинкург был самой большой драгоценностью ордена, и каждый сын Тьмы, в случае необходимости ни на секунду не задумываясь, должен был отдать жизнь за него.

По краям зала стояли монахи с алебардами и окованными железом жезлами, итальянцы в панцирях и со шпагами, свирепые турки, вооруженные кривыми саблями — ятаганами. И как только добрался сюда, в центр христианского мира, этот отряд? Все это телохранители Мудрых. Здесь никто никому не доверял до конца, никто никогда не расставался с кинжалом, никто не спешил отведать вина из поднесенного чужими руками кубка.

— Знаешь ли ты, презренный Хаункас, пред кем судьба даровала тебе счастье предстать в сей миг? — глухой негромкий голос Карвена был так же бесстрашен, как и его лицо.

— Еще бы мне не знать этого, брат! Я перевидел на своем веку немало Мудрых, — развел я руками и

увидел, как нахмурился турок и как ухмыльнулся в густую бороду Долкмен.

— Суд Мудрых будет разумен и справедлив, — просипел или прокашлял Лагут, — а смерть твоя заслужена.

— Что это за суд и справедлив ли он, если еще до того, как он начался, меня называют мертвецом?

— Замкни свои уста, Магистр, — медленно приподнял руку Карвен. — Мы начинаем. Ты виновен в смерти Мудрого. Ты виновен в неповиновении. Ты виновен в крушении планов ордена при дворе шведского короля Карла и султана Селима Великолепного... Ты виновен... виновен... виновен...

Он довольно долго излагал прегрешения Магистра Хаункаса, и, могу уверить, они были несомненны, а глубина его падения неизмерима.

— Что ты можешь сказать? Какие найдешь слова оправдания, способные хоть немного умалить вред, который ты причинил нашему делу? — пропыхтел Лагут.

— Я пришел сам, надеясь на ваш разум и справедливость, или я ошибаюсь? Разве это вы поймали меня? Вам бы никогда не найти Магистра Хаункаса! Это удавалось немногим, а те, кто сумел совершить подобное, теперь вряд ли могут поведать о своем успехе. Хочу уверить вас — имеющие уши да услышат, — все, что я делал, всегда было направлено на служение делу, на служение трижды проклятому и трижды вознесенному Люциферу, на служение ордену. Если бы Князь Тьмы взвесил дела мои на весах своих, бесстрастно и честно, то весы склонились бы в мою пользу. Где ваша мудрость, Мудрые? Вы готовы отправить в пекло Магистра Хаункаса, который так много сделал во имя Тьмы и готов сделать еще больше! Вы готовы бросить в бездну того, кого надлежало бы вознести к вершинам. Вы же знаете, как нужен Магистр Хаункас ордену и как не хватало его все эти годы. Я призываю к вашему холодному разу-

му, ибо, идя по дороге чувств, вы удаляетесь от нашего дела.

— Твой язык так же длинен, как список твоих негодных деяний, Хаункас. — Турок потер руки и мотнул головой, словно бык. — И это лишний раз свидетельствует о том, что ты заслуживаешь самого сурового приговора. Я за смерть... За серую смерть. — Он ударили жезлом, который держал в руке, о рукоятку кресла.

Мурашки побежали по моему телу. Серая смерть. Что это такое, я не знал достоверно, но слышал, что это нечто страшное, не только доставляющее страдания истерзанному телу, но и не оставляющее душу казненного в вечных путешествиях по миру загробному.

— Серая смерть, — кивнул Карвен, и его жезл тоже ударился о подлокотник.

— Хаункас, ты мне симпатичен, — улыбнулся во весь рот Долкмен, при этом весь его вид выражал доброжелательность и радущие. — Было бы просто неуважением к тебе содействовать избавлению от такого забавного приключения... Серая смерть!

Третий удар возвестил о том, что решение принято, и теперь мне даже не позволяют покончить жизнь самоубийством — ведь это было бы равносильно бегству от настоящего наказания.

— Завтра, в ночь полнолуния, ты, Магистр Хаункас, будешь подвергнут обряду серой смерти и уйдешь по серому кругу во искупление вины своей и в назидание каждому, в чьей душе прорастают зерна своеволия и предательства. Ты хочешь еще что-нибудь сказать? Говори, но не уверен, что ты будешь услышан.

— Вы очень дурно поступаете со мной. Я не заслужил серой смерти. Я хочу предложить нечто другое.

— У тебя есть предложение? О мой слух! — удивленно развел руками турок. — Не изменяет ли он мне? Верно ли я понимаю этот варварский европей-

ский язык? У приговоренного к серой смерти есть предложение...

Он пыхтел как самовар, которых я немало насмотрелся в заснеженной России.

— Да. Подумав, я все-таки решил не оставлять службу ордену, если только меня проведут через первые врата и нарекут Мудрым. Это было бы честно, поскольку, по принятым правилам, после кончины Судзбака Ленивого, который, признаю, отошел в мир иной не без моей помощи, я должен был занять его место. Сожалею, что мне тогда не довелось выразить свое согласие на это, так как срочные дела потребовали моего присутствия в других местах. Но сейчас я выражаю свое согласие здесь, перед магическим камнем.

— Он лишился ума, — участливо вздохнул итальянец. — Хаункас оказался слаб и не вынес мысли о серой смерти.

— Уведите его!

— Стойте! — громко и властно крикнул я, и это был голос Магистра Хаункаса, привыкшего повелевать людьми и обстоятельствами. Я выхватил из-за пазухи тщательно скрываемый до сего момента предмет. Это был Жезл Мудрых, сделанный из серебра, кости и бронзы. Жезл, столетия назад утраченный орденом и возвращающийся лишь сейчас моими стараниями. — Посмотрите, какая красавая вещь. Вам очень недоставало ее, не правда ли? Так кто же из вас, братья, готов обречь на серую смерть держателя Жезла Зари?

Камень на конце жезла величиной с большую медную монету сиял ровным сиреневым светом, и невозможно было рассмотреть, что у него внутри, зато легко понять, что он и магический камень Цинкург — одной природы. Монахи, бросившиеся ко мне по приказу турка, отшатнулись словно увидели привидение. Лицо итальянца удивленно вытянулось. Лагут, казалось, стал расплыватьсь на своем стуле.

Карвен же, который не повел и бровью, кивнул слугам:

— Оставьте его.

— Ну вот, брат Карвен, ты начинаешь вести себя разумнее. Вы не любите меня, Мудрые, а за что? Я раньше не был знаком ни с кем из вас. Я не причинил вам никакого вреда, лишь очистил место от тех, кто гордо возвышался на этих креслах до вас. Я устал, мне хочется отдохнуть, поспать в чистой постели, насладиться хорошим ужином с добрым вином. А после мы вернемся к нашему легкому светскому разговору.

— Покормите его и дайте ему все, что он просит, — приказал Карвен монахам.

Я направился к выходу. Теперь я уже не был пленником, обреченным на мучительную смерть. Правда, еще не был и хозяином, но начало положено. Грудь мою переполняли радость и гордость. Мне удалось сделать то, о чем я мечтал. И пусть это лишь первый шаг по опасной дороге, на которой поджидают неведомые ловушки, но я сделал его. И шаг этот приблизил меня к цели.

— А ты беспокоился за меня, брат, — остановившись у выхода из зала, я ласково потрепал по щеке моего охранника Вампу. — Ты был суров со мной. У меня болят кости...

— Я... — Он задрожал, будто осенний лист под безжалостным ветром, растерянный, беспомощный, потом начал опускаться на колени.

— Нет, Вампа, ты опоздал. Теперь немало времени придется тебе провести в безрадостных мыслях о том, помню ли я о твоем поведении, суровый мой брат.

Я уже собирался шагнуть за порог, когда сзади донеслось яростное и возбужденное сипение — речь Лагута:

— Для того чтобы овладеть Жезлом Зари, нужны знания, которыми ты не владеешь, Магистр!

— О разумеется. Поэтому я отдаю жезл тебе и обреку себя на серую смерть... Ты считаешь меня безумцем?

Сипение перешло в шипение очковой змеи:

— Думаешь, что теперь ты в безопасности? Но ведь есть еще и Черный Образ, не забывай.

— Не забуду. Равно как не смогу забыть и то, что Черного Образа нет ни у тебя, ни у остальных Мудрых.

Эти слова произносил я с наигранным воодушевлением. Как мне хотелось, чтобы в моих словах была правда, а не бравада и тщетная надежда...

Предоставленные мне покой по роскоши вполне могли бы удовлетворить самые изысканные светские вкусы. Кровать с невесомой пуховой периной; удобная, созданная лучшими мастерами мебель из ценных пород дерева; тяжелые бархатные портьеры. То же самое относилось и к яствам — дичь, паштеты, соус. Повар знал свое дело, можно было прийти к выводу, что подобные излишества были скорее правилом, и те, кто жил в этом монастыре, и те, кто бывал здесь в гостях, не отличались воздержанием. Вряд ли подобный образ жизни слуг святой католической церкви был бы одобрен высокими духовными особами. Хотя, поговаривают, сам папа Климент Двенадцатый не чужд не только излишествам в еде и питье, но, несмотря на преклонный возраст, не чурается и слабого пола. Да, к сожалению, Ватикан нередко становился ареной бесчестных игр, преступлений и порока, не зря же именно там были порождены такие чудовища, как Борджаи. Но у любого из них, у самого последнего святоши, погрязшего в распутстве и воровстве, волосы встали бы дыбом, если бы он узнал, кто свил гнездо в этом адском вертепе, таком тихом и пристойном с виду.

Я отодвинул от себя поднос с яствами, сбросил рубашку и подошел к огромному, в полтора челове-

ческих роста; зеркалу. Из глубин его на меня пристально взирал высокий мужчина с длинными черными волосами, подвязанными на лбу шнурком, острым крупным носом, проницательными глазами и телом изборожденным шрамами. Не буду говорить, привлекательный или нет, — не мое дело оценивать свою внешность, но не могу не сказать с гордостью, что воля и уверенность в лице и фигуре определенно угадывались. Из зеркала на меня смотрел Магистр Хаункас — гордость и гроза ордена, принесший ему немало побед и несчастий. Впрочем, нет. Из зеркала на меня смотрел Фриц Эрлих, странствующий лекарь и лихой рубака, авантюрист и путешественник, любитель хорошего пива и теплого очага, но еще больший любитель дальних дорог...

Как вы помните, мой спаситель доктор Винер — Адепт Ахрона, Светлого Ордена, который тысячелетия ведет беспощадную войну с Орденом Тьмы, чуть больше года назад предложил мне нечто немыслимое — стать на время Магистром Хаункасом. Он сказал, что на мне — печать избранного. Какими бы путями ни шел такой человек, в назначенный миг станет ясно, кому он принадлежит — Тьме или Свету. Все, что происходит в мире, не случайно. Не случайно и Хаункас остановил свой выбор именно на мне. Адепт сказал, что я должен проникнуть в самое сердце Черного Ордена и изнутри нанести сокрушительный удар по силам сатаны. Я согласился, хотя понимал, как трудно будет мне осуществить то, чего от меня ждут. Впрочем, мне не впервые было смотреть в лицо смерти.

О Темном Ордене Адепт знал много, хотя, конечно, далеко не все. Немало знал он и о Магистре Хаункасе. Преследуя его долгие годы, Винер изучил привычки, повадки этого исчадия ада. Адепт считал Хаункаса одним из самых страшных порождений ордена и, будучи способным читать по светилам и приподнимать завесу будущего, знал, что рано или поздно

Хаункас мог возвратиться в орден, и этот час был бы страшным для всего рода людского.

Почти год в отдаленном замке на юге Франции я познавал сокровенные тайны Темного Ордена, знакомился с историей его злодеяний. Я учился тому же, чему был обучен Хаункас, я пытался вникнуть в ход его мыслей и поступков, потому что знал: я должен буду стать им. Любые колебания, малейшая неуверенность могут стоить мне жизни.

Адепт задавал мне вопросы, и я отвечал на них так, как ответил бы он, Хаункас. Адепт нарочитоставил меня в тупик, и я обязан был искать выход так же, как сделал бы это Хаункас. Я должен был обращаться с людьми так же, как обращался с ними Хаункас. Мне следовало приобрести хоть долю хитрости и изворотливости, которыми владел Хаункас. И необходимо было забыть обо всем, кроме того, что у меня есть цель — нанести удар по Темному Ордену в самый переломный для него момент.

Я оказался способным учеником. Мне удалось довольно быстро влезть в шкуру Магистра. Настолько быстро, что меня это даже начало немножко пугать, ибо то, что мне приходилось делать и говорить, должно быть глубоко противно натуре порядочного христианина. Я проникался образом его мыслей и поведения и порой с ужасом ловил себя на ощущении, что все это не вызывает у меня омерзения и становится чуть ли не второйатурой. Тогда на меня находили раскаяние и страх, и я мог часами бить челом у образа Божьего и просить прощения за греческие мысли, которые посещали меня.

Год пролетел быстро. Я сильно изменился. Приобретенные знания тяготили и вместе с тем окрыляли. Мне открылось, как сложен этот мир. Покидая замок, я, с одной стороны, был угнетен ощущением скорого бесславного конца своего, поскольку даже Адепт, несмотря на внешний оптимизм, по-моему, вовсе не склонен был переоценивать мои шансы на успешное

завершение безумного предприятия. С другой стороны, меня жгло любопытство, ведь я скоро узнаю потрясающие тайны бытия, ибо Орден Тьмы — не только кладезь порока и зла, но и хранитель древней Мудрости.

Оставив коня и нехитрый скарб на постоянном дворе в небольшой деревеньке, не без основания полагая, что в ближайшее время они мне не понадобятся, я отправился к монастырю, который пользовался в округе недоброй славой. «Ладно, — говорили местные жители, — блудили бы или подворовывали монахи — эка невидал! Так ведь нет же этого. И в деревню особо братья не шастают, и долю монастырскую — десятину — не слишком дерут. Странно все, хоть и жаловаться грех. Да и сами монахи какие-то высокомерные, угрюмые, рослые, больше на воинов похожи. И гости у них странные бывают. Вон недавно отряд османов прибыл... А еще в округе люди пропадать стали — все сплошь дети маленькие. Если бы звери задрали — так хоть следы бы остались, а тут ничего. Нет, конечно, на монахов грех думать, но чем черт не шутит. Да и на гиблом месте этот монастырь стоит. Испокон веков там что-то не так было. Лет двести назад часовня стояла, так, поговаривают, сам дьявол туда наведывался, до сих пор старики об этом рассказывают».

В общем, немало пришлось мне наслушаться этих историй, иные из которых — крестьянские сказки, а другие — истинная правда.

Опираясь о посох, как и положено страннику, по пыльной дороге направился я к монастырю. Идти мне было несколько миль, и решимость моя таяла с каждым шагом. В какой-то миг я даже хотел повернуть обратно, и лишь страх бесчестия и обвинения в трусости удержал меня.

Внешне монастырь больше напоминал крепость, в которой можно долго продержаться, поливая неприятеля горячей смолой и забрасывая булыжниками.

Темный Орден укрепился здесь лет сто назад. Тогдашними Мудрыми было решено, что для хранения священного Цинкурга это место вполне подходит. Незнакомый с орденом и его силой мог бы возразить: а стоит ли хранить столь ценный предмет в монастыре, находящемся в центре раздиаемой войнами и кровавыми бунтами Европы, не лучше ли найти где-нибудь место более спокойное. Но личность сведущая возразила бы, что камень сей похитить, а тем более взять силой невозможно, и, покуда он здесь, стоять монастырю и быть стенам его неприступными. И в самые жаркие битвы, в самые тяжелые времена оберегает Цинкург от всяких напастей слуг дьяловых, и вершится с его помощью темные дела.

В монастыре я попал без труда. Подъемный мост был опущен, и один из угрюмых монахов, карауливших его, недружелюбно осведомился:

— Что тебе надо, путник?

— Передай, брат, что Хаункас вернулся и желает предстать перед Мудрыми.

На этого монаха слова мои не произвели никакого впечатления, и мне даже стало обидно, что моя... тьфу, Хаункаса, слава увяла так быстро. Но стоило взглянуть на второго монаха, чтобы понять, сколь прежде временны были подобные выводы. Его лицо вытянулось, и он сломя голову, чуть ли не вприпрыжку куда-то унесся. Вскоре он вернулся, сопровождаемый высоким собратом, в котором я узнал одного из нападавших на меня в Москве. Это был Арден.

— Магистр Хаункас! — подтвердил он.

Вслед за этим монахи схватили меня, отобрали у меня нож, висевший на поясе, и затолкали в сырой подвал, в котором мне пришлось провести несколько пренеприятнейших часов. И перед тем как провалиться в сон, немало я был терзаем мыслью: не ошибся ли Адепт, действительно ли сохранившийся у меня за пазухой Жезл Зари обладает такой силой, которая ему приписывается.

Если верить легендам, то выходило, что давным-давно, в такой древности, которую и представить себе трудно, великими магами (тогда еще не было различия между темной и светлой силой на земле) были созданы три камня, воплотившие в себе власть над душою мира. Эти камни вобрали в себя силу Золотой Звезды, на три дня вспыхнувшей на земном небосклоне, озарившей полнеба и ушедшей в небытие. Искусство магов придало камням различные свойства, суть которых — в распределении невидимых глазу духовных и астральных сил. Один из этих камней и украшал жезл, врученный мне Винером. Тот, кто владеет Жезлом Зари, находится под его защитой. Убить этого человека можно; но удар, в сто крат усиленный, возвращается к тому, кто убил или приказал убить. Поэтому вряд ли найдется безумец, стремящийся к погибели владельца магического жезла.

Мне до конца не верилось, что эта изящная вещица может спасти меня, но позднее я убедился, что все обстояло именно так...

Я отвлекся от воспоминаний, пригладил усы, поправил новый камзол, богатый и дорогой, — его мне принесли монахи после того, как я выиграл поединок с Мудрыми. Брошь со змеей и солнцем красиво выделялась на синем бархате. Ни один Магистр не расстался бы с ней ни на секунду, ибо в броши таилась Сила. Никто, кроме Хаункаса, не решился бы на подобное. И вот теперь брошью владею я, а где Магистр Хаункас?

В дверь осторожно, будто боясь потревожить меня, постучали. На пороге возник долговязый брат Арден.

— Нижайше прошу тебя, Магистр, пожаловать к Мудрым, которые желают говорить с тобой.

— Ну что же, пожалуй, я выслушаю Мудрых.

У выхода из комнаты я словно наткнулся на невидимую стену и почувствовал, как по спине моей ползет холодок. Кто-то смотрел на меня. Бесстрастно, изучающе — так, наверное, смотрит на свои жертвы

огромная африканская змея, одним взглядом парализующая свою жертву, а затем удушающая ее. Я резко обернулся. Комната была пуста...

На этот раз момент не был столь торжественным, не ожидалось веселых развлечений с приговором и казнью, так что принимали меня Мудрые не в Зале Камня, а в более скромной обстановке. Небольшая, заставленная тяжелой мебелью комната, на стене которой висела огромная картина, по моему мнению, весьма высоких художественных достоинств, изображавшая бичевание Христа. Карвен, в сутане настоятеля, с распятием на груди, перевернутым вверх ногами, сидел во главе стола. Разумеется, здесь был и Лагут, нервно теребивший золотую цепь на необъятном животе, и итальянец, скучающе изучавший картину. Я встал в середине комнаты, широко расставив ноги и скрестив руки на груди, будто желая обрести лучшую устойчивость и приготовиться лицом встретить порывы ураганного ветра, готовые вот-вот обрушиться на меня.

Настоятель заговорил так, будто не было никакого посрамления Мудрых, будто не было вынесено, а затем не исполнено их решение моей казни, будто вообще ничего не происходило до этого, а он просто надиктовывает своему повару выбор блюд на сегодняшний ужин.

— Мудрые решили вернуть Магистра Хаункаса в лоно ордена Трижды Проклятого и Трижды Вознесенного Люцифера. Ты снова наш, брат Хаункас. И помни, что не только прощение, но и долг ложатся теперь на твои плечи.

— Я ничего не забываю, брат Карвен. В том числе и мое недавнее согласие пройти через первые ворота. Ты, вероятно, забыл об этом, что недостойно тебя, о мудрейший из Мудрых.

— Послушайте его! — яростно взвизгнул турок. — Он решил до конца исчерпать наше долго-

терпение. Нечестивый шакал, укравший железную палку и размахивающий ею, смеет указывать нам! Указывать тем, кто держит в руках власть, о которой мечтали бы любые императоры! Безумству и наглости этого шелудивого пса нет предела.

— Ты требуешь невозможного, Хаункас, — улыбнулся Долкмен, которого от души забавлял этот разговор. — По установившейся бездну тысячелетий назад традиции, Мудрых может быть всего лишь трое.

— Нет, Мудрые, это вы требуете невозможного. Чтобы я, Магистр Хаункас, после стольких лет возвратился тем же, кем и ушел! Я слишком уважаю себя. Нет и не существовало установления, чтобы Мудрых было только трое. И нет преграды в этом мире, способной помешать мне стать четвертым Мудрым.

— Нечестивец, ты сам знаешь, что в ордене никогда не было четырех Мудрых! — тонко взвизгнул Лагут, ударив кулаком по столу.

— К чему ты призываешь меня, брат Лагут?.. Одумайся! Ты требуешь, чтобы я освободил себе место? — хитро спросил я.

— Но благодать Мудрого не передается по наследству. Это звание не заслуживается, подобно чиновничьему рангу, не наживается, подобно богатству купца. Онодается звездами и означает не ум и обширные познания, а прежде всего умение обращаться со священным Цинкургом. — Карвен будто старался убедить меня. И, хотя по его лицу ничего нельзя было прочитать, мне показалось, что на нем промелькнула какая-то неуверенность.

— Но я владею частью Цинкурга — Жезлом Зари. Он тоже дается только в руки избранных. И до сего момента ни у кого не возникало сомнений в том, что Магистр Хаункас призван войти в первые ворота. Да и вы сами знаете, что тот, кому сие не предназначено, никогда не войдет в них. Так что же получается? Вы боитесь не того, что я стану Мудрым без предназначе-

тания, а того, что я стану им потому, что предназначен для этого... — Подобный ход мыслей несколько озадачил Мудрых. Моя логика была предельно проста и легко разрушала их сложные построения. — Кроме того, что вы знаете такого, чего не знал бы я? Что близится час Люцифера, Трижды Проклятого и Трижды Вознесенного?

В комнате повисла тишина, которую нарушил озабоченный возглас Долкмена:

— Ты знаешь о долгожданном часе?!

— А вам не приходит в голову, что я один из тех, кому суждено приблизить Его наступление.

Турок надулся и засипел, но не мог найти подходящих слов, итальянец задумчиво тер переносицу, настоятель же не мигая смотрел на меня.

Наконец Карвен произнес:

— В мире нет ничего неизменного, и все когда-то происходит в первый раз. Если Мудрых раньше было трое, это не значит, что их число не может увеличиться. И все же не возносись во злобе и гордыне, Хаункас. Помни, что мы лишь Его дыхание, лишь длань Его и должны делать только то, что угодно Ему. В этом наша судьба и предназначение... А ты уверен, Хаункас, что камень примет тебя, когда ты войдешь в первые врата?

— Примет.

— Магистр Хаункас, ты пройдешь посвящение в ночь Черной Луны. Да станет сказанное делом!

С каменным лицом я поклонился и четко, размежленно, будто читая строки греческой трагедии, изрек:

— Не ради тщеславия, зависти, сребролюбия беру я на себя эту ношу, а единственно ради преумножения великих дел Тьмы, ради пришествия часа Его, чьему посвятил я и жизнь свою, и бессмертную душу.

Настоятель поднялся, сделал плавный жест рукой и произнес незнакомые слова на незнакомом языке:

— Млпандз збитзвхат, Хаункас.

Скривившись, словно от боли, эти слова повторил Лагут, а за ним, усмехнувшись, Долкмен.

Настоятель вышел из комнаты, турок же, тяжело неся телеса к выходу, остановился около меня и шепотом произнес:

— До ночи Черной Луны многое может произойти.

— Пусть случится то, что должно случиться, брат Лагут. Все мы в руках Его, и смешно надеяться обмануть промысел Князя Тьмы.

Что-то фыркнув под нос, турок исчез за дверьми, с трудом пропустившими его тушу.

Я мог поздравить себя еще с одной победой. Возможно, меня должно было насторожить, что все прошло слишком легко. Но я не ощущал подвоха.

— Они не очень-то любят тебя, брат Хаункас, — вздохнул итальянец, который остался сидеть за столом. — Могу побиться об заклад, что ум Лагута занят сейчас обдумыванием сладкой мысли: какой пытки ты заслуживаешь, а тут, поверь, его обширным познаниям и не менее обширному опыту можно лишь позавидовать. Больше всего обидно ему, что миновала тебя серая смерть. Ее не удостаивался никто уже более сотни лет. Последним счастливцем был Гуго Крыса, который, будучи доверенным лицом ордена, обезумел и выложил все наши планы одному из Людовиков, которому надлежало умереть, дабы смертью своей исполнить то, что не мог достигнуть он своей жалкой жизнью. Король все равно умер, всего лишь на три дня позже, а вот где находится сейчас несчастная душа Гуго — мне и представить страшно. Да, за то, чтобы полюбоваться процессом серой смерти, брат Лагут с радостью выложил бы половину своих несметных богатств. Меня удручет это, и я искренен с тобой. Желание мучений брату своему по ордену — грех даже в нашем братстве.

— Значит, тебя удручет это? Ну, если честно, что отдал бы ты, брат мой, за то, чтобы увидеть, как меня примет серая смерть?

— Немногое, Магистр. Я знаю счет деньгам. Хотя не скрою, и мне было бы любопытно это зрешице. Тоже грешен.

— Ты разрываешь мне сердце. — Я театрально хлопнул себя по груди. — Ты тоже хочешь моей смерти! А я так верил в твое благородство, брат!..

— Ты забавный человек, Хаункас, и, могу поклясться, хороший собутыльник. Марчело! — заревел Долкмен, словно раненый зверь, и в комнату тут же влетел маленький итальянец. — Вина!

Марчело поклонился. Я думал, что он побежит куда-нибудь за вином, но хитрец уже принес бутыль с собой. Он вытащил ее из-под полы и поставил на стол. Долкмен, видимо, не терпел, когда в нужный момент нельзя было бы промочить горло. В необъятных карманах Мудрого тут же отыскались два золотых стаканчика.

— Такими, правда, пьют только микстуру, но, если прикладываться почаше, можно достичь неплохих успехов, — хихикнул Долкмен, выставляя стаканчики рядом с бутылкой.

Зелье, подобное тому, которое мы пили, обладает свойством окрашивать мир в радужные тона, увеличивать или уменьшать, в зависимости от количества выпитого и от характера того, кто пьет, количество врагов в мире. А еще оно развязывает языки, после чего приходится мучительно вспоминать, не наболтал ли чего лишнего. Впрочем, до такой степени я не дошел, но все вокруг действительно стало светлее и дружелюбнее. Разговор шел неторопливый. Несколько довольно фривольных историй в стиле «Декамерона», пара анекдотов из жизни французского двора.

В конце концов я расчувствовался и, хлопая по плечу Долкмена, который тоже оказался хорошим собутыльником, хоть и являлся сатанинским отродьем, сказал:

— Ты знатный купец и добрый выпивоха, брат Долкмен! Но ведь ты тоже хочешь увидеть меня рас-

терзанным на кусочки, не правда ли? Но не можешь, ха-ха! Потому что в-вот он, жезл! Ты даже не можешь стащить его, хоть и прославлен в этом искусстве, поскольку сила его все равно останется со мной. Так что ты н-ничего не сделаешь со мной, и потому нам останется лишь быть добрыми собутыльниками.

— А ты не подумал, брат мой, что кто-нибудь из нас, может быть даже я, владеет Камнем Черного Образа, способным уравновесить силу твоего жезла? — Долкмен хлопнул меня увесистой ладонью по спине. — Представляешь, как было бы смешно, если бы ты сейчас глотал вино с ядом, уверенный в своей безопасности и удачливости? Да, это было бы смешно! А может, я вскоре всажу тебе нож в грудь и увижу, как в последний раз бьется в моей руке вырванное у тебя из груди сердце? — Он сжал кулак до белизны.

— И у тебя есть Черный Образ, брат мой? — спокойно спросил я.

— Это тебе загадка, чтобы было, чем занять мысли, Хаункас.

— Шутка отменная, брат, но у тебя нет Черного Образа, иначе ты давно всадил бы мне нож в спину.

С каждым стаканчиком мой собеседник нравился мне все больше и больше, и теперь я испытывал к нему поистине теплые чувства.

— А может, я забавляюсь с тобой, Хаункас? Ведь ты хороший собутыльник! Или, скажем, ты просто нужен мне. Пока что нужен.

— Ну и глупо, брат... Давай-ка лучше выпьем.

— Давай. — Он потянулся за своим стаканчиком, но я подсыпал ему свой, а сам взял его.

— Отравимся вместе!

— Нет, ты все же мне по душе. — Он проглотил, не поморщившись, вино.

— Ты мне тоже по душе, брат! Не знаю, как мне выразить, Долкмен, мое к тебе уважение. — Я похло-

пал себя по карманам — не потерялся ли. — Ну хотя бы вот так...

Массивный серебряный перстень лежал на моей ладони. Я протянул его Долкмену.

— Хорошая вещь. А рисунок из бриллиантов напоминает твой знак, не правда ли?

Раскрасневшееся лицо Долкмена вдруг стало белым, цвета муки.

— Откуда у тебя это?

— В одной лавке на улочке Стамбула мне продал его жирный проходимец без левой руки. Я подумал, что негоже разбрасываться такими вещами, ибо еще тогда вспомнил о тебе. Это перстень твоей силы, а мне он ни к чему. Ведь это твой символ, брат. Я возвращаю его тебе.

— Ты хитер, Хаункас. — Долкмен пристально посмотрел мне в глаза, и теперь никто не заметил бы, что он только что одолел почти литер крепкого вина. — Хотел бы я знать, в какую игру ты сейчас играешь?

— Ха-ха, брат Долкмен! Я не играю ни в какую игру. Просто оказываю тебе услугу в расчете на то, что однажды ты ответишь мне тем же. Мне нужно, чтобы хоть кто-нибудь здесь не ждал момента, когда хозяин Жезла Зари оступится.

— Ладно, Хаункас, ты прав. Только наши враги и глупцы считают, что великим слугам Тьмы чужда благодарность. За мой долг, Магистр.

— Я надеюсь на это, брат.

— Ты прав, но все-таки ты и хитер, Магистр Хаункас. Ты заговорил мне зубы и не выпил очередной стаканчик. Это неблагородно...

Ночную тишину прорезал жуткий, исполненный муки и боли крик. Он прокатился по пустым коридорам, заметался по залам и затих. Пока я разжег свечу и вышел из своей спальни, чуткие и ко всему готовые телохранители Мудрых ужесыпали в ко-

ридор. Меня теперь знали все, передо мной расступились.

Он лежал в крохотной комнатке на деревянном полу, к которому был пригвожден алебардой. Руки его судорожно сжимали древко, — видимо, из последних сил он пытался выдернуть из своей груди грозное оружие, не понимая еще, что все кончено.

— Кто его убил? — спросил я монаха, склонившегося над бездыханным телом.

— Не знаю.

— Как его звали?

— Мустафа — колдун и звездочет. Ближайший советник брата Лагута.

Сзади послышалось сипение и пыхтение. У входа стояли настоятель и толстый турок.

— Вонзивший нож в сердце Мустафы. Подлый шакал, да развернется под ним земля, да падет на него вся ярость Тьмы, целил в это сердце! — Лагут ударили кулаком по толстому слою жира на своей груди. — Тот, кто сделал это, будет молить о смерти и получит ее как избавление! Это слово Мудрого.

Как ни гадал я, в чем смысл этого убийства, так и не смог понять. Но, похоже, в сей тихой заводи по поверхности пошли волны, а кого они смоют — покажет самое ближайшее будущее. И я увижу это...

Пять свечей оплавили бесформенной массой на бронзовый подсвечник хитрой конструкции. Свечи были какие-то странные, и свет они отбрасывали не радостный, желтый с красным, а голубой, который делает теплое холодным, живое неживым. И эти свечи очень подходили к тому месту, где я очутился.

Я и представить себе не мог, что под монастырем таятся такие подземелья. Галереи, заполненные свитками, рукописями, печатными книгами; комнаты, заставленные колбами, сосудами, странными приборами, назначение которых являлось для меня загад-

кой, — все это содержалось в идеальном порядке и сохранности. Состояние у меня было возбужденное — смесь неприятия, отвращения и какой-то противоестественной тяги к запретному плоду, которая, как известно, однажды уже погубила человечество. Здесь явственно чувствовался запах времени. Именно запах, его тлен и вместе с тем какая-то незыблемость, как у уродливой скалы, которая уже стоит тысячи лет и простоят до конца времен, увидит крах царств и империй, а может быть, и конец злобного, тщеславного существа, именуемого человеком.

Мы сидели в центральном помещении галереи. Карвен устроился в мягким удобном кресле рядом с треножником, на котором стоял серебряный куб. Горбун Робгур поглаживал пальцами череп с золотым обручем, лежавший на столе, и зачарованно смотрел на голубой огонек свечи. Я сидел молча, понимая, что нас ожидает какой-то разговор, ибо неспроста привел меня сюда Карвен, преодолев множество тайных ходов и ловушек.

— Я стар, Хаункас. Вся жизнь моя прошла в служении и преумножении славных дел Люциферовых. Моими богами были Сила и Тьма... Тьма и Свет, черное и белое — как все просто. Но ведь мир состоит из полутеней. И может быть, в каком-то крайнем звене событий и поступков, мыслей и чувств Тьма превращается в Свет, а Свет во Тьму, белое и черное меняются местами, все понятное и простое становится сложным, а все сложное — простым.

— Тогда-то и возникает или умирает мир, — поддакнул я, чтобы поддержать разговор. Когда еще мне удастся увидеть невиданное и услышать неслыханное — откровенничающего и философствующего Карвена.

— Иногда мне приходит в голову, что все мы слепцы и бредем неизвестно куда. Даже мы, Мудрые, проникшие в суть вещей несравненно глубже обычных представителей навеки проклятого и бесполезного

рода человеческого, вряд ли можем похвастать тем, что знаем достаточно. И все эти книги, вся эта мудрость, — он махнул рукой, — знания сотен веков, разве могут дать они ответ на простой по сути вопрос: что заставляет нас играть давно надоевшие роли и продолжать бесконечный спектакль?

— У тебя есть какие-то сомнения по этому поводу? Ведь так можно и усомниться в существовании Еgo...

— Да что ты! Кто же может усомниться в существовании Его. Вот только ЧТО есть Он, Трижды Проклятый и Трижды Вознесенный? Не игрушка ли Он сам, не потешная ли забава для Того, кто выше всякого разумения и применительно к кому ни одно из наших слов ничего не значит? Впрочем, довольно. Знаешь ли ты, брат Хаункас, куда я привел тебя?

— Это сокровищница знаний ордена. Сокровенные книги, забытые всеми, утраченные в войнах, сожженные в пожарищах. Великие истины, растратченные человечеством так глупо и бездарно, оказавшиеся по невежеству людскому не нужными никому, кроме нас, хранителей тайного Слова. — Я говорил с неожиданным воодушевлением, и слова мои были вполне искренни.

— Так и есть, Хаункас. Ты ловок, коварен и жесток — эти качества угодны ордену, ими должен обладать Мудрый. Но я рад видеть в тебе тягу и уважение к священному знанию, ибо, если бы Мудрые славились всего лишь умением обращаться с камнем, орден выродился бы в дикую орду. Это сокровищница знаний. По большей части здесь искусные копии, ибо подлинники-манускрипты хранятся в таких местах, где они уцелеют в годину любых катастроф. Чего тут только нет! Чего только не было выдумано за десятки тысяч лет человеческой истории! Какая откровенная ерунда, и какие потрясающие откровения! Все, что претерпевала бумага, папирусы, глиняные и деревянные таблички!..

Настоятель встал, подошел к полке, взял толстый фолиант, открыл его и положил передо мной. Моим глазам предстала гравюра, на которой были изображены бурные морские волны, гигантские камни, вздывающиеся из воды, корабль причудливой формы с косым треугольным парусом.

— Как ты думаешь, о чем повествует эта книга? Тягучая авантюрная история, ибо люди всегда любили обман и рассказы о том, чего не было и, по-видимому, быть не могло. Она ничем не выделяется в ряду подобных историй, пожалуй, за исключением одного — написали ее двенадцать тысяч лет назад. А на гравюре ты видишь Великие Морские Ворота к Белому острову. Этот остров — центр цивилизации атлантов. Атлантида, слышал ли ты о ней? Об Атлантиде писал Платон, и именно оттуда берет начало наш орден. Именно на Белом острове впервые появились великие маги — слуги Трижды Проклятого и Трижды Вознесенного великого демона зла Люцифера. Именно там накапливались знания, выращивались кристаллы, которые давали людям мощь и ставили им на службу таинственные стихии и субстанции, о многих из которых мы давно позабыли и вряд ли когда-нибудь узнаем снова.

Карвен медленно шел мимо запыленных книг.

— Египетские мистерии, Вавилонские откровения, таинство вызывания духов и управления силами природы. Все это здесь. Забытые религии, кровавые обряды, тысячи способов задобрить жестокие и злобные божества испуганных и диких людышек. Ох, Магистр, ну кому, как не нам, лучше всего известно, насколько глупы и вместе с тем насколько разумны эти культы! Молох, Сатана, Асмодей — их никогда не существовало, равно как не существовало и Яхве, Озириса, Гермеса. Их не было до тех пор, пока их не породили чаяния, надежды, молитвы и страхи людские, пока сила мыслей и слов создала их в высшем, духовном мире и пока, как древо соками, питаясь

почитанием или ужасом, они не стали мощны настолько, что начали оказывать влияние на ход вещей, им стали подвластны судьбы, им, творениям невежества и глупости человеческой! Так создается Игригор. Игригор Яхве, Игригор Сатаны, Игригор Изиды. Все это фигуры в великой и нескончаемой игре двух сил. Хоть слова тесны, но мы именуем эти силы Свет и Тьма. Может, это тщеславие, но мне хочется сбросить шелуху слов, понять, что есть они, эти две силы. Тебе, конечно, чужды подобные мысли, брат, ибо приходят они лишь к старости.

— Я действительно не понимаю, к чему все это. Разве слов недостаточно, если они дают толчок для правильного дела? А все остальное — от гордыни. Сомнения сковывают. Они — первая трещина, первый признак слабости.

— Все верно, Магистр. — Карвен шел дальше вдоль полок. — Рукопись чернокнижника Ханса Лебедя «Как с помощью пламени и зеркала вспомнить прошлую жизнь». Тайная книга ассирийского мудреца, не оставившего нам своего имени, но великого и непревзойденного, — «Как по звездам и иным признакам предсказать судьбу и сделать нужный шаг». Жалкие крупицы этих знаний подобрали нынешние шарлатаны, именующие себя астрологами и промышляющие при дворах королей и вельмож, таких же глупых, как и они сами. А это трактат о развитии способностей видеть невидимое, общаться со скрытым от нас миром.

— Ты владеешь этим даром?

— Мудрый не нуждается в подобном умении. Это занятие требует огромной отдачи сил, а польза от него сомнительна, поскольку даже посвященному не откроется сколько-нибудь значительная часть этого мира. А вот странная книга. Странная настолько, что никто не знает, верить ей или нет. Здесь повествуется о бесконечной цепи двойников нашей Земли, чем-то похожих на нее и в чем-то иных. Они пребывают там

же, где и мы, но мы почти не соприкасаемся с ними. Что это — выдумка или истина, данная нам, непонятно кем и непонятно с какой целью?

Я брал с полок книги, пытался вникнуть в смысл давно забытых языков, вглядывался в рисунки, и голова у меня шла кругом. Может быть, блуждая по свету и не имея пристанища, гонясь за какой-то ускользающей, не дающейся в руки мечтой, я искал именно это — тайну и знание. Я понимал умом, но не душой, что все эти знания опасны и собраны здесь орденом для того, чтобы так или иначе служить Тьме. Ведь, погружаясь в эту черную пучину, ты можешь однажды обнаружить, что не в силах вынырнуть, и над твоей головой на веки вечные сомкнется Тьма. Когда эта мысль пришла в мою голову, мне захотелось перекреститься, прочесть очистительную молитву, покаяться в непотребных стремлениях, но, пока я здесь, это невозможно. Господи, я думаю, ты простишь мне ужасные мысли. И то, что я все-таки буду листать эти книги, покуда будет такая возможность.

Я вздрогнул, почувствовав на себе пристальный, изучающий взгляд настоятеля. Хоть лицо его было, как обычно, непроницаемо, а в глазах его мутно-зеленого цвета тоже ничего нельзя было прочитать, мне на миг показалось, что я пробился сквозь его броню. Я могу улавливать чувства людей, и это умение не раз выручало меня. И я понял, что Карвен не доверяет мне! Ничего удивительного в этом не было, наоборот, нельзя было бы ожидать, чтобы он проникся ко мне сразу полным доверием. Но это недоверие было особое, скорее, не как к хитрому противнику, а как к неведомой силе, от которой неизвестно чего ждать. Он боится меня! Боится что-то обнаружить во мне. И вместе с тем чего-то ждет от меня...

— Присаживайся, брат, разговор еще не окончен. Я привел тебя сюда, в святая святых, куда доступ имеют немногие, поскольку решено, что ты станешь

одним из Мудрых. Но не думай, что ты добился этого лишь благодаря жезлу Зари и твоим угрозам. Есть и иные причины, которые тебе пока знать рано.

— Почему рано?

— И на этот вопрос ты не получишь ответа, пока не придет назначенный час. Помоги нам, Тьма, чтобы все было так, как начертано! И проявится то, чему надлежит проявиться в этом мире.

— Ты говоришь загадками.

— Неважно. Эти загадки не так сложны. Впрочем, как и любая загадка, если только знаешь ответ на нее... Кстати, Хаункас, завтра Серебряная Цепь — удивительное расположение светил на небосклоне. Тебе это говорит о чем-нибудь?

— Говорит... — Я пытался вспомнить наставления Адепта по этому поводу, ведь Магистр должен знать подобные вещи. — Это расположение светил, благоприятное для того, чтобы открыть дверь и впустить того, кому здесь быть нельзя.

— Все верно. Миг, благоприятный для связи с той областью непроявленного мира, где ются самые жуткие наваждения и самые низкие мысли, которые рождались когда-либо на этой земле, где пребывают души самых отъявленных негодяев, где порождения самых кровавых религиозных культов правят бал. И завтра мы в очередной раз откроем эту дверь.

Я что-то пытался вспомнить. Что-то тягостное, опасное. Что-то, от чего лучше держаться подальше. И это что-то было связано с Серебряной Цепью.

— Мне будет очень интересно.

— Интересно, хм. Скажи, Хаункас, ты готов к таинству?

— А что мне может помешать участвовать в нем?

— Ну и хорошо. Значит, завтра мои сомнения рассеются.

— Какие сомнения, брат, одолевают тебя?

Ощущение опасности нарастало. Что же еще говорил Адепт о Серебряной Цепи?

— Завтра я окончательно удостоверюсь, что ты — это ты, Магистр Хаункас.

— Ты сомневался в том, что я Магистр Хаункас? — Что мне стоило сказать это обычным тоном, приправив его чуть-чуть иронией и снисходительностью! При этом следовало ничем не выдать себя, не показать, что я за секунду насквозь пропитался холодным, мерзким страхом.

— О, я не так глуп. Конечно же, ты — Хаункас, Магистр ордена, доставивший столько хлопот ему в прошлом. Но я не знаю, кому ты служишь сейчас, кому ты предан. Впрочем, я сомневаюсь, что ты можешь быть предан кому бы то ни было. Не знаю, к чему устремлены твои помыслы. О, что не к врагам нашим — в этом сомнений нет! Ты же Хаункас, и любой из Светлого Ордена посчитал бы за счастье разделаться с тобой. Но отдана ли твоя душа безраздельно Тьме? А может... Иногда мне в голову закрадывается необычная мысль. Свет и Тьма — мы настолько привыкли к этим словам, что считаем, что они описывают все сущее. Но в древних книгах речь идет о трех силах, Магистр. О трех! Причем о третьей нам ничего неизвестно! Но я всю жизнь чувствовал, что существует еще какое-то начало, оно вмешивается в ход событий и в борьбу. А может, ты, Магистр, сам того не зная, предназначен этой третьей силе?

— Глупости, брат.

— Я тоже так думаю. И завтра все окончательно выяснится. Завтра из глубины Камня Золотой Звезды придет Торк — порождение кровавого культа, тысячи лет назад существовавшего у одного азиатского народа, память о котором давно стерлась. Напоенный кровью тысяч и тысяч жертв, страшный в безумстве своем, он коснется тебя. Лишь тот, чья душа отдана Тьме, вынесет это прикосновение.

— Пусть он придет. Я не боюсь...

Ох, если бы я был искренен и в самом деле не боялся того, что мне уготовил Карвен! Остаток дня я

провел в тяжких думах, и как я не размышлял получалось, что жить мне остается не так уж долго. Завтрашней ночи мне не пережить. Против этого кошмарного исчадия Тьмы не поможет никакой жезл, не спасет никакая воля. Что остается? Бежать? Но меня не выпустят отсюда...

Терзаемый этими мрачными раздумьями, тщетно надеясь, что смерть моя будет легка, я долго ворочался ночью, не в силах заснуть. И вдруг сердце мое будто сжала чья-то властная рука. Вновь, как и пару дней назад, у меня возникло чувство, что в комнате кто-то присутствует. Я привстал и открыл глаза. В окно светила луна, темные силуэты в комнате были лишь тенями обычных предметов...

Горбун протянул мне черный тонкий плащ с золотой змеей и солнцем на спине. По обычаю, на таинстве «Открытие двери» основные действующие лица, а сегодня к ним принадлежал и я, должны быть закутаны в тонкие плащи. Мои руки не дрожали, на моем лице ничего нельзя было прочитать; но чего мне это стоило! Годы скитаний и уроки Адепта закалили мою волю, я умел владеть своими чувствами, конечно, похуже, чем Карвен, но получше, чем остальные. Я привык терпеть боль и обиды, научился делать то, к чему не имел желания, идти туда, куда человек в здравом рассудке вряд ли пойдет. Не знаю, смел ли я по природе своей, но мне кажется, что смелость — это не отсутствие страха, а способность преодолеть его, встав лицом к собственной судьбе, как бы горька и ужасна она ни была.

Я натянул плащ, заколол его на груди злосчастной брошью Магистра, из-за которой мне в свое время столько пришлось пережить, покрутился перед зеркалом, оценивая, как я буду выглядеть на заклании. Немой горбун сутился вокруг меня, стряхивая с плаща одному ему видимые пылинки и расправляя складки. Жалкое существо, у которого единственное

счастье в жизни — у служить и добиться похвалы, сытой еды и теплой постели.

— Ну что же, пошли, — хлопнул я Робгура по руке и улыбнулся себе в зеркале. Может быть, в этом зеркале явижу себя в последний раз. Вскоре душа покинет мое тело, которое вмиг станет холодным и безжизненным.

У меня возникла утешительная мысль: а что, если настоятель просто решил позабавиться и посмотреть, как я буду себя вести во время испытания? По моему лицу и поведению ничего ему не узнать, а проникнуть своим взглядом в мою душу он не способен. Впрочем, глупости. Это вовсе не театральное действие, Магистр Хаункас! (Вот я уже и про себя начал величать себя так.) И вскоре тебе предстоит встретиться с Торком...

Я специально надел свои башмаки со стальными набойками. В той вязкости и неопределенности, в которые погружался мой ум с приближением назначенного часа, постукивание стали о камень, эхом отдающееся в коридорах, по которым я шел, гордо выпрямившись, укрепляло во мне ощущение реальности. С утра я был как пьяный. Сперва мне подумалось, что в еду подмешано какое-то зелье, но потом понял, что это Серебряная Цепь и ожидание пришествия Торка повергают всех жителей монастыря в какое-то отупление. Шанс выстоять в приближающейся схватке мне давали лишь мои здравомыслие и воля.

Эх, Эрлих, Эрлих, сколько раз ты мог погибнуть, умереть самой разной смертью — благородной или позорной, тихой или мучительной! И тогда, когда в Карибском море дрался с корсарами у обломанной ядром мачты, а рядом со мной один за другим падали бравые матросы. И в жаркой Индии, когда попал в плен к язычникам и те решили испытать на мне свои мерзкие ритуалы в поклонении отвратительным, уродливым богам; и в Марселе, когда в портовой таверне давал отпор полудюжине пьяных головорезов

с английского торгового судна; и в Москве, когда, замороченный Хаункасом, стоял с кинжалом и пистолем перед отъявленными разбойниками... Мог я погибнуть и в десятках других мест, но всегда выручали меня собственная ловкость, твердая рука да еще ожесточение. Теперь я чувствовал, что любая из тех смертей была бы истинной благодатью по сравнению с тем ужасом, который будет вызван темным искусством колдунов и Мудрых ордена из глубин астрального мира.

В Зале Камня все уже были в сборе. У стен стояли монахи в синих плащах с красной подкладкой. Они держали в руках чадящие факелы, от которых исходил тошнотворный запах. Огонь факелов был какой-то неяркий, нервный, неустойчивый, поэтому казалось, что все здесь дрожит, находится в движении. Даже Цинкург, казалось, меняет форму. Зыбкость и неуверенность затягивали меня, обволакивали мозг. Может, в горючее вещество факелов было что-то подмешано? В углу стояли огромные, почти в рост человека, бронзовые часы. О, если бы их ход мог добавить мне уверенности в незыблемости и прочности этого мира, но они не тикали размеренно, как положено часам, а издавали какой-то скрежет и шипение.

Тroe Мудрых, величественных и неприступных, словно изваяния, завернутые в такие же, как у меня, черные плащи, полукругом стояли у камня. Они не двигались, казалось, даже не дышали. Они не были ни расслаблены, ни напряжены — просто безжизненны, будто вся жизненная сила, загадочная, делающая неживое живым, ушла из них в магический камень. И Цинкург, подпитываемый их жизнью, их силой, оживал. Что-то неясное и неописуемое начинало проявляться в нем — отражения каких-то дальних миров, несусветных реальностей, что-то скользкое и отвратительное, чего я не мог воспринять. Если дейст-

вительно смерть моя придет оттуда, то жалок мой жребий, и будет он еще хуже, чем я ожидал. Господи, я любил тебя, внимал слову Твоему, мечтал о царстве добра и справедливости. И в эту обитель греха, порока и ничтожества человеческого пришел я только ради служения светлой истине, которую Ты нес людям. Так не дай мне погибнуть так страшно!

Я всегда не любил желтый цвет — цвет измены, разложения, неопределенности и размытости. Именно желтый омерзительный туман наполнял сейчас глубину катанинского камня. Туман, дышащий, живущий какой-то своей зыбкой (как я ненавидел теперь даже само это слово!) жизнью. Он все плотнее окутывал мой мозг. Я изо всей силы впился ногтями в кожу. О, боль, иногда ты бываешь спасительна! Я прикусил губу, и путы зыбкости и тумана немного ослабли.

— Пробил миг, — донесся до меня низкий, безличный, совершенно незнакомый голос. Скосив глаза, я понял, что принадлежит он Карвену или тому, кто владел сейчас его телом. — Он идет!

Будто прошелестел ветер и тронул беспокойные языки факелов, зашатались, запрыгали тени. Я ждал. Мои мышцы каменели, лицо превращалось в безжизненную маску.

— Он здесь!

Этот голос не принадлежал ни Карвену, ни кому-либо из Мудрых. Он был нервным и хриплым. Голос возбужденного сверх меры, готового биться головой о пол человека. Я видел таких больных. Но те были подавлены и жалки, а обладатель этого голоса был могуч, он обладал силой. Такой силой владеют шаманы и колдуны, но их мощь лишь ручеек по сравнению с этой, помноженной на помощь камня и Мудрых. Я хотел увидеть его. Может, к этому времени, очарованный Цинкуртом, я был немного не в себе, но меня жгла одна мысль: увидеть хозяина голоса, будто в этом заключалось что-то важное. И он вошел в опоясывающий камень трехметровый круг, в кото-

ром могут пребывать без опасения лишь Мудрые и избранные и в котором сейчас пребывал и я.

В круг вошел палач!

Это первое, что мне пришло в голову, — палач! Красный балахон, красная маска с прорезями для глаз. Во всем мире так облачаются только палачи. Он поднес дрожащую руку к лицу и сорвал с него маску, разорвав при этом плотную материю так легко, словно это бумага. Открылось длинное, изъеденное морщинами, хотя и не очень старое лицо с правильными чертами. Когда-то оно было красиво. Человек в красном обвел огромными, горящими безумием глазами Мудрых, потом остановился на мне. Его взор будто высасывал из меня все тепло, подталкивал в бездну. Я ошибся, это был не палач. Это был Орзак Нечестивый.

Людей с истинными магическими способностями не так много, появляются они по непонятному промыслу Тьмы. Ордену всегда нужны были колдуны, ибо даже Мудрые владеют лишь зачатками этого великого искусства и по сравнению с истинными его мастерами — беспомощны. Правда, у Мудрых есть иное — сила камня, способная управлять людьми и событиями. Зато у колдунов — темная энергии души и черные знания, собранные ими по крупицам. Поговаривают, что объединяют колдунов какие-то свои связи и интересы, не всегда отвечающие интересам ордена, но это, возможно, лишь легенды.

Орзак Нечестивый был колдуном. Пожалуй, одним из самых сильных колдунов на Земле.

— Он уже рядом! — Голос его дрожал, тональность резко переходила от баса к фальцету; человеческое горло не может издавать такие звуки.

Лицо Орзака свело судорогой, по нему будто прошла волна, заходил каждый мускул, завибрировал каждый кусочек кожи. Это было нечто невообразимое. В доли секунды лицо колдуна становилось старческим и убогим и тут же — розовым, мальчишес-

ским, потом — О великий Боже! — приобретало зеленый трупный оттенок. Колдун шипел, разбрызгивая слону, кусал до крови губы, издавал нечеловеческий вой. При этом сам он оставался неподвижен, лишь лицо его жило своей отдельной жизнью.

Сколько это продолжалось — минуту или час, — сказать не могу. В непостоянном и зыбком мире, в котором мы теперь находились, невозможно было точно определить время. За моей спиной стояли бронзовые часы, но даже при желании я не мог обернуться и взглянуть на них.

Вдруг лицо Орзака стало лицом нормального человека, и он обычным голосом сказал:

— Приведите ту, которая откроет врата Богу Крови.

Я ожидал, что приведут какую-нибудь колдунью, похожую на Орзака, а может, и похуже. Но скользящие, как тени в неверном свете факелов, монахи втолкнули в круг девочку лет десяти, босую, в просторной крестьянской рубахе. Она была красива и трогательна — вздернутый носик, румянец на щеках, белые волосы, рассыпанные по хрупким детским плечикам, родинка на щеке, которая вовсе не портила ее, поскольку ничто не могло испортить очарования и свежести этой куколки. Руки ее были варварски связаны сзади веревками, притом довольно туго, так, что на коже проступили красные полосы. Губки ее были надуты, она была обижена. Девчушка принадлежала к тем детям, на которых ни у кого и никогда рука не поднимется обращаться грубо. Таких детей обожают родители, соседи дарят им всякие безделушки, а прохожие улыбаются, глядя на них.

— Господин настоятель, — она шмыгнула носом, — чего они хотят от меня?

Видно, из присутствующих она знала только Карвена и надеялась, что он послужит ей защитой от этих страшных и злых людей. Она шагнула к нему, но тут монах, стоявший сзади, грубо схватил ее и встряхнул, как мешок. Настоятель же оставался недвижим, и

невозможно было понять, слышит ли он вообще обращенные к нему слова.

Видимо, девчушка и была той, которая откроет врата. Но я не мог представить, каким образом это сделает деревенская простушка, скорее всего похищенная из родного дома.

Монах взял ее за плечи и, еще раз встряхнув, толкнул к колдуну, стоящему к ней спиной.

— Что вам от меня нужно? Я хочу домой! Я ничего не сделала! Ну, если только... — Она на секунду замялась, решая, покаяться ли в мелких прегрешениях, которые, возможно, и были в ее понимании причиной того, почему она здесь. — Ну разве только собирала ягоды в монастырском лесу... Но я не знала, поверьте мне, что это монастырский лес. Я просто заблудилась... Я бы никогда не стала собирать ваши ягоды! Вы знаете меня и мою семью, святой отец! Но скажите им, что я...

Тут колдун резко обернулся. Его лицо теперь было почти синим, с искусанными до крови губами.

— Ты. — Он протянул к ней дрожащую от возбуждения скрюченную руку.

Девочка пронзительно вскрикнула, подаввшись назад, наткнулась на монаха и, отчаянно крича, забилась в его руках.

— Нет!.. Нет!

— Ты. — Колдун шагнул к ней и заговорил громко, с подъемом, уверенный в себе и своей силе: — Ты, презренное и никчемное существо, которому от рождения уготована судьба пребывать в невежестве и ничтожности и которому дар жизни дан впустую. Ты, жалкая маленькая тварь, волею случая удостоилась невиданного и незаслуженного тобой счастья — открыть врата Торку.

— Нет, не надо!

В ужасе я вспомнил рассказы местных жителей о пропавших без вести детях.

Колдун схватил девочку за волосы, мягкие и пушистые, и приблизил свои глаза к ее лицу. Она замерла, не в силах отвести взгляд. И тогда колдун вытащил из складок своего балахона небольшой, с тонким лезвием нож и одним умелым ударом рассек ребенку горло...

Что я должен был сделать? Сбросить оковы с души и тела? О Господи, это было еще возможно. Кинуться вперед, вырвать у колдуна нож и прирезать его самого, а затем заколоть Мудрых, прежде чем в спину мне вонзится страшная алебарда? Ну что ж, порой смерть лучше, чем ощущение беспомощности и бесчестия. Я бы честно погиб, перечеркнув этим все, что пришлось мне пережить, чтобы попасть сюда. Но я не выполнил бы главного, ради чего пришел в этот зал. Изменить главное было уже не в моих силах, и самое лучшее, что я мог сделать, это не делать ничего. Даже в той зыбкости и скованности, охватившей мою душу, где-то в ее глубине плескались бессильная ярость и отчаяние, ибо, клянусь, за все годы странствий и испытаний я не видел ничего более подлого, чем это. Еще тело во мне отвращение к себе за то, что мне довелось стать свидетелем такого зрелища. Есть нечто, чего человеку видеть не должно, если он хочет оставаться человеком.

Потом у меня мелькнула мысль и надежда — Боже, как я сам противен себе за это! — что этот ритуал всего лишь экзамен. Останусь ли я равнодушен при виде смерти ребенка, действительно ли я на стороне Тьмы? А никакого Торка на самом деле нет.

Но мысль эта была глупа, и она продержалась в моей голове недолго. Колдун поднял с пола покрытую кабалистическими знаками чашу — она была тяжела, и он с трудом держал ее. Когда Орзак разогнулся, чаша была полна крови ребенка. Колдун лизнул кровь, по его телу пробежала сладострастная дрожь, и он забормотал какие-то слова. Я их не понял, но они будто несли в себе нестерпимый жар. Сделав три

неверных шага, Орзак упал на колени и медленно вылил кровь на Цинкург. Я видел, что кровь не стекала по гладкой поверхности, а впитывалась в камень, словно вода в песок, и по мере этого Цинкург все сильнее пытал отвратительным, режущим глаза светом.

Колдун молчал, в зале повисла мертвая тишина. Я не слышал даже биения собственного сердца, мне казалось, что оно остановилось, а внутренности мои наполнились желтым призрачным маревом, засасывающим меня.

И в этой вязкой тишине прозвучал сдавленный то ли хрип, то ли рычание Орзака:

— Он пришел!

Колдун мог и не говорить этого. Даже самому непробиваемому и толстокожему чурбану стало бы понятно: в этот мир пришло Чудовище. Нет, у него не было горящих глаз и разинутой, усеянной острыми клыками пасти, не было видно когтей-кинжалов, готовых растерзать жертву. Его вообще не было видно. Но его присутствие ощущалось так же явственно, как если бы оно переливалось сейчас всеми красками или источало смрад. Я не люблю лягушек и не переношу змей. И не столько из-за опасного яда. Просто в них есть что-то противное природе человеческой, что-то скользкое, неприятное, холодное. Бывает, в лесу рукой случайно коснешься змеи. Если это чувство мысленно увёличить в тысячу раз, можно будет получить слабое представление о том, какие ощущения владели мной. Но нет таких слов, которые могли бы выразить их глубину.

Ужас овладел всеми. Несмотря на то что здесь собирались лишь самые преданные слуги сатаны, я был уверен, что и им гость вряд ли пришелся по нутру. Прошло некоторое время, и постороннему наблюдателю могло бы показаться, что ничего не происходит.

Между тем давление, обрушившееся на меня, едва я перешагнул порог зала, росло с каждым мигом, равно как становились все выше волны всепроникающего отвращения, которые грозили свести мой разум в пучину безумия и хаоса, откуда не будет возврата. Предметы вокруг теряли знакомые контуры, мир становился все более неопределенным и размытым, и мое сознание с трудом находило, за что зацепиться, чтобы удержаться на грани разума.

Я напряг то, что оставалось от моей некогда не-сгибающейся воли, голова просветлела, и я воззвал к Богу, читая про себя «Отче наш», взывая о помощи. Но место сие надежно скрыто под покровом Тьмы, которая простерла свои крыла над этой обителью зла. Нет сюда доступа Богу, а значит, нет мне спасения.

На грани безумия я держался из последних сил. Каждая минута дорого стоила мне, но я терпел. И зажглась во мне надежда: а может, все же выдержу. Торк — порождение дикого кошмара, ты создан людским невежеством и глупостью, ты должен отступить перед человеческим разумом. И надежда крепла, переходила в уверенность — выдержу!

Но тщетные надежды недолго согревали меня. Вскоре стало ясно: все происходящее лишь прелюдия перед приходом Торка. Самое главное впереди. И тут я увидел его собственными глазами.

Бесформенный косматый желтый мрак рядом с Цинкургом — это и есть Торк. Он только что перешагнул порог вещественного мира, был еще сонлив, медлителен, но быстро набирался сил. Его злоба и энергия, столько лет дремавшие, как и положено богам умерших религий, теперь вливались в нашу Вселенную, точнее, в этот монастырский зал.

Торк пришел сегодня неспроста... Он пришел за добычей. Он пришел за мной.

Медленно, с усилием Торк разомкнул очи и начал обшаривать ими зал. От этого взора не скрыться, не

спрятаться. В сердце мое вошла ледяная игла — взор Чудовища остановился на мне. Я попал в ловушку, и капкан захлопнулся. Самое худшее то, что после смерти мой разум, моя душа попадут в надежные цепи, станут игрушкой, вещью, забавой кровавого бога, пришедшего из глубин мрачного прошлого. И кто знает, через сколько лет мне удастся порвать эти цепи и освободиться.

Я не знаю, видел ли кто-нибудь еще, как от косматого сгустка желтого тумана отделился клубок и пополз в мою сторону... Сначала медленно, неуверенно, но с каждой секундой все быстрее.

Если бы в этот миг я решил бросить все, бежать, скрыться, все равно было бы уже поздно, время для этого безвозвратно утрачено. Еще минуту назад, хоть с трудом, но я смог бы овладеть собой, заставить себя двигаться, но теперь это оказалось совершенно невозможным. Тело стало чугунным, мой разум окаменел. Я не мог моргнуть, двинуть пальцем. Я мог лишь немигающим взором смотреть, как приближается ко мне Торк. Я был гол, беззащитен, обречен.

Будто для того чтобы усилить мои муки, Чудовище надвигалось неторопливо, уверенно. Торк очнулся окончательно и успел пообыкнуться в новом месте. Ему надоело возвращаться обратно без добычи. Теперь он знал, что нашел то, что искал. На этот раз он пробудился не зря и вернется с жертвой. Как когда-то, тысячи лет назад, когда он был хозяином огромного народа, не жалевшего для него крови.

Желтый туман коснулся моих ног, и все тело пронзила боль. Противоречивое ощущение — будто меня одновременно кинули в снег и положили на сковороду. Легко преодолев сопротивление, Чудовище вошло в меня. Что это было, какими словами выразить то, что я узнал о нем? Зло? Ненависть? Нет. Безмерное равнодушие, презрение и пустота — бесконечная черная пустота, гораздо более страшная, чем ярость



и безумие диких страстей. Эта пустота и была причиной бесконечной безысходности и отвращения, вспыхнувших во мне. Нет, описать сие невозможно, это можно лишь ощутить самому. Но только не родилось пока на свете таких врагов, которым я мог бы пожелать этого.

Еще миг — и косматая желтая Тьма поглотила меня, овладела всем моим существом без остатка. Невесомая, неощущимая материя, бездонная пустота, куда уходили мое тепло, моя жизнь.

Я мог четко и ясно видеть, что происходит в зале. Братья поворачивались ко мне, пялились на меня. Они видели, что Чудовище схватило меня. Настоятель взирал на меня с равнодушием, чем-то схожим с равнодушием и бесстрастием Торка. Итальянец — с искренним, почти детским любопытством. Лагут — со злорадством и торжеством. Он сладострастно желал увидеть мои муки и мою смерть. Все трое Мудрых были бы довольны таким исходом. Должен был умереть тот, кто бросил им вызов, кто возымел наглость прийти к ним, иерархам орденам, и требовать что-то. Теперь все кончено. Теперь понятно, что душа Магистра Хаункаса не принадлежит безраздельно Тьме и что Торк уйдет ублаженный.

Жизнь покидала меня. Так из пробитой фляги в пустыне истекает последняя капля, и путник понимает, что это означает конец. Душа моя начала отделяться от тела, окружающее я видел теперь четче и острее, словно через хитроумные оптические приборы. Меня всасывало в эту бесконечную в пространстве и нескончаемую во времени бездну. Еще немного — и возврата не будет. Я напрягся, собрал все, что во мне еще оставалось, — надежды, желания, страсти, то доброе и хорошее, что обрел я за годы жизненных странствий, все, что дал мне на трудной дороге Господь, понимая, что это последний шанс что-то изменить. И... удивленный Торк отступил. Но всего лишь

на шаг и лишь для того, чтобы кинуться на меня с удвоенной жадностью.

Я устал сопротивляться, мне уже не хотелось противиться воле, которая неизмеримо выше моей. Мне оставалось лишь подчиниться.

— Человек, ты мой! — подобно грому зазвучал во мне раскатистый голос.

Все, я погиб...

В последний миг, когда я уже почти сдался Чудовищу, из глубины моей души начало подниматься Нечто. Оно не принадлежало мне, я никогда не испытывал ничего подобного. Во мне будто бы разгорался пожар, неумолимо и быстро, как в сухом лесу, захватывая новые и новые территории. Торк, ошеломленный и озадаченный, немного ослабил хватку, потом еще чуть-чуть. Он упускал меня. Упускал на самом пороге своего дома, после того как уже произнес роковые слова.

Все, я мог двигаться, я жил! Я был свободен и от Чудовища, и от наваждений. Мир вновь стал ясным и понятным, как мои мысли. И первое, что я сделал, это заслонился от яркого желтого света, бушевавшего вокруг.

Этот свет вихрем пронесся по залу, он был вещественен, он гасил факелы и кружился вокруг теряющихся разум людей. Послышался первый крик боли, затем второй, и вот уже воздух наполнился режущими слух воплями и стонами. Монахи корчились на полу, рвали на себе одежды, впивались в свои руки зубами, пытаясь уйти от больших мучений, но не думаю, что это кому-нибудь удалось. Карвен стоял на коленях и колотил ладонью об пол. Долкмен, схватившись за горло, ругался хрипло и горячо, турок тер глаза и скулил. Это был ад!

Все переменилось в один миг. И теперь победителем был я! Теперь я взирал на их муки и боль, теперь они стояли на краю бездны.

И среди стона и воплей, среди боли и страдания послышался мой смех. В жизни я не смеялся так зловеще, распираемый сознанием собственного превосходства. Мне действительно было легко и смешно. Сегодня я оказался сильнее всех. Сегодня, в который уже раз, победителем вышел Магистр Хаункас. Нет, конечно же, не Хаункас, а лекарь Фриц Эрлих!

Вихрь собрался вокруг камня, сгустился стал блекнуть и вошел в него.

Чудовище ушло. Ярость его из-за упущеной добычи была велика. Хотя и металось оно по Залу Камня не более минуты, можно только гадать, что пришлось испытать его жертвам. А жертвы эти, не веря, что все прошло, поднимались с земли, осматривали себя, терли царапины и ушибы, причиненные ими самим себе.

Карвен встал, отряхнул плащ и крикнул слугам:

— Все вон отсюда. И прихватите этот кусок мяса!

Монахи, с трудом передвигая ноги, удалились, волоча за собой труп девочки. Остались лишь Мудрые, которые окончательно пришли в себя и напялили привычные маски, сорванные на миг огненным желтым вихрем.

— Нам есть о чем поговорить, брат Хаункас...

— Вы чем-то обеспокоены, братья? — насмешливо приподнял я бровь. — По-моему, все получилось очень занимательно. Не правда ли, брат Лагут?

Лагут вытер сощающуюся из носа кровь. Лицо он разбил, когда бился головой об пол. Он устало, но с вызовом просипел:

— Магистр, ты несешь разрушение ордену. Я чувствую, что ты не наш и Тьма не принимает тебя.

— Будь сдержан, брат, — приподнял ладонь настоящий, и мне стало ясно, что их сомнения и неприязнь имеют один источник. Скорее всего, брат Карвен и брат Лагут делились своими подозрениями друг с другом.

— Такого не было никогда, — произнес, криво улыбаясь, итальянец. — Никогда Торк за всю историю не был так разъярен и не творил ничего подобного.

— Неужели непонятно вам, чьи ошибки, в которых вы все более утверждаетесь, дадут право идущим вслед за вами назвать вас глупцами? — гнул свою линию турок. — Неужели непонятно вам, что разум ваш затуманен этим носителем коварства и хитрости? Неужели не видите вы, в чьих руках оставляете судьбы мира? Хаункас — иной! Он должен умереть!

— Умереть? Ну что же, брат Лагут, попробуй убить меня. Меня, Магистра Хаункаса, владельца и носителя жезла Зари, сила коего служит, по-моему, хорошей защитой.

— Эх, Магистр, я, конечно, неплохо отношусь к тебе. Итальянцы вообще неплохо относятся к людям, которые не залезли в их карман и не изнасиловали их сестру. И конечно же, негоже мне желать тебе смерти. Но когда мы укрепимся в мысли, что ты несешь вред ордену, будет брошен жребий, и тот, кто вытянет его, заплатит своей жизнью за твою.

— Ты тоже нравишься мне, брат Долкмен. Тем, что откровенен, что предупредил меня, и теперь я знаю, чего мне ждать от вас, мудрейших из Мудрых. Но мне непонятен этот запутанный разговор. Вы испытали меня, и я выдержал это испытание. Именно вы, а не я каталась по полу в виде, не приличествующем людям воспитанным и уважающим свое достоинство. Я же был спокоен и полон сил.

— Именно это и странно, брат мой. Торк будто испугался тебя и в ярости своей набросился на нас.

— А может, именно во мне он увидел истинную преданность, ощутил подлинного носителя Тьмы? Вы же, Мудрые, как бы ни превозносили себя на словах и в мыслях своих, полны колебаний и обычных человеческих слабостей.

— Торк действительно испугался тебя. — Карвен говорил сам с собой и смотрел куда-то в пол. — Белая сила? Вряд ли. Ей путь сюда заказан, здесь самые сильные ее чары, великое белое колдовство бессильны. Жезл? Нет, он могуч против нас, смертных, а на Торка он не подействовал бы. Третья, указанная в древних книгах, сила? Сила, о которой мы ничего не знаем, и даже не представляем, в чем она выражается?..

— Ты уже говорил об этом вчера, Карвен. Это не лучшая из мыслей, которые посещали тебя.

— Третья сила?.. Кто знает... Ну а если нет. Тогда остается одно — Кармагор!

— Кармагор? Нет, — хмыкнул итальянец, пожав плечами. — Хаункас вряд ли способен на нечто подобное.

— Глупости, Карвен! Кто угодно, но не этот безумец! Не этот шакал. Я больше готов поверить, что на такое способен кто-то из Белого Ордена.

— Кровавый Торк не тронул его...

— Я не понимаю, о чем сей жаркий спор. Кто такой Кармагор и при чем здесь я?

— Тебе вообще не должно знать этого, брат Хаункас. Ты ведь не прошел через первые ворота, и ты пока что не один из нас. Так что умерь свое любопытство и гордыню.

— Тогда, братья, я вообще не пойму, к чему столь тягучий и бесцельный разговор.

— Как, ты не понял? Это с твоим-то умом, брат. — Турук прищурился и улыбнулся, а улыбка на его жирном, мясистом лице производила удручающее впечатление и напоминала больше оскал гиены, да и зубы у него были острые, как у хищного зверя. — Мы здесь решаем твою судьбу.

— Это стало вашим любимым развлечением.

— Мы решаем твою судьбу, Магистр. И я выбираю смерть. Несмотря на то что жребий может выпасть мне.

— Ты слишком суров, брат Лагут, — вмешался Долкмен. — Твоими устами говорит лишь злость — чувство, несомненно, достойное, но бесполезное, если оно не подкреплено разумом.

— Вы распоряжаетесь тем, чем распоряжаться не вправе, Мудрые! Моя жизнь принадлежит Властелину, только он волен лишить меня ее. Вы же ничего не сможете!

На меня накатила ярость, мне захотелось биться в открытую и в честном поединке одолеть их всех. Мне хотелось покончить с ними, ощутить свою силу, как ощутил я ее только что в поединке с Торком. Меня жгла злость, которой мог бы позавидовать и сам Магистр Хаункас. Я шел по лезвию ножа, но только самоуверенность и бесстрашие могли мне помочь. Мудрые должны были увидеть во мне Зло. И я надеялся, что они увидели его, поскольку тогда оно на самом деле жило во мне.

— Я согласен с Карвеном, — кивнул Долкмен, махнув рукой. — За смерть Хаункаса должна быть заплачена слишком большая цена. Как купец, я пока что не вижу такой выгоды, которая последует за ее вложением. Ведь все-таки Торк не взял его в свою бездну. Торк принял его если не равным, то достойным. А может, мысль о Кармагоре не столь глупа? Как бы тебе это понравилось, мой восточный брат? Торк подтвердил: Хаункас достоин того, чтобы пройти испытание. Первые врата ждут его. В ночь Черной Луны все наконец-то встанет на свои места.

— О, я счастлив! Мудрые подарили мне жизни! Только не ждите, что я стану ползать на коленях и лобызать прах у ваших ног. Хаункас никогда ничего не требовал для себя. Он всегда был посвящен Тьме. И не следует мешать ему служить делу Люцифера.

— И опять последнее слово осталось за ним. Ты умеешь держаться, брат!

— Как я понял, второй суд закончен. — Я отстегнул брошь и сбросил на пол уже ненужный плащ.

— О третьем ты просто ничего не узнаешь, — пробурчал себе под нос Лагут.

До ночи Черной Луны оставалось еще немало времени, на ход событий теперь я мог влиять в очень незначительной степени, но надеялся, что брошенное мной семя даст хорошие всходы. На меня перестали обращать внимание. Мудрые не стремились увидеть меня, должно быть, у них были дела поважнее. Я оказался перед необходимостью занять себя чем-то полезным и интересным. Тут никаких проблем у меня не возникало. Я получил доступ в хранилище знаний. Нездоровое, болезненное любопытство, желание узнать как можно больше, проникнуть разумом туда, куда, видимо, порядочному христианину проникать не стоит, разгорались во мне с каждым новым днем. И каждое утро, после обильной трапезы, в сопровождении хранителя сокровищницы я брел по подземным лабиринтам, запутанным и мрачным, в которых я сам бы никогда не нашел дорогу, и потом долго донимал хранителя вопросами, листая книги, пытаясь найти схожесть между живыми и мертвыми языками.

Несколько портил настроение тот, кто был хранителем. А был им не кто иной, как колдун Орзак. Именно он принес во время обряда в жертву невинного ребенка. Стоит ли говорить, как отвратителен он мне был, с каким удовольствием я заставил бы его заплатить за злодеяние, а оно я уверен, было лишь каплей из моря зла, которое он выплеснул в мир за свою долгую жизнь. Маска презрения, жестокости и неуемной гордыни, которую я нацепил на себя и которая была лицом истинного Хаункаса, вполне подходила для общения с этим человекозверем. И я не упускал удобного случая уколоть его, поставить в неловкое положение, унизить, чтобы хоть как-то отыграться за то чувство стыда и собственного бессилия, когда на моих глазах убивали девочку. Разумеется, важно было не перегнуть палку, ибо не думаю, что

колдун испытывал ко мне добрые чувства, а любого человека можно довести до того, что он станет способным на самое худшее.

Моя неприязнь к Орзаку все же не могла заслонить того, что он был истинным колдуном и мудрецом, чья память хранила неисчислимые знания. Слушать его было не только поучительно, но и просто интересно. Начиная сухо объяснять смысл давно забытой мудрости, он был насторожен, ждал подвоха, но потом увлекался, забывал обо всем, и тогда речь его текла плавно и красиво, а я словно растворялся в его словах.

Сам Орзак был потомственным колдуном, из тех, чья сила передается по наследству. Все его родные кончили плохо. Пррапрадеда сожгли на костре святой инквизиции за связь с дьяволом. Прабабку спалили в родном доме односельчане за то, что от ее колдовства якобы не неслись куры и она вроде бы летала на метле. А деда, известного алхимика при дворе французского короля, отравили за нерадивость и неспособность раскрыть тайну философского камня. Мать Орзака повесилась на церковной колокольне прямо в центре начерченной мелом пентаграммы, и на лице ее было счастливое выражение: скорее всего, перед смертью ей удалось-таки увидеть самого Люцифера и войти с ним в греховную связь...

Орзак часами говорил о вещах, которые не укладывались в голове. Об атлантах, гордом и могучем народе, однажды преступившем через грань, об истории земель и держав после потопа. О том, что наша Земля уже миллиарды лет вращается вокруг Солнца. О циклах гибели и возрождения вселенского духа. О тайнах полетов птиц и о звездных отметинах. О миллиардах миров, разбросанных по Вселенной. А однажды он вынул дощечку, обернутую в тонкую, но прочную бумагу.

— Хочешь увидеть того, кого можно причислить к самым великим нашим врагам?

— Хочу. И кто же он?

— Вот. — Орзак развернул дощечку. На ней был портрет, весьма искусно сделанный в незапамятные времена, — краски потрескались, дерево местами рассохлось. Но все равно лицо человека на нем было как живое. Обычное лицо — ни красивое, ни уродливое. Длинные волосы, борода, черные брови. Но вот глаза — ясные и грустные, наполненные светом и добротой, глаза того, кого не оставляет безучастным ничья боль на земле. — Вот он, плотник из Назарета, плод греха простодушной Марии и римского легионера — красавца и бабника. Кто, как не Назаретянин, предотвратил приход Тьмы тогда, когда казалось, никто и ничто не в силах помешать этому. — В голосе Орзака нарастила злость. — Кто виноват, что борьба затянулась еще на два тысячелетия и что мир таков, каков он есть, а не такой, каким должен был быть по замыслу Властителя Тьмы. Я ненавижу тебя, сын Марии!

— Полнο, брат Орзак. К чему столь горячие изъявления своих чувств? Уверяю тебя, его мало трогает твоя ненависть. Иисус. Мессия. Не думал, что мне доведется увидеть его, врага Люцифера, истинный лик...

Я оставался спокоен и безучастен внешне, лишь придал своему лицу выражение праздного любопытства. Но на самом деле мне хотелось зарыдать и умыться счастливыми слезами. Я увидел истинный лик Спасителя. Именно таков был он, когда пришел в этот мир, чтобы удержать его на краю пропасти. Я всматривался в черты незнакомого и вместе с тем такого родного лица, и мне хотелось, чтобы этот облик не тускнел в моей памяти до смертного одра. Что бы ни случилось со мной впоследствии, но, ради одного этого мига, ради того, чтобы бросить взор на этот портрет, стоило проникнуть в цитадель Тьмы. И даже ненависть Орзака к Спасителю радowała. Самая

темная душа боится имени Христа, ибо знает, что не только во зле и жестокости власть, но в добре и прощении...

А между тем в монастыре с каждым днем становилось все беспокойнее. Близился заветный час, появлялись какие-то новые люди. Почти физически ощущалось, как растет напряжение и нервозность ожидания.

Я уже начал привыкать к тому, что Мудрые не удостаивают меня своим обществом, но во мне нарастала тревога: а что, если первая часть плана не сработала? Тогда трудности мои возрастут неизмеримо, а возможности были невелики. Я знал, что каждый мой неверный шаг, невпопад брошенное слово тут же вызовут подозрение.

Солнце только что закатилось за лес. Вернувшись из библиотеки, я стоял у окна и обозревал прекрасный пейзаж, радовавший в этот вечерний час обилием и необычностью красок, вызывавший в душе отголоски романтических чувств и настроений. Тут дверь в комнату отворилась. Я резко обернулся, хватаясь за кинжал, с которым предпочитал не расставаться ни на секунду.

Весь проход заслонила массивная фигура Долкмена Веселого. Он стоял набычясь, держась пальцами за рукоять пистоля, торчавшего у него из-за пояса. Может быть, мелькнуло у меня в голове, Черный Образ действительно у него, и он решился наконец разделаться со мной?

— О Магистр, ты, по-моему, не любишь приподнявшихся гостей, — в своей обычной манере добродушно расхохотался Мудрый, и исходящая от него угроза рассеялась. Я понял, что это представление рассчитано на то, чтобы немножко досадить мне и выставить зайцем, боящимся собственной тени.

— Ты неосторожен, брат мой. Я не люблю шорохи и неожиданные появления за спиной. Ведь их можно неверно истолковать, а от броска моего ножа мало

кому удалось уйти живым. О, конечно же, Мудрый, потом я буду очень раскаиваться. Но это будет потом.

— Ты чересчур серьеzen, Магистр, ха-ха-ха! Во всем видишь какие-то козни. Ждешь чего-то плохого даже от друзей и старших иерархов.

— Каждый из которых мечтает о моей погибели, не так ли, Долкмен?

— Конечно же, не так, доблестный Магистр Хаункас. Посмотри, у меня ровные красивые зубы, хотя мне уже немало лет. И все же я не лишился ни одного из них. Видимо, потому, что не имею дурной привычки попусту скрежетать зубами. Да и Карвен вряд ли подвержен горячим порывам, он делает лишь то, что велят ему его разум и великое предназначение, ради которого он и пришел в подлунный мир. Эх, брат мой, для Мудрого важно лишь служение, а тебя гложет неуемное честолюбие. Камень может не принять тебя!

Смешно, но он обвинял меня примерно в том же, в чем я недавно обвинял Мудрых, — в приверженности к человеческим слабостям. Но он ошибался. Меня занимала лишь одна мысль о необходимости нанести сокрушительный удар в самое сердце Тьмы.

— Камень не может не принять меня. И вам придется смириться с тем, что в час Черной Луны явится свету новый Мудрый. И даже ваша всеобщая нелюбовь, я не склонен к более грубым выражениям, хотя они и уместны, ничего не сможет изменить.

— Эх, Магистр, я не устаю снова и снова повторять, что ты мне нравишься. Я тебя ценю и в знак этого предлагаю сыграть партию в варварскую, пришедшую из далекой Индии игру, именуемую шахматами. Надеюсь, ты владеешь искусством игры в нее?

— Несомненно. Хоть «кости» мне и ближе.

Долкмен жил в небольшой комнате, почти пустой, не считая кровати, двух стульев и низкого столика с шахматами, сделанными из слоновой кости, скорее всего восточными умельцами.

— Присаживайся, брат. Я вижу, тебя смущает скромность моего жилища. Я не люблю просторных, с лишней мебелью, комнат. В них слишком много углов, где может приютиться ночной кошмар.

Я когда-то слыл неплохим игроком, немало сил и времени отдал этому увлечению. Перебрасываясь с противником легковесными, ничего не значащими фразами, я довольно быстро развел атаку, пожертвовав одним слоном и очень удачно использовав второго вместе с ладьей. Эту партию я завершил блестящим прорывом и матом. Я был вполне удовлетворен, поскольку играл неплохо, а вряд ли найдется человек, которому сознание собственного превосходства, даже и в такой малости, как шахматная игра, не доставило бы вполне законной радости. Хотя меня всегда больше интересовала сама игра, а не ее результат.

Мудрый начал расставлять фигуры для новой партии.

— Похоже, партия не будет очень увлекательной. Ты слишком искусен в игре, брат, и вряд ли я смогу быть тебе достойным противником...

Я двинул вперед пешку от коня, разыгрывая сложную, мало кому известную комбинацию. Зная о своем превосходстве, я намерен был насладиться неторопливым выигрышем.

— А зачем тебе быть Мудрым, Хаункас?

— Чтобы быть им.

— Ощущение власти, рвущейся наружу неуемной энергии и силы? Это то, что делает наш путь привлекательным. Такая сила, такая буйная, как ураган, энергия, бросающая к твоим ногам весь мир, есть только у нашего божества. Именно сила, а не зло, как это представляют невежественные и презренные люди. Эта сила и есть истинное наслаждение, истинный смысл существования. А еще — насколько употельно держать в своих руках нити, властвовать над сутью того, что движет историю! Это прекрасно, Хаункас, но... вряд ли тебе удастся насладиться всем

этим. Ведь ты свалился сюда как снег на голову. И не как проситель. Ты пришел требовать.

— А чья это заповедь, как не хозяина душ наших, — требовать, но не просить? Брать, но не отдавать! И козыри пока что в моих руках.

— Так-то оно так. — Долкмен двинул вперед ферзя и сделал мне шах, а когда я заслонил короля пешкой, двинул вперед слона, в результате чего моя тщательно спланированная атака захлебнулась. — Надолго ли? Взваливший на плечи большой груз должен понимать, что не сможет нести его далеко. И чем больше груз, тем короче путь.

— Пока я не чувствую тяжести.

— Так ли это? — Моему королю вновь был объявлен шах. — Ты вызвал слишком большой гнев. Ты уронил Мудрых в их собственных глазах, а это вряд ли простительно. Они хотят видеть тебя мертвым. И не принимай близко к сердцу слова о жребии. Силу жезла можно обойти хитростью, ты запутаешься и погибнешь, а виноватых в твоей смерти не будет, и удар Жезла Зари уйдет в пустоту, не причинив никому существенного вреда. Четвертый Мудрый все-таки лишний.

— Ничья?

— Пожалуй, так. — Он расставил фигуры еще для одной партии и сделал первый ход от ферзя, навязывая с самого начала жесткую игру.

— Так вот, брат мой, для управления Камнем Золотой Звезды вполне достаточно троих.

— Достаточно и одного, — зло усмехнулся я.

— Достаточно, но одному придется нелегко. Камень ведь тоже нелегкая ноша. — Он двинул вперед ладью.

— Кто знает, что легче — нести ее одному или с братьями, от которых можно ждать удара в спину. Может, это вы, Мудрые, здесь лишние? Ха, Долкмен, я вижу, ты озабочен. Я шучу. Это обычная шутка.

— А я-то не шучу с тобой. Брат мой, мне хотелось бы быть твоим искренним другом. Для двоих эта ноша вполне по силам. — Он теперь двигал фигуры, почти не задумываясь, и начал теснить меня. — Не я твой враг, Магистр.

— Уж не Лагут ли? — Я двинул вперед пешку, но это не помогло. Белые фигуры начали врубаться в мои боевые порядки, грозя опустошением.

— Лагут — дешевый интриган, его мозги давно заплыли жиром. Он хоть и несет высокое звание, на деле непроходимо туп! — Неприкрытое раздражение ощущалось в этих словах, видимо, счеты у них были давние и серьезные. — Нет, брат, твой враг Карвен — старый и хитрый лис. Я уж и не помню, удавалось ли когда-нибудь обвести его вокруг пальца. Ты ошибаешься, если считаешь, что он хоть на толику проникся к тебе доверием.

— К чему ты клонишь? Что ты мне предлагаешь?

— Магистр Хаункас умеет овладевать обстоятельствами и способен разрубать гордиевы узлы, а это могут немногие. Ты много знаешь, у тебя ловкие руки и обширный опыт в применении ядов и других видов устранения противников. Что предлагаю тебе я? В будущем — дружбу. А сегодня — мои закрытые глаза, мои заткнутые уши.

Я молча склонился над доской. Белые уже изничтожили значительную часть моих фигур, и я раздумывал, как бы свести партию хотя бы на ничью.

— И где же может пленник взять яд в этом монастыре?

— Вот. — Долкмен вынул небольшой, из плотной материи и кожи мешочек, в которых обычно перевозится перец и дорогие пряности. Внутри был белый порошок. — Не зевай, брат Хаункас, тебе шах.

Молниеносная атака белых. Мои фигуры слетали одна за другой, а я делал ошибку за ошибкой. И не потому, что мысли мои были заняты другим. К удивлению своему, я понял, что Долкмен играет просто

блестяще, гораздо лучше меня. Проигранная им первая и ничейная вторая партии всего лишь развлеченье, подобное тому, как забавляется кот с мышкой.

— Еще три хода — и я отдал короля.

— Ты хорошо играешь, брат Долкмен.

— Вот именно. И хорошим игрокам лучше играть вместе.

— Я подумаю.

Из соседней комнаты, в которой располагалась охрана, донесся шум, спор. Потом дверь отворилась и появился взволнованный монах в сопровождении похожего на медведя здоровенного итальянца — старшего из телохранителей Долкмена.

— Прибыл гонец! В Зале Камня Золотой Звезды ждут тебя, Мудрый. И тебя, Магистр.

— Прибыл гонец... Все сдвинулось с места. Тьма наступает. Пошли, Хаункас, пора и тебе заняться делом.

В Зале Камня стояли четыре похожих на троны стула. На двух из них восседали Карвен и турок. Рядом приткнулся на корточках горбун. Я с удовлетворением подумал, что четвертый стул для меня. Значит, Хаункас снова в почете.

— Зовите! — приказал настоятель.

Гонец оказался высоким, бородатым, смуглым красавцем с ровными жемчужными зубами. Портили его лицо только толстые губы. Уголки рта этого человека были насмешливо приподняты. За такими мужчинами водится слава искусителей и сердцеедов, и редкая дама может устоять перед их обаянием. Одет он был как дворянин — в богатый походный костюм, несколько поистрепавшийся в пути. Он упал на одно колено и в почтении склонил голову перед Мудрыми.

— Говори, слуга Тьмы.

— Там, откуда я прибыл, дети Тьмы готовы к долгожданному часу. Мы могучи, как никогда, и ждем лишь знака Мудрых, чтобы направить Острие Иглы в сердце Дуги.

— Наше слово будет дано тебе в назначенный миг. Ты получишь его и силу, способную сокрушить все на своем пути, и пламя, пред которым не будет преград.

Карвен встал и положил руку гонцу на плечо, шепча что-то себе под нос.

Появились монахи с факелами, и в зале, освещенном до этого всего лишь тремя небольшими свечами, стало почти светло.

— Теперь встань, слуга Тьмы, и да пребудет с тобой благость Его, данная тебе мной.

Гонец встал, гордо выпрямился, обвел нас прищуренными глазами. И тут он побледнел, его рот приоткрылся. Он хотел что-то сказать, но лишь закусил губу.

Доводилось ли мне встречаться с этим человеком ранее? Я не мог этого вспомнить. Сколько людей пришлось мне увидеть, а сколько видело меня — ни одна память не удержит этого. Но я готов был поклясться, что бледность и странный вид гонца объяснялись одним: он узнал меня...

Немой горбун съежился в углу, бросая быстрые взгляды по сторонам, и, когда он смотрел на Карвена, в глазах его были преданность и любовь. Он походил сейчас на хорошую сторожевую собаку, готовую умереть ради хозяина. Потрескивали поленья в очаге. Хоть на улице и не холодно, но настоятелю нравились жарко натопленные помещения. Может, он хотел согреть свою холодную, я бы не удивился, если не красную, а какую-нибудь синюю кровь. Перед ним на столе стоял кубок теплого вина. Вряд ли Карвен большой любитель выпивки. Ведь любовь, даже к крепкому напитку, подразумевает какие-то чувства и, конечно, не ледянную, а горячую кровь и веселый нрав. Что же касается меня, я всегда был за то, чтобы побаловатьсь крепким зельем.

— Близится ночь Черной Луны. Готов ли ты к ней, брат Хаункас?

— А почему нет, Карвен?

— Как и тогда, пред лицом Торка, мне хочется знать лишь одно.

— Что же?

— Кто ты есть на самом деле?

У меня все оборвалось внутри. Худшее, что я ожидал, кажется пришло. Гонец. Неужели он? Конечно, он все-таки вспомнил меня. Россия, Франция, Египет — где же нам довелось встретиться с ним? Не помню. А раз так, значит, не знаю, откуда мне ждать удара, как предотвратить его. Если Мудрые узнают, что я не тот, за кого себя выдаю, то... Может, в вине яд? Жезл? Но они же дали понять, что готовы заплатить смертью за смерть. Они не выпустят меня живым. Яд... У вина какой-то странный привкус, и как я сразу не заметил этого. И как я не насторожился — с чего это Карвену поить меня вином? Не из радушия же. Вот и голова начинает кружиться. Нет, пока не начинает, но все равно как-то не по себе...

«Стой! — оборвал я себя. — Ты все придумываешь сам, пытаясь убедить себя в реальности своего страха. Если и был яд, то что же — это всего лишь легкая смерть. Это просто подарок милосердного настоящего, ибо легкая смерть — редкость в этих стенах...»

— Твои тревоги вряд ли уместны, — усмехнулся я, не отводя глаз. — В конце концов это может наскучить. Постоянное недоверие так же утомительно и неинтересно, а скорее, просто глупо, как и излишняя доверчивость.

— Доверчивость? Ох, Магистр, смысл этого слова незнаком мне. Лишь когда ты войдешь в первые врата, когда камень примет или не примет тебя, когда станет известно твое истинное имя, — мои сомнения окончательно рассеются. И это будет мигом моей великой радости или глубокого разочарования.

Уф, кажется, грозовая туча миновала! Может, гонец вовсе и не узнал меня. Мало ли какое выражение бывает на лице человека, стоящего перед Мудрыми. У меня видно расшатаны нервы. А кроме того, много ли можно прочесть по лицу настоятеля и будут ли эти выводы верны? Карвен позвал меня просто для того, чтобы своими подозрениями держать в неослабном напряжении и ждать, пока я сорвусь или сделаю неправильный шаг.

— Час Люцифера... Что ты знаешь о нем?

— Не все, но достаточно, чтобы понять его величие.

— Это час, когда астральные силы и течения, невидимые связи, неощущимые пересечения судьбоносных нитей наиболее благоприятны для того, чтобы пришел долгожданный миг и воцарилась Тьма. В наших силах приблизить его наступление. Возможность, как бы велика она ни была, всего лишь возможность, и то, что происходит в высшем мире, надлежит воплотить в ткань дел и явлений здесь, в мире материальном. При этом события, которые приведут к торжеству Люцифера, в глазах непосвященного могут показаться не слишком значительными — умер человек не слишком высокого звания и ранга, не вернулся из странствий корабль, началась небольшая, неважная и ненужная война. Но эти события, подобно камню в горах, запускают такую лавину причин и следствий, которая скажется не только на человеческом обществе, но и на самой природе. И если судьба улыбнется нам, ось мира будет повернута. И вся Земля, вся эта жалкая планета будет у наших ног, ибо он, Великий и Мудрый Властелин Тьмы, снизойдет до того, чтобы прийти в этот недостойный его мир и переустроить его по законам своим. Он придет в сиянии вечного пламени, озаренный мудростью, увенчанный сотканный из мертвого света короной несокрушимости, не будет пред ним преград. Не останется ничего, что сможет помешать ему.

О, что же мне приходится выслушивать! Я знал это и раньше. Знал, что такое час темного божества. Знал, что пока еще можно предотвратить его наступление, если удастся исполнить все, что задумано Адептом.

Речь Карвена, а точнее то, каким тоном она была произнесена, неприятно покоробила меня. Я задумался над тем, как же произойдет воцарение Тьмы, какой порядок установится. От видения всеобщего разрушения и изменения основ мне стало зябко... И вместе с тем в этой картине крушения мира было что-то величественное и красивое, что-то притягательное.

— Но сможет ли орден в проявленном мире справиться с той задачей, которая стоит перед ним?

— Ты имеешь дерзость усомниться в возможностях ордена, Хаункас? Ты же видел гонца. Все готово для нанесения удара. В назначенный срок Острие Иглы войдет в сердце Дуги, и тогда...

— Все так, брат Карвен. Но, как один из Мудрых, ты должен понимать, что в такой миг, особенно, важны единство и взаимная помощь в самом ордене Тьмы, а не вражда и недоверие. О себе говорить как-то не принято, но что я вижу в отношении к Магистру Хаункасу, чья польза для дела очевидна? Недоверие. Мне не веришь даже ты, благочестие и преданность которого делам Тьмы известны всем. Ну а Лагут? Его ненависть ко мне вообще за гранью рассудка и уж, конечно, никак не способствует процветанию общего дела. Но хватит о Хаункасе, не весь свет сошелся на нем. Но семя вражды прорастает и между самими Мудрыми. Что-то происходит, брат Карвен. Я чую запах крови. Кто убил чернокнижника из свиты Лагута? Не первое ли это предупреждение? В этих стенах все пронизано страхом.

— Отрадно, что твои мысли проникнуты тревогой о благе ордена, Хаункас, но боюсь, ты излишне мстителен и подозрителен. Может быть, и не все у нас гладко, но не преувеличивай.

— Я преувеличиваю? Ну...

Я решил уже было забросить удочку. Взять да и передать весь разговор с итальянцем, показать, на что способны ради власти Мудрые. И у меня имелось доказательство — яд. Взять-то его я нигде не мог, поскольку по прибытии в монастырь меня тщательно осмотрели. Оставили только жезл, поскольку он не внушал опасений. Если бы настоятель поверил мне, он разделся бы с итальянцем, а это было бы совсем не плохо. Ну, а если даже разделается, в нем будет тлеть озлобление, которое в нужный момент можно направить в выгодную для меня сторону. Когда я уже открыл рот, чтобы выложить все, меня что-то остановило. Будто в голове моей прозвучал чей-то голос: «Молчи!»

— Что ты еще хотел сказать, Хаункас?

— Все, что я хотел, сказано. Все, что нужно будет сделать, будет сделано. Поддержи меня, брат, и не пожалеешь ни ты, ни Люцифер, который, чувствуя, избрал меня своим орудием.

Я отхлебнул из кубка. Глупости, не было в вине никакого постороннего привкуса. Прекрасен был этот напиток, крепок и приятно туманил голову. Тепло побежало по моим жилам, на душе стало легко. Сегодня я опять избежал смерти. Гонец вроде не опасен. Да, мне везет. До ночи Черной Луны еще восемь дней. Хватит ли моего везения на это время? Да и везение ли то, что происходит со мной? Иногда мне казалось, что кто-то охраняет меня. Кто? Уж не загадочная ли третья сила, о которой все уши прожужжал настоятель.

— Карвен, — начал я, но он приподнял руку, жестом повелевая мне молчать. Он будто весь превратился в слух. Мне тоже показалось, что откуда-то из-за стены доносится едва слышный шум. Карвен сделал знак пальцами — горбун бесшумно скользнул к стене, в которой была большая ниша, и исчез там. Затем донесся стук, и вслед за этим возвратился не-

мой... Он был напуган, мычал и тыкал пальцем в стену.

— Пошли, Магистр. — Настоятель взял подсвечник.

За нишней были какие-то закутки, скрытая система ходов. Пламя свечи металось на сквозняке. Слабый свет выхватил из темноты какой-то бесформенный мешок на полу. Я присмотрелся. Великий Боже! Это было тело с неестественно вывернутой головой.

Горбун дрожал и нервно жестикулировал. Карвен перевернул тело на спину. Лицо убитого искривила гримаса ужаса. Я узнал его. Это был гонец.

— Твоя работа, Робгур?

Горбун испуганно замотал головой. И чего спрашивать? Ясно, что не он. Чтобы свернуть шею такому атлету, нужно быть могучим воином, а не жалким, тщедушным уродцем.

— Кто же убийца?

Горбун пожал плечами, и лицо его стало еще более напуганным.

— Куда он мог деться?

Горбун забарабанил ладонями по стене.

— Этот монастырь, как голландский сыр, изъеден туннелями и потайными ходами, — невозмутимо пояснил настоятель. — Убийца скрылся в одном из них. Непонятно только, зачем было убивать гонца? И что он делал здесь? Похоже, подслушивал наш разговор.

— Снова кровь, Карвен. Предчувствия не обманули меня.

— Так что же все-таки хотел услышать гонец, шпионя за нами?

Что хотел он узнать? На этот вопрос при желании я мог бы ответить. Он следил за мной! Он хотел убедиться, действительно ли я Магистр Хаункас. Лишь бы он не успел поделиться ни с кем своими подозрениями. Кто убил его? Может, в монастыре скрывается мой ангел-хранитель, каждый раз избав-

ляющий меня от нависающей угрозы. Или просто непостижимый некто ведет свою непостижимую игру, и хотел бы я знать, что эта игра сулит мне...

— Откровения Иоанна: «Явится тогда Изменник, которого именуют Антихрист. Вид лица его мрачен, волосы главы его остры, как стрелы, и обликом похож он на лещего. Правое око его как звезда, а другое подобно львиному. Уста его с локоть, зубы в пядь длиною, пальцы как серпы. Три года продлятся те времена. И сотворю три года, как три месяца, три месяца, как три недели, три недели, как три дня...»

Колдун читал эти строки на память, ни разу не запнувшись. Его хриплый голос преображал слова, придавал им новое звучание, и от этого становилось жутковато. Самое неприятное, что не так много времени, возможно, осталось до того дня, когда написанное станет явью.

— А вот что пишет об этом великий пустынник, забытый и презренный церковью. В отличие от иных слуг Христовых, видевших в конце этого мира воцарение царства Света, ему явились видения триумфа грядущей Тьмы. По нему Тьма воцарится до конца времен и не будет, кроме нее, власти на Земле.

«И обрушатся небеса, и Истина уйдет навсегда. И то, что было мерзостным и недостойным, станет вдруг в кривом зеркале Тьмы праведным, а праведное станет мерзким и недостойным. И врагом станет человек человеку, и рождаться будут люди лишь затем, чтобы быть преданными адскому пламени. И не останется более света, и править будет Враг человеческий. И не скроется ни одна душа от очей Его, ибо все будет на виду и не будет ни у кого ни от кого тайны. И поэты и мудрецы будут восславлять его, пьющего кровь. И божественный облик человеческий изменится, и явятся миру чудовища, кои множиться и пожирать будут друг друга в ненависти своей и своих детей пожирать тоже будут. И не будет этому

конца. И скажут последние праведные, грустные от боли за мир Божий: «Пришла Тьма, и не будет во веки веков от нее спасения».

— Ты прекрасный чтец.

— Равно как и ты прекрасный слушатель. Не очень-то привлекательная и довольно грустная картина, не правда ли, Хаункас? И стоит ли торопить приближение такого порядка — вот вопрос, который всегда волновал орден. Особенно тех, кто приходил в него. Ведь как ни почетно быть слугой Тьмы, но никому не хочется быть поджаренным в адском пламени. Правда, Хаункас?

— Правда.

— Но на самом деле и откровения Иоанна, и слова забытого пустынника, и множество других предсказаний на эту тему — не более чем сказки. Они скорее плод фантазии, чем незнания и истинного прозрения. Что будет представлять из себя наша планета, как будет выглядеть человечество, что здесь будет твориться — неизвестно никому. Может, небо и земля поменяются местами. Может, вновь будут уходить в океан континенты. Может, изменится течение времени или все станет с ног на голову. А может быть, не будет никаких наглядных внешних перемен. Ох, если бы знать это! Но тайна скрыта столь глубоко, что проникнуть за ее покров не удавалось никому. Ложь, что у этого мира не будет истины, красоты, очарования и даже морали. Они будут, но иные. Истина будет истиной силы, а не никчемного сострадания. Там каждый займет свое место: могучему будет воздано по могуществу его, а слабому — по слабости его. И это правильно. Это будет Земля, где хозяевами станем мы, и никому не придет в голову оспаривать наше первенство. Мощь, которая высвободится с Его пришествием, войдет в каждого из нас.

— Орзак, но мир ведь и так держится на силе. И слабому у нас отведено место по слабости, а сильному по силе его.

— Ты ошибаешься. Заповеди врага нашего сильны и порой стучатся даже в отданые Тьме души. Досадно мне было взирать на то, как в глазах твоих мелькнуло сострадание к той, что по ничтожеству своему призвана служить лишь материалом, мусором, глиной, на которых возвышается наш дворец. Бойся, Хаункас! Впуская сострадание в сердце, ты открывашь его для врага Тьмы.

Вот отвратный паук! Как же он ухитрился уловить мои истинные чувства. А я был уверен, что никто не сможет прочесть их. Я недооценил его, нужно держать с ним ухо востро. Интересно, что еще не смогло укрыться от его цепкого взора?

— Замолчи, пес! — Я с такой силой ударил кулаком по столу, что блюдо со свечой подскочило, а у черепа чуть не вывалился изо лба драгоценный камень. — Как смеешь ты, потомок осла и сын овцы, произносить такие слова! Тебе недостаточно, что Торк указал на мою избранность? Или тебе не хватает того, что вскоре мне суждено пройти через первые врата?

— Мне недостаточно этого, Хаункас.

— Ты, жалкий деревенский захарп, ярмарочный фокусник, смеешь указывать мне! Мне, Магистру Хаункасу! Ты твердишь, поганое отродье шакала, что помыслы и чувства мои не отданы Тьме!

— Я ошибся, брат.

— Ты ошибся. Не ошибайся впредь, потому что Хаункас не знает, что такое сострадание, его душа закрыта для милосердия. Даже по отношению к братьям, Орзак. Помни это.

— Я ошибся.

— Больше не ошибайся! И подумай, со мной ли ты будешь впредь, готов ли ты, не щадя сил, служить мне. Я чту мудрость, но не люблю настырности и недоброжелательства к себе.

— Я подумаю над твоими словами.

— Надеюсь, что твой выбор будет правильным.
Проводи меня.

Я неторопливо поднялся с кресла и направился к выходу из хранилища знаний. Голова моя была занята нарисованной Орзаком картиной воцарения Тьмы. Зверства и жестокость, бесчестье и невежество, кровь и страдания — порождения дьявола, от соприкосновения с коими становилось муторно и не хотелось жить. Все это станет обыденностью, и иного не будет. Навсегда уйдут в небытие свет и добро, радость и красота, способные развеять, скрасить уродство Тьмы. Воцарится невиданное рабство. Рабство, насаждаемое плетьями, — не самое плохое. Что хуже этого? Это способен понять лишь тот, кто ощущил на себе дыхание Торка, возможно, не худшего порождения Люциферова.

Все это наполняло меня ужасом. И вместе с тем звучали во мне слова Орзака: сила войдет в каждого из слуг Тьмы. Если посмотреть со стороны на братьев ордена, для них, присягнувших на верность дьяволу, обладать этой силой и властью весьма привлекательно. И Магистр Хаункас должен быть счастлив, что близится назначенный час. И... Но что за мысли навестили меня? Неужели и меня коснулся отголосок той темной страсти, которая движет детьми Тьмы? Я начинал понимать, как люди попадают в сети Люциферовы. Те, чей дух не закален, слаб, вполне способны угодить в капкан ложных чувств и понятий. Убереги, Господь, от лукавого!

К вечеру подул прохладный ветер, и в моей нетопленой комнате было довольно промозгло. Я стащил сапоги и повалился на большую роскошную кровать с бронзовыми фигурами химер у изголовья. Подобное ложе меньше всего подходило для католической обители, где слуги Господни должны ежечасно смирять плоть свою и развивать дух. Ха, я до сих пор не мог привыкнуть к мысли, что монастырские святые стены

избраны для пребывания богомерзкого дьявольского ордена.

Настроение у меня было неважное. Я устал, мне было зябко и страшно. И, что хуже всего, меня стал одолевать самый неприятный из всех страхов. Я начинал бояться самого себя. Я не знал, что будет со мной дальше, как отразится на моей бессмертной душе пребывание здесь, в сатанинской обители. В мыслях, словах и делах своих я, пожалуй, за эти дни набрал ни меньше грехов, чем за всю прошлую жизнь. И постепенно менялся я сам. Сатанинский дух, как отрава, подтачивал меня, словно заразная болезнь, пытался проникнуть в мое сознание, овладеть им. Кроме того, томило ощущение опасности, которая очень скоро, может быть в ближайшие часы, грозит мне. Откуда это возникло, что меня насторожило — я не мог понять, но подобное внутреннее напряжение, предчувствие опасности не подводило меня еще никогда и не раз выручало в самые тяжкие минуты.

Терзаемый противоречивыми чувствами и дурными мыслями, я провалился в неспокойный, неуютный сон, наполненный тревогами и черными кошмарами. Я несколько раз просыпался, но тут же вновь забывался в бесспокойном сне.

В очередной раз я проснулся от внутреннего толчка и еще до того, как открыл глаза, знал: то, что угрожает мне, находится здесь, в этой комнате. Первое, что я увидел, разомкнув веки, — сияющий, прекрасный камень, чем-то похожий на Цинкург, но меньших размеров. Его пульсирующее сияние не предвещало мне ничего хорошего. Я понял, что передо мной Черный Образ.

Вслед за этим в свете луны блеснуло серебряное лезвие. При всей моей быстроте и ловкости уклониться от удара было выше человеческих сил, ибо рука, сжимавшая кинжал, уже начала смертельное движение.

Вот моя смерть! Я еще не свершил ничего из задуманного, и теперь никто уже не остановит час Трижды Проклятого и Трижды Вознесенного Люцифера. И нет спасения ни мне, ни тем миллионам людей, которым неведомо пока, что приход Тьмы и ее власть над ними предрешены...

В самый последний миг, когда немного оставалось до того, чтобы лезвие пропороло мое сердце и поставило крест на Фрице Эрлихе, по телу убийцы будто пробежала судорога, так что удар ушел в сторону, и кинжал лишь оцарапал кожу на моем предплечье. Незнакомец схватился за грудь, какое-то мгновение постоял неподвижно и рухнул на пол, задев столик, на котором стояли кувшин с водой и большой бронзовый подсвечник. Грохот раздался изрядный..

Я вскочил с постели, нагнулся над оброненным ночным убийцей камнем, подобрал его, потом вытащил Жезл Зари, чтобы сравнить оба камня. Черный Образ? Черта с два! Какой-то другой, хоть и очень похожий камень. Но, видимо, убийца был уверен, что он подлинный, а потому можно, ничего не опасаясь, вонзить кинжал в грудь Магистру Хаункасу. Он ошибся. Но удар все-таки едва не достиг цели.

Нападавшего, должно быть, подвело слабое сердце, и ответный удар моего жезла сказался немедленно. Мне повезло. Всего лишь несколько сантиметров в сторону — и... Конечно, убийца потом скончался бы в муках, но вряд ли это стало бы для меня утешением.

Бросив фальшивый Черный Образ на кровать, я нагнулся над поверженным. Ну конечно же, это Лагут. Глупец, он получил по заслугам. Интересно, если этот камень был у него с самого начала и он так уверился в нем, почему он медлил нанести удар? Теперь он мертв, и вряд ли мне доведется узнать ответ на этот вопрос. Впрочем, маловероятно, чтобы я получил его и от живого турка.

В коридоре послышался топот ног, дверь распахнулась, заметались огни факелов, развеявшие темноту. Несколько монахов — кто с алебардой, кто с тяжелым канделябром — стояли на пороге.

— Что случилось, Магистр Хаункас? — выступил вперед брат Арден.

— Лагут. Он ворвался ко мне с ножом. И теперь он мертв. Иное и не ждет того, кто придет за жизнью Магистра — владельца жезла Зари.

Я пнул ногой распостертое тело. Неожиданно турок зашевелился, засопел и необычайно проворно для своего слоноподобного тела откатился в сторону, чтобы избежать добивающего удара кинжалом. Плохо. Если бы я мог предположить, что он еще жив, то добил бы его, и никто бы не упрекнул меня, что, защищая свою жизнь, я убил Мудрого, решившего вершить суд самолично. Но теперь момент упущен...

Лагут, держась за сердце, приподнялся, опираясь рукой о пол, встал на колени, потом увидел на кровати фальшивый Черный Образ и взял его. Покачиваясь, он рассматривал камень. Затем яростно отшвырнул подделку от себя и попытался схватиться за рукоять ятагана, совершенно забыв, что любимого оружия при нем нет. Пальцы турка поймали лишь пустоту.

— Убью!

В его сопении и хрипе ощущалась такая ярость, он трясясь в столь неописуемой злобе, что было удивительно, как его слабое сердце не разлетится на куски. Таким я его еще ни разу не видел. Сперва мне показалось, что сейчас он бросится на меня с голыми руками, но, видимо, одного урока ему хватило. Он утробно зарычал и кинулся вон из моей комнаты, при этом ударив в живот молодого монаха, который буквально переломился в пояссе, но и не подумал жестом или словом выразить неудовольствие.

— Убирайтесь вон! — указал я монахам на дверь, и те, неуверенно потоптавшись, ушли.

Я оделся, с тревогой пытаясь прикинуть, чего еще ждать в эту ночь. И мои опасения оправдались с лихвой. Тишину ночи прорезал душераздирающий вой — так кричат люди, неожиданно и болезненно прощающиеся с жизнью. Потом началось что-то невообразимое — топот, визги, лязганье железа, — шла знатная рубка. Быть убитым в случайной и совершен-но ненужной схватке мне не хотелось.

Кряхтя, я начал толкать тяжелый сундук, чтобы загородить им дверь, но не успел. Ее потряс страшный удар, причем засов вылетел сразу. В комнату ворвались двое турок, огромных, толстых, чем-то походивших на Лагута. Не думаю, чтобы их интересовало, куда и к кому они ворвались. Одергимые жаждой разрушения и крови, свирепые и безжалостные, наконец-то нашедшие развлечение по душе, янычары, как лесной пожар, не щадили никого и ничего. Неумная ярость хозяина передалась и им.

Одного я сшиб с ног крепким дубовым столом, который на редкость удачно подвернулся под руку. Стремительно подобрал звякнувший о камень ятаган и теперь был вооружен. Драка холодным оружием — моя стихия, и тут я мог потягаться с любым янычаром.

Противостоял мне сильный и опытный противник, в одной руке сжимавший факел, а в другой — ятаган. Он отразил мой удар и тут же взмахнул факелом, огнем которого слегка обжег мне руку. Боль только заставила меня сосредоточиться. Когда противник изо всей силы рубанул сверху и казалось, что пред таким ударом не устоять ни человеку, ни камню, я успел уйти в сторону и тут же проткнул турка насеквоздь.

Оставаться в комнате было опасно, ибо лязганье и шум приближались. Я бы просто не успел загородить чем-нибудь вход. Послышалось несколько пистолетных выстрелов. Все, надо покидать ставшее ненадежным убежище.

Я затоптал факел, от которого уже начал дымиться опрокинутый стол, и, сжав свое оружие, выскочил из комнаты. У входа споткнулся о чей-то труп. Дотронувшись до лежащего рядом круглого предмета, я в ужасе отшатнулся. Это была отрубленная человеческая голова...

Мне предстояло проникнуть в правый коридор — иного пути не было. А дальше — спасительный лабиринт хранилища знаний, дорога туда мне хорошо знакома.

Бегом я устремился к проходу и тут же угодил в самую гущу драки.

Кто кого бил, рубил, резал, кусал в этой мясорубке, разобрать было трудно. Происходило все почти в полной темноте, лишь позади горело несколько факелов да полыхали деревянные статуи перед входом в трапезную. В неверном, слабом свете — разрубленные тела, мельканье рук и оружия, и лица, лица, лица, в которых было мало человеческого. Это были лица демонов, обезумевших от запаха крови.

Пробивая себе путь к спасению, я не думал о том, кто подворачивается под мои разящие удары. Здесь у меня не было друзей, мне было все равно, кто погибнет от моей руки. Не жалко было никого из братьев Темного Ордена.

Постепенно глаза привыкли к полумраку, и я начинал различать, что происходит. Дрались, наверное, более сотни человек. Турки, вооруженные кривыми саблями, итальянцы со шпагами. Монахи же с альбадрами и шестами старались не лезть в самую гущу, оставаясь в стороне, но это было нелегко, и они все больше втягивались в побоище. Турки теснили своих противников и, как казалось, действовали более успешно. Я и оглянувшись не успел, а бой уже шел на ступеньках широкой лестницы, ведущей прямо к Залу Камня.

Я парировал удары, бил сам, колол, рубил. От моего удара эфесом по голове один из турок распро-



стерся на полу, и тут же какой-то итальянец проткнул его насеквоздь. Ниже и ниже спускались мы. Вот сзади послышался треск — это вылетела дверь в священный зал. И вот я уже продолжаю бой там.

Здесь было просторнее, появилась возможность развернуться. Зал, как всегда, был озарен многочисленными свечами, спокойным фиолетовым светом полыхал Камень Золотой Звезды. Странно, но, когда люди падали, били, рубили, во всей неразберихе и ужасе не видели ничего, кроме врага, и не думали ни о чем, кроме того, как бы убить противника, ни один человек не перешагнул очерченного вокруг магического камня трехметрового круга, будто он был огорожен непроницаемой прозрачной стеной.

Света было достаточно, чтобы в промежутках между нападениями и отражениями ударов я мог высмотреть, что же здесь происходит и кто участвует в схватке. Вон брат Вампа с саблей в руке. А вон брат Арден. Долговязый, тощий, он удивительно сноровисто работал железным посохом, так, что ветер поднимался вокруг, и никто не решался подойти к нему. А вон и сам настоятель, всего лишь в нескольких шагах от меня, безоружный, забившийся в угол, но, несмотря ни на что, не утративший величия — достоинства и спокойствия. Его окружали монахи, не подпускавшие никого к Мудрому.

Я пробился в угол, где схватка была не такой ожесточенной, и перевел дух. Не похоже, что битва скоро выдохнется. Теперь самое время потолковать с Лагутом. А если повезет, то и с уважаемым братом Долкменом...

Найти их обоих было нетрудно. Вокруг них образовалось свободное пространство. Бились они друг с другом, и это, скажу вам, была отменная схватка. Турук довольно легко действовал сразу двумя ятаганами и при этом осипал отборными ругательствами, иногда умудряясь своим писклявым голосом перекрывать шум драки. Брат Долкмен махал огромным дву-

ручным мечом молча. Мaska иронии и радушия слетела с него, и за нею открылся истинный хищник. Казалось, все чувства оставили этого человека, ни боль, ни страх не были знакомы ему никогда, а знал он лишь слепую, отчаянную жажду убийства. Оба были смелы и рубились, нисколько не заботясь о себе, движимые лишь стремлением поразить противника.

Лагут постепенно стал одерживать верх. Все-таки два ятагана, которыми он владел с одинаковым искусством, давали преимущество. У Долкмена уже появилась кровь на руке. Вот итальянец взмахнул мечом, не удержался на ногах и упал. Он успел вскочить, но тут же получил удар по голове плашмя и снова оказался на полу. Турук размахнулся, шагнул к врагу, но поскользнулся на крови и тяжело, как мешок с мукой, полетел на пол, при этом один ятаган вылетел у него из руки. Долкмен был уже на ногах и пинком отбросил второй ятаган противника в сторону.

— Прощайся с жизнью, грязный евнух! — захотел Долкмен каким-то нездоровым, неприятным смехом и занес меч.

— Стой! Я...

Что хотел сказать Лагут, мне никогда не узнать, поскольку это были его последние слова. Меч вспорол огромный живот турка. Долкмен на миг расслабился, а потом, довершая работу, еще несколько раз ткнул в бездыханное и уже мертвое тело...

На мгновение повисла тишина. Я думал, что смерть их повелителя образумит янычар, но она только добавила им злости. Дрались слуги сатаны так ожесточенно, так остервенело, как мало кто способен. Ведь они были порождением и частичкой Тьмы, а что есть убийство и ненависть, как не ее орудия? Казалось, ничто не в силах остановить резню и она будет продолжаться, пока последний из сражающихся не упадет, пронзенный насеквоздь собственным мечом,

поскольку жажду убийства не утолить, а она разгоралась с каждой секундой.

Внезапно я понял, что становится светлее. Оттолкнув чье-то привалившееся ко мне тело, я бросил взгляд на Цинкург и увидел, что камень все сильнее разгорается тревожным фиолетовым светом. Я ощущал, как на плечи мои легла неподъемная тяжесть, руки немеют, все тело одолевает истома и слабость. И вот уже мои пальцы разжались, и ятаган, испачканный кровью по меньшей мере пяти человек, упал на пол. Мысли текли медленнее, голова туманилась. Я остался безоружен и беспомощен в этой ожесточенной сваре.

В мыслях я уже рас прощался с жизнью, но потом вдруг подумал: «А почему я так явственно услышал звон падающего оружия?» И тогда я понял, что вместе со светом и холодом в Зал Камня пришла гробовая тишина. Люди стояли как вкопанные. Затем снова послышался звон — это падало на пол оружие. Сражение кончилось. Кто-то властной рукой остановил всеобщее смертоубийство.

Пламя костра взметнулось вверх, и в жадном потрескивании поленьев, в пляске пламени, пожиравшего тело Мудрого, будто ощущалась жизнь, нечеловеческий разум одной из четырех стихий — стихии огня. Именно в этой стихии должен завершить Мудрый свой путь на земле. Сквозь пламя, сопровождаемый древними заклинаниями, он уйдет на новый круг, восстанет, как птица Феникс из пепла, и вновь придет на землю в новом обличье, чтобы множить дела Тьмы.

Во дворе собирались все, кто остался в живых и мог держаться на ногах после ожесточенной резни: янычары Лагута, телохранители Долкмена, монахи. Они стояли на коленях, склонив головы, вперив взгляд в землю, ибо по малости своей и незначительности им не надлежит смотреть на костер, но они должны

присутствовать при обряде, чтобы придать часть своих сил уходящей душе Мудрого. Вокруг костра же, всматриваясь в пламя, стояли Карвен, Долкмен и я.

На небе догорал закат, красный и яркий, как никогда, будто он являлся частью костра, уносящего умершего вдаль. А может, так оно и было.

Мудрые нараспев произносили слова языка, приведшего из глубины веков. Никто не знал, что они означают, кто были говорившие на этом языке и принадлежали ли они этому миру? Передававшиеся из поколения в поколение, заученные Мудрыми и великими чернокнижниками звуки обладали неведомой и неподвластной разуму властью над вещами и энергиями.

— Збравго кзарвст умо ткнчар дзка, — декламировал настоятель, и ему вторил далекий голос покойного. Когда их голоса достигали высшей точки, огонь, подстегнутый тайным словом, вспыхивал ярче, он понимал этот язык, подчинялся ему.

Мудрый уходил в пламени, торжественно и красиво. Других же несчастных просто закопали в земле, не забыв, правда, положить каждому на грудь свиток с магическими знаками. Какая судьба их ждет в мире ином — не интересовало никого. В обычных, не отмеченных особой печатью детях Тьмы, готовых рвать глотки ближнему, растаптывать заповеди и предаваться злу с той же страстью, как отдается юная девица красивому кавалеру, недостатка никогда не было. Может, этим братьям повезет, и они из адового пекла вернутся на землю, чтобы вписать еще несколько строк в бесконечную книгу преступлений и мерзостей человеческих.

В схватке погибло тридцать человек. Раненых было немногого. Тех, кого можно без труда вылечить, отхаживали отварами и снадобьями, оказывающими порой удивительное действие. Тех же, кого сильно покалечили или безнадежно ранили, добили с привычной жестокостью и равнодушием.

Голос настоятеля становился все тише и тише, и по мере этого огонь спадал. Вот уже он только тлел. Тело обратилось в прах. Темнело, но не потому, что солнце заходило. На небо наползала огромная черная туча. Несколько минут назад дождь, который вскоре хлынет из нее, смог бы сорвать таинство, но теперь все было почти закончено. Ничто не осталось после Лагута, не считая, конечно, горсти пепла, несметных сокровищ и длиннейшего списка кровавых дел.

— Ты придешь снова, когда Тьма покроет землю, когда настанет час Трижды Проклятого и Трижды Вознесенного, и тогда уже ничто не помешает тебе насладиться безумной и сладостной минутой нашего, преданных слуг Люциферовых, торжества.

Карвен воздел руки к небу, и тут грянул гром, сверкнула молния и хлынул проливной, необычайной силы дождь. Мы стояли, не боясь грозы, не думая ни о чем. Мы отдавались стихии. С какой-то темной, дьявольской радостью... Ливень, подобного которому я давно не видывал, бил по погребальному костру, смывал прах, смешивая его с водой и землей. Пепелище исчезало на глазах. А потом вмиг все кончилось, и через несколько минут ничто не напоминало о туче. Небо вновь стало ясным и чистым, озаренным пламенем заката.

Вскоре я грелся у очага в большой комнате, где кроме меня присутствовали двое оставшихся в живых Мудрых.

— Погода как подгадала.

— Так бывает всегда. Когда уходит Мудрый, Тьма провожает его на новый круг.

Ужин проходил в полном молчании. Настоятель был, как обычно, невозмутим и холоден, а вот снисходительная улыбка и насмешливость Долкмена куда-то исчезли. Последние события сказалась на нем далеко не лучшим образом. Он был даже как-то растерян.

Нарушил молчание Карвен. Стальным, безжизненным голосом, которым по-моему, можно забивать гвозди в гроб, он произнес:

— Значит, Мудрых будет всего лишь трое. Правило соблюдено.

— О да, Карвен. А ты так беспокоился.

— Мне не нравится все это. Нас кто-то ведет за руку, как неразумных детей. Может быть, прямиком в пропасть. Что-то чуждое вторглось в эту тихую обитель.

— Вы не устали твердить одно и то же? Я слышал это уже не раз, но пока не видел ни одного подтверждения этой безумной выдумке. Пока же я, Магистр Хаункас, вижу только желание прикончить друг друга, овладевшее высшими лицами в ордене.

— Ты не видишь подтверждений? Цепь странных событий завершает момент, когда потасовка была прекращена. Понятно, что все дело в камне, но никто из нас, Мудрых, призванных вызывать силу Камня Золотой Звезды, не смог бы использовать его подобным образом.

— Напрасно, Карвен, говоря это, ты так подозрительно взираешь на меня. Тебе прекрасно известно, что я пока не обладаю властью над камнем.

— Смерть, Магистр... Она пришла вместе с тобой, — прошептал брат Долкмен.

— Она была здесь всегда. Тут все пронизано ею. Это здание, люди — все соткано из смерти. А ты, Долкмен, Мудрый брат... Хм, тебе так хочется, чтобы все поскорее забыли, кто убил Лагута. Ведь поступок сей весьма тяжел.

— И это говорит тот, по чьей милости пятнадцать лет назад отправились в долгий путь трое Мудрых! Ты прекрасно знаешь, что я лишь защищался. Моя душа тоже могла сейчас отправиться в долгий путь, но мне просто повезло!

Уверенности в Долкмене поубавилось. Он оправдывался! Сие вовсе не радовало меня, а, наоборот,

тревожило. Неизвестно, что ждать от потерявшего себя Долкмена Веселого.

— Так ли все просто, брат? И насколько честны твои попытки выглядеть обычной жертвой?

— Ты хочешь сказать, что это я напал на Лагута, а не он на меня? Это остроумно. Но остроумие более подходит для обольщения дам и совершенно не к месту в важной беседе между братьями.

— А может, это он защищался от козней брата своего? Ты же мастак на разные козни. В них ты почти так же искусен, как и в игре в шахматы.

— Ты не прав, Магистр. Сердцу моему больно от твоих несправедливых и даже чудовищных обвинений. Ты переигрываешь, брат. Не боишься ли ты?

Слабая усмешка тронула его губы. Это уже был не тот человек, что два дня назад, и угроза в его словах вряд ли могла сильно напугать. Что-то мне не нравилось во всем этом. Вряд ли ночной бой мог служить причиной такой перемены в Долкмене. Нет, скорее всего это игра. Он не хочет, чтобы его продолжали принимать всерьез. Он ждет, что я увижу в нем смятение и поспешу нанести удар. И ошибусь. Он сильно надеется на мою ошибку, но в чем?

— Почему я должен бояться? — Я решил подыграть ему и вложил в слова эти больше снисходительности. — Разве не ты...

— Хватит, — поднял руку настоятель. — Рознь и интриги унесли жизнь одного из нас. Раздоры, недоверие и злость способны только погубить нас. И если бы только нас. Ваша собачья грызня недостойна и противна не только мне, но и нашему делу. Клянусь убить каждого, кого не вразумят мои слова. Кто из вас согласен со мной?

— Ты просто повторяешь мои слова, Карвен. Доверие и помощь! — воскликнул я.

— Твоими устами, Мудрый, говорит сама истина.

Хорошо я сказал — доверие и помощь... Близится ночь Черной Луны, и к этому времени Долкмен должен умереть.

«...И воцарится власть Люцифера, и проснется спящий, и встанет из гроба мертвый, и рухнет храм врагов его. И постыдно побегут враги его. А пред этим придет тот, кому суждено стать дланью Тьмы, и будет у него в руках Камень Силы, и встретят его недоверием и насмешками. И в день, когда Венера войдет в пятый дом, а Луна покроется тьмой, будет названо имя его — Кармагор. И содрогнутся враги перед делами его, и задрожат небеса, и страхом от имени этого наполнится Земля. Падет от его руки тот, кто на словах служит промыслу Трижды Проклятого и Трижды Вознесенного, но в душе неверен, а верные будут владеть всем и управлять по разумению своему и во имя Люцифера. И покрывало Тьмы да распространяется над всеми землями и морями, и скажут люди: «Вот пришел суровый господин наш».

— Что это такое? — Я захлопнул большой, воловьем переплете, рукописный фолиант и показал его Орзаку, как всегда, корпевшему в углу над каким-то манускриптом. Наткнулся я на этот фолиант случайно. В привычку вошло брать наугад любую книгу, и не было случая, чтобы она не несла с собой какого-нибудь открытия.

— Пророчество Гурта Проклятого, сожженного за колдовство и ересь в Испании по наущению недоброжелателей и завистников. Был умен, бывал в фаворе у принцев и высшей знати, славился искусством врачевания. Используя черную магию и запретные заклинания, поднимал с постели тех, кого поднять не мог никто. И слава о лекарских делах его гремела по всей Европе.

— Зачем он лечил? Разве это не противно делу Люцифера — возвращать здоровье?

— Когда используешь черные чары, то пять человек поднимешь, а один умрет, жизнью своей оплачивая прошлые исцеления. Гурт достиг многоного, но негуден стал иерархам ордена правдой, которую говорил им в лицо, и высокомерием. Был изгнан и отдан на поругание. Эта книга — все, что от него осталось. Страницы будущего, увиденные им. Своими пророчествами не заработал он ничего, кроме насмешек. Никто не верил ему. Почти никто. Записи эти спас от святой инквизиции Магистр Родзав — враг Гурта, ненавидевший его и... веривший всем его пророчествам. Говорят, именно по его доносу и был казнен ученый. Похоже, Родзав был единственным, кто до конца понимал, сколь удивительными возможностями обладал чернокнижник, и кто не был удивлен, когда пророчества Гурта стали сбываться. Одно за другим.

— Как? Все, что здесь предначертано, сбывается?

— Все предсказанное не сбудется никогда, какая бы сила ни водила рукой, пишущей пророчество. Судьба сотворяется множеством поступков и энергий, волей множества людей. Каждый человек не только раб, но и творец. И порой предначертанное можно изменить. Если пророк осенен благодатью, то восемь из десяти предсказаний сбудутся, ибо именно столько находится во власти Бога или дьявола. Но два из десяти даются на откуп выбору человеческому.

— Сам Гурт не мог предсказать свою судьбу и изменить ее. И умер в муках.

— Что поделаешь. Возможно, он ошибся в расчетах, возможно, просто устал и отдал себя во власть судьбы. Одно понятно: Мудрые еще раз убедились, как не хватает им порой этой самой мудрости. Глупо нетерпимо относиться к тому, кто владеет знанием и может то, чего не могут они. Таких выдающихся людей нужно окружать почитанием и заботой, а не жечь и топтать.

— Уж не себя ли ты имеешь в виду? — захохотал я, внимательно изучая лицо Орзака.

— И себя тоже, хоть, возможно, я и ничтожен по сравнению с гигантами, которые были до меня. Но никто не может сказать, что я недостаточно глубоко проник в сокровенные науки или что я недостаточно умен и в делах и помыслах своих хоть на миг отступился от Тьмы. Да, я не могу проникнуть в будущее, но я чувствую то, что не чувствует никто, и открываю двери, нагло закрытые перед другими. Я верен Тьме, Хаункас, и готов быть верен тому, кому суждено многократно преумножить дела ее.

— Ты готов быть верен Магистру Хаункасу?

— Истинно так.

— Что я слышу? Ради какого-то Магистра — отступника, пришедшего ниоткуда и вообще непонятно что из себя представляющего, ты готов пренебречь истинно Мудрыми, которым дана власть над Камнем Золотой Звезды и всем орденом. Я не ослышался?

— Ты все расслышал, Хаункас, — тихо произнес Орзак. — Потому что будущее благосклонно к тебе. Потому что ты прошел нелегкие испытания и вырвался из объятий Торка. Потому что ты...

— Потому что я — Кармагор! — негромко и зловеще произнес я, и смех мой, громкий и совсем не радостный, заметался под сводами библиотеки.

— Да, — кивнул Орзак, встал, подошел ко мне и, склонив голову, упал на колени.

«Кармагор — избранный слуга Тьмы, — застучало у меня в голове. — Ну конечно же! Вот за кого приняли меня Мудрые после того, как Торк в испуге бежал от меня».

— Когда по пророчествам Гурта Проклятого должен прийти Кармагор?

— В один из семи годов, когда нужен он будет, как никогда.

Этот год — пятый. Все концы сплелись воедино.

Да, все концы. Кроме одного: я — не Кармагор. Потом мне пришла в голову неожиданная мысль, от

которой стало как-то не по себе. Восемь из десяти пророчеств сбываются. Значит, кто-то мог бы стать Кармагором. Бог мой, ну конечно же, Кармагором суждено было стать настоящему Магистру Хаункасу, чей прах сейчас покоится в земле Московской, похороненный по христианскому обычаю. И в тот самый миг, когда Хаункас пал от руки Адепта, волей человека был перечеркнут слепой рок.

— Настоятель тоже считает, что в моем лице пришел на землю Кармагор?

— Что считает Карвен, ведомо только ему одному. Скажу лишь, что он благоволит к тебе. Иначе...

— Иначе что?

— Я думаю, ты был бы давно мертв, Хаункас.

— Значит, — я провел рукой по щеке, — Камень Черного Образа у него?

— Это ведомо лишь самой Тьме.

— Говори, я приказываю!

— Я не знаю, Хаункас. Но Долкмен уверен в этом. Его язык порой длинен и несдержан, что в конце концов сослужит ему плохую службу.

— Сослужит.

Значит, Долкмен уверен, что настоятель владеет Камнем Черного Образа. Карвен же, надеющийся на то, что я не кто иной, как предсказанный провозвестник Тьмы, не намерен пускать это оружие в ход. Получается, что жив я лишь благодаря фантазиям покойного, замученного инквизицией Гурта Черно-книжника. И еще выходит, что задача Долкмена заключается в том, чтобы убедить настоятеля, что я заслуживаю смерти, что я пришел как разрушитель, и никакой я не Кармагор, а наглый самозванец, задавшийся целью еще один раз извести всех иерархов ордена для уголовления своего властолюбия. Тогда становится понятна и его хитрость в предложении союза, и намеки на то, что неплохо бы отравить Карвена. Если я решусь на убийство, Долкмен завладеет Чер-

ным Образом и убьет меня, оставшись единственным Мудрым и вполне довольным этим. Но наиболее вероятным казалось итальянцу, что я просто расскажу настоителю о его кознях. И тогда... Конечно, как я сразу не догадался! Мне с самого начала казался знакомым запах порошка, который дал мне Долкмен. Это запах редкой травы, названия которой мне и не вспомнить.

Теперь можно попытаться нанести очередной удар. Я не могу поручиться, что он будет точен и достигнет цели. Вся надежда основывалась на самоуверенности итальянца. Он вряд ли способен допустить, что его игру попытаются повернуть против него самого.

— К coldун. — Я вытащил Жезл Зари и, приподняв им подбородок Орзака, внимательно взгляделся в его глаза, понимая, однако, что вряд ли мне что-нибудь удастся в них прочесть. — Ты действительно будешь предан мне?

— Увы, Магистр, но я не мыслю себе ничего другого. Я верен Тьме, и не будет более преданного слуги Кармагору, великому детищу ее.

— Ну хорошо, я готов поверить тебе. И готов испытать тебя. Испытание будет несложное.

— Приказывай...

Немой горбун сидел на подушке, согнувшись, подобрав под себя ноги, и время от времени подбрасывал сухие поленья в пылающий очаг. Он радостно и криво улыбался, когда пламя вздымалось вверх и сыпались искры, отражающиеся в его темных немигающих глазах. Кто знает, какие мысли бродили в его голове в этот миг. Может, его одолели воспоминания об огромном, хищном и величественном костре, недавно в считанные минуты пожравшем Мудрого, открывая тому путь по большому кругу. А может, горбун ждал, что пламя этого очага вырвется из тесных оков, круша и сметая все на своем пути, знаменуя

пришествие новых времен — сладостного разрушительного хаоса. Впрочем, эти мысли, если бы и были подходящи для Магистра Хаункаса или на крайний случай для Фрица Эрлиха, вряд ли могли прийти в голову жалкому горбуну. Скорее всего, его просто переполняла присущая каждому человеческому существу тяга к огню, преклонение и ужас перед его мощью, и именно поэтому алое пламя озаряло такую довольную и страшную гримасу на лице Робгура, именно поэтому дрожали его пальцы, словно дирижируя пламенем. Впрочем, довольно о горбуне, и так немало строк в моем повествовании уделено столь жалкому созданию, но это лишь потому, что он, как верный пес, не отходил ни на шаг от Карвена и присутствовал при всех наших беседах, постоянно маяча на моих глазах. Пришел я сегодня в эти покой, уж конечно, не для того, чтобы рассматривать Робгура.

— Что нужно тебе, — спросил настоятель, — в столь поздний час?

— Помнится, брат Карвен, ты говорил о том, что истинному слуге Тьмы необходимо принести жертву, отринуть все амбиции, жажду власти, тщеславие и страх, смирить желания и думать больше о назначении своем, чем о собственном благе.

— Да, желания и чувства неустойчивы и подвержены изменениям, словно замки, построенные из песка. Гранит же долга и убежденности у верного промыслу Тьмы незыблем и не подвержен минутным влияниям.

— Я рад слышать это, ибо ты убедил меня, что визит мой будет не бесполезен как для меня, так и для тебя.

— Я стараюсь понять, к чему ты клонишь.

Его голос был равнодушен, я же пытался показать, что взволнован и даже удручен.

— Огонь страстей. Не скрою, он тлеет и во мне, но я готов сделать все, чтобы загасить его во имя

великого долга. Но не кажется ли тебе, что остальных Мудрых адским пламенем жжет властолюбие. О, конечно же, мои слова не о тебе. Другими движут низкие и неустойчивые, подобные жалкой пыли желания.

— Лагут мертв. Долкмен жив, и я не думаю, что ты прав. Ты слышал мое слово — из-за мелких счетов, ничтожных страстей и глупого тщеславия я не позволю погубить все. Если ты пришел, подобно ядовитому пауку, плести сеть лживых обвинений, то проклялся. Ты стоишь на краю пропасти, Магистр, и помни: до нее тебе всего лишь один шаг. Не поскольку, ибо пропасть эта бездонна и населена черным кошмаром.

— Ты говоришь — сети, — засмеялся я и наклонился к Карвену: — Тут все пропитано изменой и братоубийством. О, настоятель, если бы хоть третья сил, которые в совете Мудрых да и во всем ордене расходуются на интриги, пошла на великое дело, думаю, сегодня триумф наш был бы ближе и уже восходила бы на горизонте Черная Звезда.

— К чему ты клонишь?

— Ты не задумывался, почему Лагут напал на меня? И почему в последовавшем поединке один Мудрый был зарублен другим? Почему это произошло, Карвен? Ничто не происходит просто так. Ты хочешь знать причину?

— Я хочу ее знать.

— Они оба жаждали моей смерти. Но их, стервятников, святой жезл, отданный Тьмой в мои руки, остановил и вразумил. Они даже в самом глубоком сне мечтали о том, чтобы растерзать меня. Ими правил не разум, а одна ненависть. Они ненавидели меня, но еще больше друг друга. А знаешь почему, брат? Подумай, говорят ли тебе что-нибудь слова: утерянная книга Гурта Проклятого. Неизвестные пророчества великого чернокнижника.

И я повторил слово в слово то, что некогда поведал мне Адепт.

Старый Али был замечательным караванщиком. Самые знатные и богатые люди почитали за счастье, если им удавалось вручить свой груз или подданных ему под опеку, ибо не было случая, чтобы путь его закончился неудачей. Разбойники обходили его стороной. Не иначе как отметина Аллаха была на Али, караванщике. Так считали все и, стараясь задобрить, приглашали Али к себе на праздники, чтобы и хозяев дома коснулась крылом благоволящая к нему удача.

О том, что удача здесь ни при чем, было известно только самому Али. Хитрость, подкуп, задабривание самых безжалостных разбойников, а то и прямая помочь им — вот причина его успехов. Даже сам Абдула — земля содрогалась от зверств его банды — не трогал Али. Никому не было ведомо, что караванщик и разбойник — дальние родственники и что во многом благодаря этому звезда Али сияет столь ярко и ровно.

Как-то, закутавшись в теплое одеяло, Али сидел у костра. Ночи в пустыне холодные, небо прозрачное, а звезды, будто далекие костры, светят так маняще. Али был уже немолод, руки и лицо его покрывали шрамы — следы неспокойной жизни. У него был хороший дом в Хорезме, молодые жены, заботливые и ласковые (за них заплачено немало, но, надо сказать, они вполне оправдывали эти деньги). Уже не было нужды пускаться в дальние путешествия, хватало помощников, которые могли сделать это за него. И все же Али продолжал сам водить караваны, так как дороги ему были вечера, подобные этому, в пустыне, приносящие чувство освобождения от оков материи. В такие минуты существовал лишь он да сам Аллах, создатель этого дивного и неисчерпаемого мира, сущий во всем и везде, бесконечно могущественный и бесконечно прекрасный в делах своих.

Али подбросил в костер сухих веток, и искры взметнулись вверх, озарив лица сидящих у огня. Вот краснобородый купец из Багдада, богатый и заносчивый, но вместе с тем разговорчивый. Вот его слуга. А это путник и лекарь, снискавший всеобщее уважение своей ученостью и разумностью слов. Обычные люди.

Али не особенно интересовало, кого он сопровождает. Но, как предусмотрительный и опытный караванщик, он привык оценивать достоинства своих попутчиков. Обычные, движимые жаждой денег и приключений люди. А вот в тех двоих, сидевших напротив, он никак не мог разобраться. Огромный, однорукий, с безобразным шрамом, идущим через все лицо, явно не мусульманин. Его товарищ, худой, высокий, невероятно сильный, спокойно поднимавший тяжести, которые и двоим не под силу, похож на египтянина. С самого начала Али не хотел их брать. Не любил связываться с неверными, Аллаху это неугодно, да и можно ли считать неверного за человека? Аллах, до того дня расположенный к нему, запросто может отвернуться за такие дела — и что тогда? Нет, неверных Али не любил, к тому же от этого однорукого веяло угрозой и недоброжелательностью, а худой был замкнут и непроницаем. Что можно ждать хорошего от таких людей? Не стоило брать их с собой, но... Но они заплатили такие большие деньги, будто золото ничего не значило для них. Ведь Али еще в Хорезме, желая избавиться от неприятных попутчиков, заломил такую невероятную сумму, что знал: они откажутся. К его удивлению, эти двое согласились на все условия, не торгуясь.

Странно, но они не взели с собой почти никакой поклажи. Весь груз их состоял из пары мешков да всевозможного оружия. Очень они походили на разбойников, но это как раз не беда. Али вел караван по пути, где ему некого бояться.

Купцы лениво переговаривались, вспоминая всякие невероятные истории. Али знал, что они или хвастваются, или просто врут, но у костра не принято уличать во лжи. Наоборот, если история лжива, но красива, рассказчик заслуживает лишь благодарности. А как же иначе коротать бесконечные вечера?

— И тогда шах вывел свою дочь и говорит мне: «Уважаемый! Я думаю, что...» — похотливо ворковал краснобородый купец, сам захваченный своим рассказом и еще не змавший, чем он кончится.

Тут послышался окрик — караульные подали сигнал об опасности. Все повскакивали с мест, никого не нужно было понукать.

Путешествия всегда сопряжены с опасностями, и каждый в караване обязан уметь держать в руках оружие.

Али оставался совершенно спокоен. Он даже не потянулся к своей сабле. Никто не тронет караван счастливого Али. Путники перепуганы, но зря. Ведь это земли, где хозяиничает банда Абдулы.

Вот возникла из тьмы цепочка верблюдов, на которых сидели всадники. Чужаки остановились на расстоянии выстрела. Разбойники обычно так не действуют. С воем и криками они налетают на караван, уничтожая всех и каждого, кроме женщин и тех, за кого можно получить выкуп.

— Кто эти люди? — спросил рыжебородый.

— Не знаю.

— Ты обещал нам безопасность. Мы платим тебе вдвое за то, чтобы ты уберег нас.

— Если я обещал, то так и будет, уважаемый. Твой товар в сохранности достигнет города Багдада, не будь я Али.

От отряда отделился один всадник и приблизился на несколько шагов.

— Салам аллейкум, — закричал он. — Я пришел с миром и хочу говорить с Али.

— Кто ты?

— Я твой друг.

— Подойди. — Али махнул рукой.

Незнакомец, завернутый в бурнус так, что лица его не было видно, подъехал к костру, спешился.

— Пусть они уйдут, — кивнул он на сидящих вокруг огня. — Али, мне нужно поговорить с тобой.

— Оставьте нас одних.

Когда все отошли, двое уселись у огня, поближе друг к другу, чтобы их разговор не был слышен посторонним.

— Салам аллейкум, караванщик Али.

— Ву аллейкум салам, достопочтимый Абдул.

Вскоре слуга принес чаю, и главарь банды отхлебнул из пиалы.

— Что ты хочешь сказать мне, Абдул?

— Я к тебе с просьбой. Ты должен взять у меня немного золота и передать его в Багдаде моему другу, знатному и уважаемому Гасану, который знает, как разумно распорядиться им.

— Хорошо, я возьму золото и передам его уважаемому Гасану.

Абдул вытащил из-под халата мешочек и положил перед Али.

— Больше у меня нет дел к тебе. Разреши только моим людям обогреться у костра. Мы устали и хотим чаю. Откажешь ли ты нам, Али?

— Как я могу отказать тебе, моему дорогому родственнику?

Али встал и крикнул:

— Уберите оружие. Это друзья.

Оружие было спрятано, путники разошлись по своим местам и успокоились. Абдул махнул рукой и громко крикнул что-то нечленораздельное, видимо, подавая особый сигнал. Вскоре всадники сидели у костров, пили чай, ели лепешки и мирно разговаривали с путешественниками. Суровые рыцари пустыни позволили себе немного расслабиться. Наверняка кому-то из купцов с самого начала было понятно, что

это за люди, но очаг и еда в пустыне уравнивают всех, и кому какое дело, с кем ты сидишь и в какой ситуации встретишь его через неделю. В пустыне вражда или дружба, схватка или взаимовыручка порой кратковременны, и через несколько часов все может измениться. Родственники не виделись давно и охотно беседовали.

— Я видел мужа моей сестры, достопочтимого Рустама. Он здравствует и спрашивал о тебе, Абдул.

— Я тоже здравствую и желаю ему всего хорошего. Передай ему это.

— Несомненно, передам.

За беседой незаметно прошел час.

— Спасибо, нам пора, — поднялся Абдул.

— Куда ты уносишься ночью? Во тьме властвует опасность и злые джинны. Побудь у теплого костра до утра.

— До утра... Все так мимолетно, и никому не дано знать, что будет утром.

— Я знаю, что будет утром. Мы проснемся, и караван возобновит свой путь.

— Ты не знаешь, что будет утром, Али. Это дано знать лишь Аллаху. Или шайтану.

Абдул крикнул что-то зычное и такое же непонятное. Его слуги встали, прощаясь.

— Гар-бах-хр! — зычно крикнул Адбул.

Никто из путников ничего не успел предпринять. Никто не ожидал нападения, так что это была не битва, а кровавая резня. Разбойники без устали орудовали кинжалами и ятаганами, не щадя никого. Ужас спустился на землю. Метались в свете костров обезумевшие от страха беззащитные люди, ползали на коленях, умоляя о пощаде, иные пытались сопротивляться, понимая, что пришел их смертный час. Достойная или недостойная смерть косила всех. Те, кто еще недавно разламывал с жертвами лепешки, сейчас рубили без промаха. Суeta, крики, ругань, мелькание

огней. И в центре всего этого стоял разбойник Абдул — безжалостный и суровый. Недобрая усмешка тронула его губы.

Али сразу же получил удар сзади и откатился к мешкам. Он мог все видеть, и зрелище наполнило его сердце отчаянием. Ставшая вмиг жестокой, судьба нанесла ему смертельный удар. И чьими руками! Его родственника, человека, которого он знал с самого детства. Али не мог поверить в это. Этого просто не могло быть.

Из всех несчастных действенное сопротивление смог оказать лишь долговязый египтянин. Он увернулся от удара ятаганом, могучим взмахом кулака сбил с ног одного разбойника, схватил оружие и вонзил клинок другому нападавшему в живот. Потом снес голову третьему грабителю. Равных ему в бою не было. И неизвестно, чем бы закончилась схватка, если бы однорукий товарищ египтянина, который должен был защищать его спину, не выхватил нож и по самую рукоять не вонзил ему в шею.

Вскоре все закончилось. На удивление, разбойники не жалели никого — ни женщин, с которыми можно было хорошо позабавиться, ни богатых купцов, за которых можно было получить щедрый выкуп. Летели головы, пронзались сердца, и вот уже нет среди путников живых.

Тут застывший в неподвижности Абдул очнулся и огляделся. Взгляд его упал на лежавшего без движения Али.

— Ты жив, Али?

Караванщик приподнялся и застонал.

— Зачем, Абдул, ты сделал это? Разве я обидел тебя чем-то? Или когда-нибудь предал тебя?

— Нет, Али. Я люблю тебя и много лет хранил тебя от напастей. Но есть вещи поважнее!..

С этими словами он вонзил нож в грудь караванщику. Али исполнилось сорок восемь лет, когда Аллах отвернулся от него.

Абдул вытер нож, упал на колени рядом с поверженным и прочитал молитву.

— Мне очень жаль, Али, но я не мог поступить иначе.

К разбойнику подошел однорукий и снисходительно произнес:

— Ты вел себя достойно и заслуживаешь доброго слова.

— Я знаю.

Однорукий подошел к мешку, который обронил его товарищ, покопался в нем и извлек древнюю книгу в обложке из дубленой кожи. Бережно полистав, проверяя сохранность страниц, он завернул ее в тряпку и сунул в свою сумку.

— Дело сделано.

Потом он нагнулся, снял с руки египтянина перстень и приладил его на свой палец...

— Откуда ты это знаешь? — негромко спросил Карвен.

— Откуда? Меня, Магистра Хаункаса, который и раньше знал немало интересных и поучительных историй, не было здесь более десяти лет. Разве за это время я не мог узнать что-то новое?

— Значит, утерянной книгой Гурта Проклятого все эти годы владел Лагут?

— Не знаю, получил ли он ее, но вряд ли она так уж помогла ему. Видимо, пророчества в ней касались или грядущих, или прошедших времен.

— Пожалуй... Наверное, он очень надеялся на нее.

— Еще больше на нее надеялся Долкмен. Используя знания о будущем, он хотел, и вполне мог бы, подчинить вас и весь орден своей воле. Или, в крайнем случае, уничтожить тебя, Карвен, ибо властолюбия в нем не меньше, чем в Лагуте.

Мудрым действительно казалось, что книга Гурта с самыми неоднозначными и странными из его предсказаний — ключ к всеобъемлющей власти. Немало

лет потратил Долкмен на ее поиски, огромные деньги были затрачены на это, и все-таки он напал на ее след. Он послал двух своих самых верных слуг — египтянина и однорукого. Но ни их, ни книги Долкмен не увидел. Позже у него возникли подозрения, что однорукий попросту предал его, а плодами предательства воспользовался Лагут, но подтверждения этому Долкмен не нашел.

Когда же я подсунул итальянцу перстень и рассказал о его одноруком продавце, это вполне соответствовало тому, что знал Долкмен, поэтому он поверил мне. Мысль о том, что Лагут перебежал ему дорогу и теперь владеет запретной книгой, наполняла Долкмена яростью и страхом, ибо знание пророчества Гурта давало турку существенные преимущества. Долкмен решил разделаться со своим врагом. И одна из расставленных им ловушек сработала.

— Карвен, ты можешь отослать меня, заткнуть уши и прикрыть глаза, чтобы не видеть и не слышать очевидного. Но представь, что я говорю правду, а это истинная правда. Чего тогда будет стоить вся твоя жизнь? И пробьет ли тогда час Трижды Проклятого и Трижды Вознесенного?

— Говори дальше.

— Помнишь ли ты убийство чернокнижника из свиты Лагута?

— Да. Тогда смерть пришла в эти стены.

— Его убил Долкмен.

— Зачем ему было мараться о столь незначительную личность?

— Да потому, что среди близких Лагута чернокнижник был единственным, кто знал, как выглядит подлинный Камень Черного Образа. Убив его, Долкмен мог лгать, и некому было указать на его ложь. Теперь уже не узнать, как он сумел всучить турку фальшивый камень и убедить в его подлинности. Но в ту роковую ночь Лагут перешагнул порог моих покоев, будучи совершенно уверенным, что способен

безнаказанно убить меня. Одним ударом Долкмен мог бы тогда избавиться от обоих — от меня и от турка, на которого обрушилась бы вся мощь жезла Зари. Но мой жезл защитил меня, а разъяренный Лагут в последний миг понял, что он поддался на обман, кинулся в смертельную схватку и погиб. И я перед лицом Тьмы клянусь, что сожалею об этом, ибо он хоть и не любил меня, но не было исполнено еще Лагутом все то, ради чего он пришел в этот мир...

Карвен поглаживал пальцами бархатную подушечку, глядя куда-то в одну точку. Я терпеливо ждал, пока он оценит мои слова и придет к какому-то выводу.

— Признаюсь, ты выдумал любопытный рассказ. Твои умозаключения по поводу происшедших событий увлекательны. Но и только. Почему я должен верить тебе? Твой нрав известен всем, правдивость никогда не относилась к числу твоих добродетелей.

— Ну а это что такое? — Я вынул из кармана Камень Черного Образа и бросил на стол.

Настоятель взял камень и присмотрелся к нему.

— Похож на Черный Образ. Откуда он у тебя?

— Лагут держал его в руке. Другая его рука сжимала занесенный надо мной кинжал.

— Это не доказательство правдивости остальных твоих слов.

Я бросил на стол кожаный мешочек.

— А это что? — спросил Карвен.

— Это твоя смерть, брат. Что подумал бы ты, если бы я сказал, что этот яд Долкмен дал мне, чтобы убить тебя.

Карвен высыпал немного порошка на поднос, потом поднял на меня глаза, в которых был лед.

— Не слышу ответа... Не хочешь ли ты сказать мне, что я лгу. Ведь это зелье — старый рецепт Лагута, который был уверен, что о нем неведомо никому. Но о нем знаю я и знаешь ты. Сильный, беспощадный яд, случайно изобретенный предками

Лагута. Ты бы решил, что я договорился с Лагутом, чтобы утопить Долкмена в море лжи и оговоров. И тогда коли ты действительно владеешь истинным Черным Образом, то просто убьешь меня, ибо коварство и интриги сейчас, как никогда, противопоказаны ордену.

— Это опять твои домыслы.

— Я прав или нет? Ты мог бы подумать так?

— Ты прав, и я подумал бы именно так.

— Долкмен все рассчитал точно. Если я предам его — погибну. Если я употребляю яд, он тоже ничего не теряет. Ты надоел ему. Ему не нравятся оковы, которыми ты, Мудрый, по праву ограничиваешь его устремления. Ему не нравится думать лишь о благе Тьмы. И ему ох как хочется быть всем. После твоей смерти он нашел бы способ расправиться и со мной, хоть это трудно из-за жезла Зари.

— Опять пустой разговор!

— Так тебе нужны еще доказательства? Ты напрасно не веришь моим словам. Они убедительны, и ты знаешь это. Доказательства будут. Хитрый итальянец придет к тебе сам и принесет их. Если ты, конечно, согласишься на вполне невинную хитрость.

Настоятель выслушал мое предложение и с внезапной яростью, которую от него трудно было ожидать, опустил свой кулак на стол. Кувшин, стоявший на подносе, подпрыгнул и опрокинулся, из него потекло красное, как кровь, вино, заполняя поднос словно ритуальную чашу в миг жертвоприношения.

— Я сделаю то, что ты просишь, Магистр. Ибо живет во мне надежда. Но если я ошибусь в тебе, тогда берегись, Хаункас. Берегись...

Следующий вечер мне опять пришлось провести с Карвеном. В нашей неторопливой беседе ничто не напоминало о вчерашних страстиах и спорах. Разговор был приятный и неторопливый.

— Сейчас это кажется непостижимым, но до того, как проникнуться истинной верой, я вполне искренне поклонялся триединому христианскому богу.

Карвен тяжело поднялся. Он подошел к большому сундуку в углу комнаты и начал копаться в нем. Этого времени мне хватило на то, чтобы всыпать порошок в его кубок. Белое вещество растворилось в славном бургундском без следа и пузырьков.

Мудрый Карвен нашел то, что искал, и положил этот предмет передо мной. Это был большой серебряный с эмалью крест.

— Я получил его из рук епископа Лотарингского. Давно это было. Как глуп и несмышлен я был в ту пору, как смешно выглядел тогда. Я всерьез намеревался служить беспомощному и жалкому, распятому грязными и злобными рабами богу. Но я родился под другой звездой. Все было уже написано в книге Судеб. И кем бы я ни удосужился стать — купцом или нищим, философом или мореходом, — должен был настать тот день, когда истина предстала бы передо мной во всей своей грандиозности. И она предстала. Она явилась ко мне в образе странника. Однажды в ненастную ночь ко мне постучал обворванный, но преисполненный гордости и величия путник. Я не мог отказать ему в крове и еде. Он прожил у меня день, неделю. Ненавязчиво, шаг за шагом, повел он меня по темному коридору, открывая одну за другой потайные двери. Он начинал с малого, вел меня по пути знания медленно и уверенно. То, что раньше виделось мне непоколебимым, представляло зыбким. А то, что, казалось, рассыпался от дуновения ветра, оказалось на самом деле твердым как сталь. Новые горизонты, новая правда. У меня было чувство, что я знал все это и раньше. Мне казалось, что я не учю новое, а после долгого сна вспоминаю забытое. И однажды я узнал, кто есть мой гость. К тому времени взор мой был открыт и я был уже достаточно разумен,

чтобы не испугаться и не возмутиться, а отдаться на волю той силы, частью которой предстояло стать и мне. Надо сказать, что наставник мне достался лучший из смертных.

— Кто?

Рассказ Карвена был довольно занимателен. Да, волею высокого промысла мы отданы Богу или дьяволу, и обязательно придет такой час, когда станет ясно, кому ты обязан жизнью и что предстоит тебе совершить в подлунном мире. Однако касается это лишь избранных. Большинство же людей слабы духом, на них нет печати судьбы. Они с готовностью одновременно служат и Свету и Тьме, одной рукой множа зло, а другой пытаясь сеять добро.

— Ты спрашиваешь, кто мой наставник? Великий маг и звездочет Судгар Непокорный. Чему же ты усмехаешься, Хаункас? Неужели тебе знакомо это имя? Я знаю, что знакомо. Он, выстоявший во многих боях, погиб в огне, которым был объят орден не без твоего участия.

Я попытался припомнить, что мне рассказывал Адепт о событиях, когда стараниями Хаункаса орден погрузился в междуусобицу.

— Меня еще долго будут попрекать этим недоразумением, которое произошло больше десяти лет назад. Полно, брат мой, я никого не убил тогда сам. Кроме Эразма Любвеобильного, который хоть и был Мудрым, но вместо служения долгу был больше занят интригами и своим гаремом. Остальные же сами вцепились друг другу в горло. И Судгар погиб, пытаясь помешать тому, чему помешать был не в силах, поскольку, несмотря на выдающийся ум и знание природы и людей, не мог понять одного...

— Что не мог понять великий маг?

— Скрадывая безделье и борясь с зевотой, я несколько дней провел в хранилище знаний. Там не только смог вспомнить то, что знал когда-то, но и

узнал много нового. Ведь такие катастрофы, когда Мудрые, Магистры и челядь, будто ядовитые тарантулы, жалили друг друга, а в самые ответственные моменты орден оказывался на грани уничтожения, происходят в среднем раз в столетие. Находишь ли ты этому объяснение?

— Да. Мы не раз подвергались козням наших врагов, чьи методы порой настолько походят на наши, что у меня возникают сомнения, а не порождение ли мы одной силы? Нередко нам мешали внутренние склоки и неспособность найти взаимопонимание между братьями.

— Именно так. Разрушение заложено в природе Силы. Честолюбие, коварство, интриги — это лишь инструменты, с помощью которых Сила воцаряется в мире. И глупо рассчитывать на то, что инструмент сей не будет обоюдоостр и в мире, и внутри ордена.

— Ну и что?

— Орден вполне закономерно раздирается самолюбием, тщеславием и жаждой власти, злостью и ненавистью, которые точат всех, даже Мудрых. Таков закон. Такова природа Тьмы, и разве следует ей противиться?

— Может быть, в мыслях твоих есть зерно, но истина вряд ли уложится в эти тесные рамки. Братья скованы единой цепью, спаяны единственным стремлением, выделены Силой из болота, в котором копошится остальное неразумное человечество.

— Ты тоже любитель играть словами. Но ты знаешь, что все так и есть. А не удивляло тебя, что орден, опутавший всю Землю, влияние которого простирается на огромное количество людей и гигантские расстояния, несмотря на самые тяжелые потрясения, не развалился на куски, не распался, не ослаб?

— Не удивляет, ибо с нами сила Его.

— Ты же знаешь, Мудрый, Сила должна быть проявлена здесь, в материальном мире, Сила должна иметь своих носителей. Без людей даже Камень Зо-

лотой Звезды не более чем обыкновенный булыжник. Именно такова цель ордена — проявить непроявленное. И именно поэтому за десять тысяч лет он должен был бы рассыпаться в прах.

— Ты поражен тлей неверия. Твоя дотошность не делает тебе чести, Магистр... Хорошо, что следует из твоих слов?

— Следует то, что мы проводим время за кубком бургундского и задаем друг другу вопросы, на которые не знаем ответа. Давай лучше выпьем, Карвен. Поднимаю, по светским правилам, кубок за то, чтобы сбылось все, о чем мы мечтаем и чему суждено сбыться.

Глотая терпкое вино, я искоса поглядывал на настоящего. Он поднес свой кубок к губам, пригубил вино, расprobовал, поморщился, будто почувяв что-то неладное, потом проглотил содержимое одним махом.

Мы посидели еще несколько минут, перебрасываясь малозначительными фразами.

— Старость, — неожиданно вздохнул Карвен, поведя плечами так, что хрустнули суставы. — Когда-то я мог выпить сколько угодно, но годы вынуждают меня довольствоваться малым. Что-то я нехорошо чувствую себя.

— Вино не крепкое, но ударяет в голову.

— Пожалуй, что так. Доброй ночи. — Карвен задышал чаще, его лицо стало приобретать синюшный оттенок. И тут в его глазах появилось подозрение.

— Доброй ночи, Мудрый. Мне жаль, что так вышло. Прощай.

— Ты... — В эту секунду он понял все и дико уставился на меня, язык уже почти не слушался его. — Ты отравил меня?

Он попытался встать, уперевшись дрожащими руками в стол. Это усилие истощило его силы, и он упал, уронив голову в ладони, а потом повалился на пол.

— Мы встретимся в новом круге, Карвен. И ты не будешь держать на меня зла.

В соседнем помещении, как всегда, грелся у очага горбун и играли в «кости» монахи, которые должны были охранять Мудрого днем и ночью.

— Мудрый просил не беспокоить. Он вздремнул и не хочет, чтобы его покой был нарушен кем-то.

Старший телохранитель кивнул и вернулся к игре. Перед ним уже была груда монет — ему везло.

Теперь нельзя терять ни минуты. Я чуть не бегом спустился в подвал, ведущий в библиотеку. Вот и нужное место. Я нажал на камень — открылся черный проход, из которого потянуло сыростью.

Я готовился основательно и не один раз обшарил эти мрачные, со склизкими стенами потайные ходы. Сеть их была сильно разветвлена, и, в случае если враги возьмут монастырь с боем, чего пока никому не удавалось, братья могли бы продержаться здесь сколько угодно. Никто, кроме настоятеля, колдуна, а теперь и меня, не был знаком с расположением всех ходов-переходов.

Я задел лицом паутину и, выругавшись, стряхнул ее. Где-то внизу капала вода. Я протиснулся в проход, справа была келья с узким окошком, около которого лежала истлевшая человеческая рука. Видимо, этот человек в последний свой миг пытался выбраться, кулаками разбить камни, но не смог. Кто он был — отшельник, пленник ли, — теперь уже не узнаешь.

Поднявшись по каменной спиральной лестнице, я добрался до нужного места. Отодвинув заслонку, приник глазом к отверстию и смог с трехметровой высоты обозревать все, что происходит в комнате настоятеля. Тот, кто делал глазок, знал толк в своем деле. Из комнаты заметить наблюдение было почти невозможно. Глазок скрывался в медном барельефе, изображавшем библейский сюжет.

Я чуть было не опоздал. Долкмен уже находился в комнате, где очутился благодаря тем же потайным ходам. Еще несколько минут назад он стоял на этой же площадке у этого же глазка и украдкой, с ощуще-

нием, что все-таки одержал верх, обманул, вышел победителем, наблюдал за мной и Карвеном, терпеливо подслушивая наш разговор и взирая на то, как белый порошок растворяется в вине.

Итальянец прошелся по комнате, прислушался к какому-то звуку, взял кубок, посмотрел в него, поставил на место и рассмеялся. Он нагнулся над рас простертым телом Карвена, провел ладонью над его лицом, определяя, действительно ли тот мертв, нет ли дыхания.

— Загнулся все-таки, земляной червяк. — Он пнул тело ногой и рассмеялся.

Некоторое время он колдовал над оббитым медью, изумительно инкрустированным разными видами дерева и камня сундуком. Наконец сумел нашарить нужную пружину, и сбоку отъехала панель, за которой был небольшой тайник, где Карвен хранил самое ценное. Долкмен вынул лежащие там вещи: крупные и дорогие бриллианты, браслет со змеей и солнцем. Он кинул их на стол и снова запустил руку в нишу. Теперь ему удалось найти то, что искал. Он сжал в руке камень, и выражение его лица при этом было таким же, когда он рубился с турком. Неистовство и ожесточение были в каждой черточке его лица, в каждом изгибе его губ.

— Все-таки Черный Образ был у него!

Пора было начинать действовать. Момент пришел. Я спустился по ступенькам, протиснулся в тесный проход. Впереди мерцал слабый свет. Дверь в комнату настоятеля Долкмен не закрыл, чтобы при возможности быстрее исчезнуть.

Как я уже говорил, годы странствий и скитаний развили во мне немало способностей, среди которых было умение почти бесшумно передвигаться. Я подобрался к открытой двери. С этой позиции я вновь мог видеть Мудрого. Он был теперь от меня всего лишь в нескольких шагах. Обернись он назад, Долкмен вполне мог бы увидеть меня.

Итальянец подошел к столу, на котором дрогорала свеча, и поднес свою добычу к свету, чтобы повнимательнее рассмотреть ее.

— Проклятие, — выдавил он и сжал камень в кулаке. Вслед за этим последовали выражения, которые я вряд ли решусь повторить в приличном и достойном обществе.

Я выступил из тьмы и насмешливо воскликнул:

— Ты прав, брат. Это не Черный Образ. Ты попался на тот же крючок, на который сам хотел поймать Лагута.

— Я?! Да... — Глаза его готовы были выкатиться из орбит. — Я убью тебя! Плевал я на твой жезл! Мы будем вместе гореть в аду!

Рука его охватила рукоять длинного кинжала толедской стали, который он постоянно носил с собой. Ярость его была так велика, что в этот миг он готов был отдать свою жизнь за наслаждение увидеть мой труп.

Брат Долкмен, быстрый и опасный, как дикая кошка, бросился на меня. Как ни проворен я был, мне стало ясно, что я не успею отразить его удар. Я даже не успевал выхватить свой нож. Единственное, что я мог сделать, — отступить назад и хлестнуть его по лицу полой длинного плаща, который так хорошо скрывал в темноте мою фигуру. Долкмен отпрянул, и лезвие его кинжала рассекло воздух. Потерял он всего лишь секунду, но ее хватило на то, чтобы нож Магистра Хаункаса, с ручкой, отделанной драгоценными камнями, где изумрудная змея обвивала рубиновое красное солнце, вошел ему в живот.

Нечеловеческий рев огласил комнату. Долкмен, всесильный Мудрый, сеятель зла, как карты тасовавший графов и королей, один из истинных властелинов мира, протянул руки, пытаясь схватить меня, сделал два шага и рухнул всей массой на каменный пол.

Едва его горло исторгло последний стон, ветер, упругий, вещественный, будто сотканный не из воздуха, а из морской воды, прошел по помещению, прошелестел по углам, поиграл с огоньком свечи. Раздался треск и грохот. Бронзовый герб ордена, висящий под потолком, раскололся надвое и упал. Душа Мудрого металась по помещению, стараясь, прежде чем устремиться на большой круг, найти и покарать обидчика, но Долкмену это не удалось — ведь мертвым не дано власти над живыми.

Я обернулся и увидел, что Карвен, остававшийся до этого неподвижным, пытается приподняться.

— Магистр, — выдавил он.

Я склонился над ним, помог ему присесть, влил ему из фляги, которую всегда таскал с собой, живительного эликсира.

Карвен и не думал умирать. Вместо яда я всыпал ему в кубок порошок, который, не нанося вреда здоровью, обездвиживает тело, и всякий смотрящий на него посчитает, что сей человек умер. За день до этого Орзак весьма умело предложил Долкмену заключить союз и заявил, что я собираюсь что-то предпринять против Карвена. Пересказывать придуманную нами сказку долго и ни к чему, но Долкмен был одурчен и убежден, что я решился-таки разделаться с настоителем. Еще Орзак сказал ему, что Черный Образ находится у Карвена и хранит он его в своем сундуке. Колдун выудил из сундука Долкмена подделку, которую тот сам всучил легковерному турку, и пристроил ее в тайнике Карвена. Хитрость Долкмена обратилась против него самого.

Я победил Долкмена! Я победил двух Мудрых! Я смог сделать это! Ликование и восторг охватили меня. Я опять оказался умнее и сильнее их. О, как восхитительно было ощущение рушащихся под твоими ударами стен, ощущение силы!

Карвен пришел в себя и тер виски, согнувшись на стуле. Я увидел, что он действительно стар. Настоя-

тель откинулся на спинку стула, вперив в меня холдный взгляд:

— Ты убил его, Магистр... Зачем? — он говорил с трудом; язык еле ворочался.

— После всего происшедшего тебе все еще не хватает свидетельств его вины?

— Хватает. Но Мудрый должен быть осужден пред Камнем Золотой Звезды.

— Я оборонялся.

— Ты все подстроил так, чтобы прикончить его.

— Ты можешь думать как тебе угодно.

— Теперь остался я один. Я и камень. Это тяжело.

— Нет, нас осталось двое.

— Нас будет двое, если тебе удастся пройти через первые ворота.

— Нас будет двое, когда я пройду через первые ворота.

— Ты самоуверен. Может быть, тебе это удастся и ты получишь свое имя. Но ты не имел права убивать Мудрого.

— Ты так считаешь? Нет, я имел право. Ты же знаешь, Мудрый, что Кармагор — это я!

Карвен нахмурился, и взгляд его уперся в пол. Неуместное чувство гордости переполняло меня. Мне казалось, что во мне играет мощь, готовая перелиться через край. И эта роль противна мне. Ну а если... Нет, это просто невозможно!.. Но новая мысль все глубже проникала в меня. Может, действительно есть резон в служении Тыме. Может, это и есть истинное чувство освобождения. Может, действительно мне суждено стать Кармагором! А вся прошлая жизнь — жизнь добропорядочного христианина, добродетельного лекаря была лишь маской. И в час Черной Луны Фриц Эрлих станет Кармагором, властелином мира и вершителем судеб человеческих.

Теперь я видел на лице настоятеля испуг и почтение. Я все-таки пробил броню его равнодушия. Ви-

димо, было в этот миг во мне что-то такое, что рассеяло его сомнения. Он видел в моем лице сбывающиеся надежды, грядущую власть Трижды Проклятого и Трижды Вознесенного, пред глазами его стояли неисчислимые полчища сатаны, которые я приведу на эту землю, и, по мановению руки моей, они рванутся в страшную и беспощадную битву за этот мир.

— У тебя еще есть сомнения, Карвен?

— Нет.

— Я пройду через первые ворота! — В этот момент я уже отогнал от себя все дикие мысли и думал лишь об одном, чтобы голос мой звучал искренне и могуче, чтобы настоятель не почувствовал в нем фальши.

— Завтра ночь Черной Луны, — произнес Орзак, почтительно склонив голову. — Астральные течения сойдутся в точке, именуемой первыми воротами. И проявится то, что предназначено, все скрытое обретет жизнь.

— Так и будет.

— Начнется твоя новая жизнь, и ты презреешь и отринешь все, что было раньше.

Перед колдуном лежал кристалл, дошедший до нас из легендарной Атлантиды, а также большая книга, куда он записывал историю ордена. Он предвкушал, как завтра начнет самую важную страницу. В ней будет описание того, как рушатся земные устои.

— А ведь ты, Орзак, до последнего момента не верил мне. Червь сомнения точил тебя. Почему?

— Ты хочешь откровенности, Хаункас? Но властители мира не любят ее.

— Я достаточно разумен, чтобы понимать: сильных мира всегда губили иллюзии. Когда могучие императоры и цари оказывались в их власти и переставали видеть вещи такими, какие они есть, — это было началом их конца. Поэтому карать я буду лишь за предательство, но не за откровенность.

— Когда ты возник из неизвестности, напористый, уверенный в своих силах, еще не так давно осужденный на смерть, едва не погубивший орден, я был поражен твоим безумством. И с самого начала не верил ни единому твоему слову. В тебе была фальшь, присутствовало что-то неуловимо враждебное. Ты был чужой. Все мастерство колдуна, все мои способности твердили об этом. Я готов был сказать свое слово, но слова мудрецов так мало значат для Мудрых.

— Ты расхваливаешь себя, Орзак, заботясь о теплом местечке на будущее. Со мной это ни к чему. Говори суть.

— Меня даже посещали сомнения: а на самом ли деле ты Магистр Хаункас? Не секрет, что не осталось в живых никого, кто лично видел Магистра.

Я улыбнулся. Он почти что распознал меня, и слава Богу, что Мудрые не привыкли прислушиваться к словам колдунов.

— Вскоре сомнения мои поколебались. Когда ты одолел Торка, я ощутил в тебе присутствие пока что дремлющей мощи. С того дня с каждым часом крепла во мне мысль: ты и есть Кармагор. Но ты вел странную игру, направленную против иерархов ордена. Я чувствовал, что Лагут погиб не без твоей помощи.

— Ты ошибаешься!

Кто мог ожидать такой проницательности от этого человека! Он уже с самого начала раскусил меня.

— Хорошо, я ошибаюсь. Но ты просил откровенности. Мне представляется, что мой рассказ утомил тебя и ты хочешь отдохнуть.

— Продолжай.

— Я изучал тебя каждое мгновение, которое ты проводил в библиотеке. Я видел, какой интерес в тебе пробуждают эти книги, как всей душой ты тянемся к сокровенному знанию, и я ощущал, что мощь твоя вскоре готова вырваться наружу. Наступило время твоего пробуждения. Теперь у меня нет никаких со-

мнений. Я рад, что ты сам начинаешь приходить к этой мысли. Она уже почти овладела тобой. Не надо сопротивляться своему предназначению.

— Я не сопротивляюсь. Я давно знал это.

— Нет, Хаункас.

Его прищуренные глаза уперлись в меня. Возникло неприятное ощущение, что он заглядывает в самые глубины моей личности. Эти глаза излучали дьявольский огонь, они пронизывали меня. Таким Орзака я никогда не видел. Теперь я начинал понимать, почему он слыл лучшим чернокнижником нынешнего времени. Конечно же, не за многочисленные фокусы, а за способность видеть то, что укрыто от взора других.

— Ты, Хаункас, не знал этого. Ты узнал это лишь недавно. Ты наконец-то понял, где лежит твоя дорога. Ты почти вышел на нее. Я счастлив, что дожил до этого мига. Предсказаниям Гурта Проклятого суждено исполниться. И кто бы ты ни был — Хаункас или кто-то неизвестный, проникший сюда, неся в себе ненависть к ордену и Тьме, — все это в прошлом. Твой час пробил. Ты выходишь на дорогу, и обратного пути тебе не будет.

Он пригнулся ко мне, в его бездонных глазах было что-то воистину дьявольское. Ну конечно же, он знал все! Может быть, с самого начала.

Игра закончилась. Фриц Эрлих, странствующий лекарь и добрый католик, желавший победить зло, проиграл в этой игре. Зато выиграл Кармагор — властелин нового, не знающего пощады и милосердия мира.

Мысли и чувства, посетившие меня в момент, когда я стоял над трупом Долкмена, были мной потом с негодованием отвергнуты. Они казались мне невозможными и дикими, и, думалось мне, одолеть меня они могли только на миг, когда я лишь чуть-чуть приоткрыл дверь злу и неверию. А вот теперь я понимал, что противиться им нет никакого смысла. Ибо нет ничего в мире, что могло бы сравниться со сла-

достным ощущением владения мощью. Все равно этому миру предначертан конец, даже святые христианские книги говорят об этом. Так пусть лучше новым хозяином измененной Земли буду я, у кого остались представления о чести и справедливости. Да, я буду править справедливо. И, как говорил Орзак, в этом мире тоже будет смысл и красота. Возможно, он будет даже не хуже нынешнего. Впрочем, все это размышления о чем-то, не имеющем значения. Главное, в этом мире я буду обладать властью над Силой!

— Так кто же ты, Магистр?

— Я — Кармагор.

— Повтори.

— Я — Кармагор!

Мой крик прокатился по коридорам. Я обхватил плечи руками. Было зябко. Впрочем, нет, в подземелье не проникал холод. Просто озноб проник в каждую частицу моего тела и заморозил его. Но не только лед царил во мне. Радость освобождения и предчувствие скорого обретения Имени.

— Скажи, Орзак, это ты все время следил за мной?

— Я не следил за тобой. Я не слежу ни за кем. Мне это не нужно. Мало ли кто мог следить за тобой, Магистр. Тут каждый шпионит за каждым. Таков наш орден, и иного не дано.

— Может, и так.

Я нашел ответы на многие вопросы. Но кто следил за мной, кто приходил в мою комнату, чей смех я слышал, чье присутствие ощущал как реальную тяжесть, — так и оставалось неясным. Это вряд ли был кто-то из Мудрых, а тем более из слуг. Но это уже неважно. Никто и ничто не могло теперь помешать мне.

Поздно вечером молчаливые монахи принесли мне все, что понадобится для завтрашнего посвящения. Черная накидка из мягкого, немнущегося, очень прочного материала, в которой было проведено через

первые ворота столько Мудрых, была почти невесома. В рукоятке острого, с длинным лезвием кинжала сиял большой алмаз. Этим кинжалом завтра я рассеку себе ладонь, и кровь моя, капая на кристалл и породив меня с ним, ознаменует приход в мир великого сына Люцифера, а с ним и приход нового порядка вечей.

Черная накидка ниспадала с моих плеч, мои пальцы сжимали рукоятку кинжала. Я стоял в самом центре Зала Камня Золотой Звезды, перед Цинкургом. На меня были обращены взоры всех, кто в эту минуту находился здесь. Не так часто проходили церемонии вхождения в первые врата, и лишь счастливые имели возможность наблюдать их, чтобы потом никогда в жизни ни на миг не забывать о том, свидетелями какого зрелища явились.

Зал Камня был ярко освещен огнями факелов и больших черных свечей, которые держали монахи в надвинутых на голову капюшонах. Я оглянулся. Вот хитро озирающийся брат Арден, который не так давно приводил меня на суд, а потом просил прощения. Его я знаю еще с Москвы. А вон его хмурый товарищ, который яростно ненавидел меня, когда я был отверженным, и будет верно служить мне, когда я стану Мудрым. А вон согнулся, спрятив руки под мышки, Робгур — немой горбун. В его пустых глазах сегодня тлела искра интереса к происходящему.

Голову туманил дым от жаровен, в которые Орзак кинул какой-то порошок, приготовляемый целых пять дней при помощи сложных алхимических приспособлений. Пол передо мной был расчерчен пентаграммами, незнакомыми символами и изображениями. Стрела указывала на Цинкург. Вот это и есть первые врата — три шага до камня, которые сможет пройти лишь тот, кому судьба предназначала это.

Рядом со мной Карвен. Ему предстояло, взяв меня за руку, провести эти три шага. Всего лишь неболь-

шой отрезок, который в обычной обстановке человек пройдет за секунду. Но он отделял меня от новой жизни, где мне предназначалось достичнуть вершин и изменить все сущее. В том будущем мире ожидало меня высшее наслаждение, сокровенный смысл, к которому я, наверное, стремился всегда.

Колдун, находившийся по другую сторону камня, упал на колени и бросил щепотку порошка на жаровню, едкий дым пополз по помещению, сгущаясь и клубясь вокруг Цинкурга. Казалось, камень дышит им.

Орзак начал напевать слова ушедшего и забытого языка. И слова эти будто взывали к стихиям, открывали щелку в иной мир. Недаром говорят чернокнижники, что звук — это ключ к сути вещей, а вовсе не банальное звуковое наименование какого-либо предмета.

Надтреснутый голос Орзака нарастал, колдуну вторил хор монахов. Меня начинала бить дрожь, мелкая и сильная, но не такая, как от страха или холода. Наоборот. Это энергия слов мертвого языка передавалась мне, вибрировала в каждой частице моего тела.

Цинкург притягивал мой взор. В камне опять открывался вход в иную сущность, куда разумом мог проникнуть только счастливый избранный. Сейчас в Цинкурге царила не зияющая пустота, где нашел свое пристанище Торк. В нем теплилась жизнь. Непонятная, непостижимая. В мире, входом в который служил камень, все устроено на какой-то иной, неподвластной нашему разуму основе. Там было Нечто, затягивающее в свой круг звезды и планеты, перестраивающее все на свой лад, не выносящее рядом с собой ничего иного, отличающегося от него. Там было Нечто, великое и потрясающее разум. Я понял, моя задача, цель Кармагора — распахнуть эту дверь. Швырнуть Землю к Его ногам. И цель эта была прекрасна!

— Пошли, брат.

Пальцы настоятеля сжали мою руку. Мне стало понятно, что, несмотря на свое будущее величие, я жалок и бессилен перед лицом Его, перед ужасающим Нечто. Не имело теперь значения, хочу ли я служить Ему, по душе ли мне это служение, захочу ли я открыть Ему ворота. Выбора у меня нет. Меня будто влекла вперед полноводная река, и смешно мне, жалкой щепке, противиться могучему потоку. Потоку, который растворял в себе целые Вселенные.

Я сделал свой первый шаг, а хор все нарастил, и уже не существовало вокруг меня ничего, кроме этих голосов да непостижимой глубины Цинкурга — Камня Золотой Звезды, который растворял меня в себе. Отныне мои помыслы, стремления, поступки безраздельно принадлежали хозяину камня. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из предшествовавших мне Мудрых испытал что-либо похожее. Я ведь был первым Кармагором, и потому чувства при прохождении через первые врата у меня должны были быть исключительные.

Еще шаг. Напевы становились оглушительными. На самом деле или мне это казалось, из глубин шара Он смотрел на меня — безмерно мудрый и невыразимо ужасный. Этот ужас был готов перешагнуть порог моего мира, и перед ним все, что было создано на пути зла человечеством до этой поры — пытки инквизиции и кровь крестовых походов, терзания первых христиан и ритуальные убийства племени инков, — все это было мелко и несерьезно. Этот ужас был квинтэссенцией, чистой идеей кошмара, которым нет в человеческом языке достойного обозначения. Но пустота, отвращение и отчаяние держались во мне недолго. Невыразимое счастье от прикосновения к этой невиданной силе переполнило меня, и я окончательно понял, как привлекательно зло и почему столько душ попадают в силки дьявола.

Упоенный незнакомыми мне доселе ощущениями, слегка оглушенный, глубоко вдохнув густого, словно

кисель, воздуха, я сделал третий шаг. И вот я почти вошел в первые врата, и они готовы были пропустить меня. Через мгновение Я — Кармагор, сейчас прозвучит в зале имя нового самого великого сына Тьмы.

Оставалось немногое. Я прошел тернистый путь от неверия и обмана, от стремления разрушить орден к сознанию истинного своего предназначения, истинного порядка вещей. И всего-то навсего, что мне нужно было сделать сейчас, — пролить кровь. Свою кровь.

— Торопишься, время подходит, — прошептал Карвен.

— Да, — выдавил я с трудом.

Я сильнее и сильнее сжимал рукоятку кинжала, мне казалось, что желтый алмаз вот-вот рассыплется в моих стальных пальцах.

— Кровь, Хаункас! Ты должен скрепить этот союз кровью.

— Кровь, — прошептал я чуть слышно.

При этом слове, будто из иной жизни, прожитой не мной, а каким-то другим человеком, возникла картинка — девочка, нож, кровь. Ее кровь на Камне Золотой Звезды. Это было, наверное, несколько тысяч лет назад. Может, еще до потопа, до того, как Атлантида ушла в бушующие морские воды. Нет, неправильно. Мой затуманенный мозг все-таки смог нашупать нить — это было всего несколько дней назад. Ее кровь открыла путь Торку. Моя же кровь — кровь не жертвы, а союзника, избранного Им из миллионов и миллионов людей.

Я поднял нож. Потом все сдвинулось, и секунды стали равны минутам, а минуты — часам. Время замедлило свой ход, и мысли стали вялыми и ленивыми. Разве так важно, что ты думаешь? Важно, что ты делаешь. И порой, будто подталкиваемые импульсами из самых черных или светлых глубин души, мы способны сделать то, о чем и помыслить не можем, о чем позабыли давным-давно — несколько тысяч лет. Или всего лишь несколько дней?..

Моя рука медленно двинулась вперед. Краем глаза я видел застывших в безвременье монахов. Время отныне двигалось вперед только моими усилиями, я толкал его движением моей руки с зажатым кинжалом. Это было трудно. Наверное, с таким же трудом Сизиф толкал свой камень. Сколько прошло — секунда, минута? Наконец лезвие достигло цели. По самую рукоятку оно вошло в грудь Карвена. Я повернул голову и услышал громовой запоздалый крик: «Остановись!» Это кричал немой горбун.

Как говорил колдун, вероятность того, что пророчество сбудется, не больше восьми шансов из десяти. Даже если оно дано в Откровении великого чернокнижника Гурта. Два шансы — это человеческая воля — в последний момент пойти наперекор судьбе, вспомнить, что есть в тебе частица Творца.

Что толкнуло мою руку, когда все были уверены и сам я тоже, в осуществлении предназначенногоНе знаю. Может быть, воспоминание о детских, полных слез глазах. А может, отвращение к Нему все-таки перевесило сладостное упоение Его мощью. Или проснулся во мне старина Эрлих, бесшабашный рубака и путешественник, бессребреник и чудак, лекарь, кому столько людей были обязаны жизнью и кто никогда не щадил себя в борениях за правое дело. Или все-таки снизошла на меня тогда искра Божьей благодати и озарила все вокруг, высветив безобразное. Разве поймешь. Но, как бы там ни было, кинжал не рассек мою кожу, а вонзился в грудь последнего Мудрого, и его кровь, а не моя хлынула на Камень Золотой Звезды. Произошло самое страшное из того, о чем только могли помыслить высшие иерархи Чёрного Ордена...

Все было задумано Адептом с самого начала. Не столь важно было уничтожить Мудрых — на их место пришли бы другие. Предотвратить наступление часа

Люцифера могло лишь уничтожение Камня Золотой Звезды. А для этого следовало убить всех, кто связан с камнем невидимыми нитями, то есть Мудрых, причем кровь последнего из них должна была оросить Цинкург. А после этого надлежало разбить сам камень Жезлом Зари.

С последним Мудрым я все-таки разделся. Если кто-то и понял, что я хочу сделать, помешать мне был уже не в силах. Поздно!

Я толкнул Карвена, зажавшего рану рукой, на камень, и он упал грудью на Цинкург. Капли его крови оросили шар. Настоятель приподнялся, с ужасом посмотрел на меня и рухнул бездыханным.

Красные капли закипели, просачиваясь внутрь Цинкурга, вызывая бурю в том мире. Я ощутил смятение Того, чьи глаза еще недавно искали меня, видя во мне своего раба, свое орудие. Потом в камне все пошло кувырком, пол заходил у меня под ногами, я едва не упал и лишь из последних сил оставался стоять на месте.

Бросив нож, я выхватил из-за пазухи жезл Зари и сжал его обеими руками. Теперь мне казалось, что двигаюсь я слишком медленно, что не успею довершить начатое. Но я успел. Я изо всех сил опустил жезл на камень.

Сперва мне показалось, что ничего не произошло. Шар отозвался хрустальным звоном, от удара жезл Зари выпал из моих рук. Получается, что все зря. Цинкург уничтожить невозможно!

Но вот по поверхности шара пробежала рябь, и Цинкург стал, нет, не рассыпаться, не раскалываться, он стал расползаться, расплываться, будто это и не камень вовсе, а какая-то мерзкая слизь. Что-то еще недавно бывшее живым. И слизь эта стала испаряться. С жезлом Зари происходило то же самое, что и с Цинкургом. Когда я ударил жезлом о шар, то камень на его верхушке вспыхнул, и мне показалось, что по залу прокатился вопль боли и ужаса. Чей он был —

сатаны, кого-нибудь из его подручных, того, чью сущность нам вообще не дано постигнуть разумом?

Тут послышался настоящий вопль ужаса. Это ворил Орзак, вцепившись себе в волосы и безумными глазами глядя на меня...

Время начало течь привычно, но все закипело, пришло в движение. Теперь я должен был умереть. Одни монахи потянулись к развешенному на стенах оружию, другие присматривали что-нибудь тяжелое, трети готовы были разорвать меня голыми руками. Я нагнулся и поднял испачканный кровью последнего из Мудрых кинжал. Это оружие было не очень внушительным. Я мог рассчитывать лишь на то, чтобы унести с собой в могилу побольше врагов. Я был хорошим бойцом, и последний мой бой должен быть достойным.

Я перехватил алебарду и воткнул нож в живот первого нападавшего. Теперь я владел его оружием. Двух-трех, а может и более, я надеялся убить, прежде чем свет навсегда померкнет в моих глазах...

И тут началось нечто невообразимое. Все вокруг заходило ходуном, послышался нарастающий утробный гул, пробирающий нас kvоз. Нечто подобное мне довелось пережить в дальнем азиатском походе — тогда за несколько мгновений богатый красивый город превратился в развалины. Насколько я знаю, наша старая матушка Европа давно не подвергалась подобным буйствам стихии. Раздался оглушительный звон — это со стен начали сыпаться металлические щиты с гербами ордена. По стенам, будто змеи, ползли трещины. По полу побежали волны, как рябь по воде. Удивительно, но плиты пола не крошились. Будто камни перестали быть камнями, а стали какой-то вязкой субстанцией. Дохнуло сыростью. Гасли свечи и факелы, зал погружался во тьму. В криках боли и отчаяния метались слуги ордена, и угроза быть погребенным под обломками вовсе не казалась умозрительной.

Шар. Цинкург. Ну конечно, это непотребное буйство вызвано разрушением Камня Золотой Звезды. У меня появился шанс.

В поднявшейся суматохе, безжалостно орудуя древком и острием алебарды, отталкивая обезумевших от ужаса и рвущихся наверх детей Тьмы, я сумел пробиться к выходу. Стиснутый стонущей, пыхтящей, ругающейся толпой, я вскарабкался по ступенькам. Я был свободен от опасности оказаться замурованным, и я был жив, а не растерзан на клочки слугами ордена. Я бежал по наполненным шумом и страхом коридорам до тех пор, пока не выскочил во двор.

Надежда окрыляла меня, прибавляла сил. Я сделал все, что мог, и теперь появилась возможность того, о чем я и не мечтал, — спастись. Помогите мне, светлые силы! Я ведь заслужил это!

Набрав побольше воздуха, я прикрыл накидкой лицо и со страхом шагнул на булыжник двора. В сумраке и суматохе я вполне мог остаться неизвестным и попытаться покинуть монастырь, если повезет. Но нет...

— Хаункас! Держите, убейте его! Убейте!

Орзак! Я столкнулся с ним чуть ли не лицом к лицу. Он был из числа немногих, кто не потерял самообладания. Несколько братьев откликнулись на его призыв, хватая палки и камни, они кинулись мне наперерез. Из коридора выбежало еще человек пять, отрезая мне выход из тесного дворика. Все, пути к спасению не было. Мне все-таки не уйти от смерти, которая уже готова насытиться мной.

Первое время меня выручало то, что враги растягивали свое оружие и мешали друг другу. Я уклонился от удара палкой, и по инерции она сшибла стоявшего рядом монаха. Я разрубил руку одному брату, сшиб с ног другого. Но долго так продолжаться не могло, и меня все же прижали к каменной холодной стене.

— Не толпитесь, болваны! — орал Орзак. — Постройтесь в ряд, а не прите, будто свиньи на помой!

Слова его возымели действие, среди нападавших возникло какое-то подобие боевого порядка, а тут еще подоспели двое с саблями. На секунду враги замерли, и я понял, что сейчас они бросятся на меня. Я убью одного, может, двух, а потом буду растерзан. Смерть моя не будет очень тяжелой. Они не смогут сдержать ярость и быстро расправятся со мной. А рвать на части станут уже мертвое тело. Но тогда мне станет уже все равно — душа моя начнет большой круг.

И они кинулись! К этому времени подземные толчки стихли. Землетрясение, рожденное энергией гибнущего Цинкурга, почти закончилось. Но напоследок, будто на прощание, из последних сил Камень Золотой Звезды нанес чудовищный удар. Земля ушла из-под моих ног, и я упал. Шум и грохот, вопли и треск оглушили меня. Рядом сыпались камни, столбом стояли клубы пыли, забивая нос и глаза. Когда я пришел в себя, то увидел рядом груду камней. От последнего толчка часть стены, у которой я стоял, обвалилась и погребла под собой немало моих врагов. Уцелевшие меньше всего думали обо мне.

Спотыкаясь о камни, из-под которых виднелась чья-то рука, я бросился вперед. Обрушившаяся стена открыла проход в соседний двор, а дальше лежал путь к воротам. Около них тоже никого не оказалось. Страх разметал всех. Монахи старались держаться по дальше от стен, которые вполне могли рухнуть. Механизм моста работал прекрасно, и с ним мог справиться один человек. Ну вот и все — я спасен!

Тьма уже почти скрыла поля, дальше черной массой выделялся принадлежащий монастырю лес. Я быстро окинул окрестности взором и шагнул на мост. Вот и все, цитадель дьявола осталась позади. Погоня в ночи обречена на неудачу. И теперь я могу надеяться на помощь Адепта.

Дорогу я нашел без труда. Правда, добраться до заброшенной охотничьей хижины оказалось не так-то

просто. Крики ночных птиц, шорох зверей, возможно хищных, пугали. Ноочные лесные страхи были просто смешны по сравнению с тем ужасом, который я оставил позади. Как хорошо выбраться на волю! Как хорошо просто жить и не думать ни о чем! Больше никогда я не ввяжуся ни в какую подобную историю. Хватит! На пятом десятке я заслужил наконец спокойную жизнь. Впрочем, в душе моей вряд ли воцарятся мир и спокойствие после того, что я пережил.

Убранство хижины не отличалось богатством — лавки, грубый стол, изрезанный ножом, печь, охапка хвороста в углу. Я растопил очаг и немножко согрелся.

Сидя на скамье, я прикрыл глаза. Заснуть не удавалось. Картины того, что недавно произошло со мной, стояли перед глазами. Отрадно было, что все это кончилось.

— Ты думаешь, так просто уйти после всего того, что ты наделал, Хаункас? — услышал я незнакомый голос, прозвучавший неожиданно, как гром среди ясного неба...

Как он вошел? Через дверь? Через окно? Протиснувшись в дымоход? Кто же разберет, как он это сделал, чертово отродье! Во всяком случае, дверь была заперта, окна заколочены.

Он не стал привлекательней, но уже не был жалок. Его движения больше не страдали неуклюжестью, наоборот, в них ощущались необычная сила и ловкость. Мне, повидавшему на своем веку немало бойцов, показалось, что этот не из тех противников, с кем мне хотелось бы скрестить сабли. И главное — он говорил! Я думал, что мне почудился его вопль в тот миг, когда мой кинжал вошел в грудь Мудрого. Но нет, не почудилось. Горбун изъяснялся так же свободно, как может это делать человек, никогда не страдавший немотой.

Робгур держал в руке длинную шпагу. Он пришел за моей жизнью.



— Ты удивлен, Хаункас?

— Я удивлен, Робгур.

— Я тоже. Ты предпочел жалкую учесть быть убитым и опозоренным, а не власть, о которой никто из приходивших на эту землю не смел и мечтать. Почему? Я хочу понять.

— Ты, дьяволов помет, вообще вряд ли что сможешь понять! Тебе, выросшему в темноте, полной пыли и тараканов, не понять, что такое свет солнца и настоящей, а не вашей убогой и мерзкой истины!

— С каких пор Магистр Хаункас заговорил о Свете? Может быть, Магистр Хаункас посвящен в слуги Света? — Голос его был спокоен, но за ним ощущалось зло в самом отвратительном виде. — Не поверю. Мне легче поверить, что ты — не Хаункас.

— Какое это имеет значение после того, как я исполнил то, что должен был? Ты пришел за моей жизнью? Так бери ее. Если только сможешь.

Я потянулся к алебарде, ощущая, как сковывают меня оцепенение и холод. Эти ощущения были хорошо знакомы мне. Ощущение присутствия чего-то склизкого и мерзкого.

— Всему свой час. Неужели ты не хочешь узнать, какие еще тайны скрывает орден? Неужели нет в тебе любопытства? Не слишком отрадно уходить в мир иной, когда на столько вопросов не получены ответы.

— Я выслушаю тебя. — Конечно, я был не против того, чтобы потянуть время, хотя и ощущал в его речах какой-то подвох. Меня действительно жгло любопытство.

— Больше всего ты удивлен, что немой заговорил. Это была всего лишь маска, скрывающая истинное лицо. Я — Хранитель, верный слуга Тьмы.

— Кто?

— Ты был совершенно прав, когда утверждал, что орден переполнен противоречиями, что его из века в век лихорадят распри. Сколько раз он был на краю пропасти, и казалось, вся мощь Тьмы, направленная

на ваш мир, не сможет его спасти. Скрепить распадающуюся ткань, наполнить ее новой жизнью — этому призваны служить Хранители, принадлежащие сразу двум мирам. Колдовство, скрытые силы и энергии — чем только не владеем мы. О нас мало что известно. Далеко не каждый Мудрый знает, что такое Хранитель.

— Почему же тебе просто не занять место Мудрого?

— Глупец. Хорошо то государство, где каждый занят лишь отведенным ему делом. Мы стоим в стороне, видя суть происходящего и способные влиять на него.

— Не всегда успешно.

— Да, я проглядел тебя, и за это мне нет прощения.

И тут я вспомнил, откуда мне знакомо ощущение давления и холода.

— Так это ты шпионил за мной, приходил в мои покой?

— Я пытался понять, кто ты есть. Ты был непроявленным Кармагором. Был, но перестал им быть!

— И это ты убил гонца. Зачем?

— Мы встречались с ним раньше. Однажды я привел в западню слуг ордена, среди них был и гонец. Он чудом остался жив и считал меня предателем. Глупец! Никому не дано проникнуть в подоплеку событий так, как Хранителям. И все, что делается нами, — во благо Тьмы. Он не был до конца убежден, что я — это я. Хотел найти доказательства. Эта суэта в столь важный момент была совершенно ни к чему, и ему надлежало умереть.

— И ты свалил его смерть на загадочного некто, ушедшего сквозь стену. А побоище турок и итальянцев? Это ты прекратил его?

— Я. Силы Цинкурга не подвластны Хранителю в той степени, как Мудрым. Но вместе с тем Хранитель

иногда может совершать с помощью камня то, что Мудрым делать не дано.

— О Господи!

— Я ошибся. В тебе я видел победу Его. Не будь этой уверенности, ты давно был бы мертв, и никакой жезл Зари не помог бы тебе. В любой момент я мог прервать твою жизнь.

— И ты не испугался бы жезла? Он не действует на Хранителей?

Робур вынул из кармана темный круглый камень и бросил его на пол.

— Черный Образ был у меня. Да, никто не мог представить, что возможно подобное — уничтожить Камень Золотой Звезды! Такое под силу лишь тому, на ком печать Тьмы. То есть непроявленному Кармагору. Но ты ошибаешься, если думаешь, что окончательно предопределил исход великой битвы. Ты лишь на сотню или две сотни лет отодвинул триумф Князя Тьмы и Его восхождение на престол этого жалкого мира. Что ж, тем слаше будет миг нашего торжества, тем радостнее победа. Мы умеем ждать. А Цинкург? Неужели ты думаешь, что простому смертному под силу закрыть Его врата в этом мире, в мире, разрываемому злобой и ненавистью? Нет камня, но есть другие двери. Хотя бы души, наполненные ненавистью, хотя бы умы, переполненные трусостью и предательством, хотя бы невежество и мерзость толпы... И появится новый камень, и не тебе, смертному, изменить ход вещей.

Он говорил и говорил, а голос его, вкрадчивый и тихий, будто железными путами оковывал меня.

— А ты, Хаункас, умрешь. И напрасно ты рассчитываешь на легкую смерть в поединке. Тебя ждет иная судьба. И погибель твоя будет воистину поучительна. Незавиден страшный круг, по которому устремится твоя душа, расставшись с телом, растирзанным немилосердным пыточным инструментом и огнем. У тебя будут тысячелетия терзаний на пути по

серому кругу, ты будешь иметь время, чтобы пожалеть о многом. О том, что не туда направил свой нож. Магистр, я позабочусь о тебе. Я не буду жалеть ни времени, ни сил, для тебя я сумею постараться.

Наконец я понял, как хитро провел он меня. Я не мог сделать ни одного движения. Он парализовал меня, лишил способности сопротивляться, заговорив своим вкрадчивым голосом. Я был полностью в его власти...

Я был полностью в его власти. Он мог делать со мной что захочет, а сомневаться в искренности его слов и в том, что он исполнит обещанное, у меня не было оснований. И я прокляну еще тот час, когда появился на свет.

Недвижимый, как деревянный чурбан, я сидел, прикованный своей беспомощностью к скамье. Единственno, что еще подчинялось мне, — глаза. Чувства и мысли мои были ясны, и от этого было еще хуже, поскольку я вполне мог проникнуться отчаянием при мысли о том, в какую западню попал. Судя по всему, ни пытать, ни убить меня здесь Робгур не намерен. Для исполнения его планов меня нужно сначала доставить в монастырь. Как он намерен это сделать?

Хранитель не спешил. Он обошел хижину, сдвинул ногой топчан, уселся напротив и стал бесцеремонно и настырно разглядывать меня. Это был не равнодушный взор Карвена, не иронический — Долкмена, не ожесточенный — Лагута. Я не мог понять, что кроется в нем. Я не ощущал ничего. С таким же успехом меня могла рассматривать римская статуя. Но все же за этим взглядом что-то было. Что-то непотребное и отвратительное.

Прошло несколько минут. Мы сидели неподвижно, будто заколдованные. Горбун тоже окаменел. В его фигуре, глазах было что-то неземное. Можно поверить в его слова, что он принадлежит двум мирам —

духа и материи. А он все смотрел и смотрел, и теперь большую тревогу во мне вызывали не красочно нарисованные горбуном картины предстоящих пыток, а вот этот взгляд.

Мне на миг показалось, что Торк своей мертвой рукой опять коснулся меня...

Дверь с треском вылетела. На пороге, в длинном алом плаще, в пропыленной богатой одежде, в шляпе со страусиным пером возник Адепт. Горбун, опрокинув чурбан, вскочил. Они встали друг против друга, оценивая противника.

— Оставь его мне, — прошипел как змея Робгур, сжимая эфес шпаги.

— Уйди, порождение Тьмы, заклинаю тебя именами Арбазга и Нугразга Пламенного!

— Оставь его мне!

— Уходи, исчадие Трижды Проклятого и Трижды Вознесенного, или ты погибнешь в бесславии и муке!

Адепт шагнул навстречу горбуну, вытаскивая длинный кинжал, на лезвии которого плясали красные руны. Робгур нахмурился, взор его был прикован к лезвию, которое напугало его. Но горбун был упрям.

— Он не нужен тебе. Оставь его мне. Мой...

— Уходи или оружие отца Света пронзит тебя!

Робгур прижался к стене, не отводя взгляда от кинжала.

— Хорошо, я уйду. Но я вернусь. Я приду за ним. Помни, Хаункас, где бы ты ни был, кем бы ты ни был, куда бы ты ни попытался исчезнуть — на дно моря или вершине самой высокой горы, — я всегда буду твоей тенью.

Робгур взмахнул рукой. Он не ушел. Он попросту исчез, будто сквозь землю провалился. Без вспышек, гари и запаха серы. Просто был — и нет. Да, из тайн ордена мне стала известна лишь небольшая их часть.

Обессиленно вытирая пот со лба, Адепт пытался отдохнуть. Казалось, что он пробежал не одну милю или выдержал бой на рапирах с сотней противников.

— Встань!

Он провел кончиками пальцев по моему лбу, оцепенение оставило меня. Вскоре я разогрел затекшие мышцы, унял дрожь в руках и коленях.

— Ты чуть не опоздал.

— Я успел вовремя.

— Что он хотел сделать со мной, когда смотрел мне в глаза?

— Не знаю. Это Хранитель. Признаться, я не очень верил в их существование. Одна из легенд ордена, одна из загадок великой битвы. Появляются они в переломные моменты, когда сгущается Тьма, и стараются ничем не проявить себя... Кстати, смею заметить, здесь оставаться опасно.

Мы вышли к дороге. Там к дереву были привязаны две лошади. От этих проклятых мест мы скакали, покуда хватило сил. Нашли отды whole на чистом и аккуратном постоялом дворе в небольшом городишке, славящемся соляными промыслами. Там, за добрым ужином и бокалом пива, я рассказал обо всем, что произошло в монастыре. Повесть моя не слишком удивила Адепта.

— Что-то подобное я и ожидал.

— Ты знал, что мне суждено стать Кармагором, и, вместо того, чтобы убить меня, направил прямо в логово, где мне предстояло стать великим порождением врага человеческого?

— Нет, о Кармагоре я слышал лишь вскользь. Но я чувствовал, что Тьмой тебе предопределено назначение. Но и Светом тоже! Ты был на перепутье. Я ощущал, что только ты сможешь уничтожить Цинкург. Или стать его хозяином. Теперь ты — слуга Света.

— Ничей я не слуга. С меня довольно! Мне нужен лишь покой.

— Ничего не получится. Вспомни слова Хранителя. Он ненавидит тебя и рано или поздно сойдется с тобой.

— Как? Я скроюсь на другом конце земли, я зароюсь так, что человеку не под силу будет найти меня.

— Человеку — не под силу. А Хранителю...

— Тогда лучше убей меня, я не хочу описанных им мучений! Или защити меня!

— Вряд ли это возможно.

— Ты, использовав, бросаешь меня... Видимо, я был не прав, отказываясь от Имени. Ваши законы столь же безжалостны!

— Не суди поспешно. Зарыться в толщу гор, найти пристанище в одном из хранилищ нашего ордена — бесполезно. Стрела и там настигнет тебя. Единственno, что я могу, — вступить рядом с тобой бок о бок в схватку. И...

— И победить!

— И умереть. Вместе с Хранителем. Обмен жизнь на жизнь в этом случае выгоден...

Марсельский порт шумел. У причала стояли лодки, парусники уходили в море к дальним землям, чтобы вести туда торговцев и солдат. Сегодня мы отплываем. Мне все еще не верилось, что Хранитель сможет отыскать меня.

Я стоял, держась за ванты, и смотрел на уходящий вдаль берег. Сколько раз уже это было со мной, сколько раз стоял я так, глядя на тающую вдали землю. Но никогда я еще не бежал, не скрывался. Дичью, за которой гонится хищник, я ощущал себя впервые.

— Тебе взгрустнулось, брат? — спросил подошедший Адепт.

— Нет, день слишком хорош, и в нем нет места грусти.

День действительно был великолепным. Яркое солнце, голубое небо, чайки и альбатросы, реющие в воздухе, — прекрасен этот мир! И возможно, очередное путешествие не будет столь неприятным. Адепт готовился к схватке, а я надеялся затаиться, уйти. Нет, не

найти мёня Хранителю в дальних землях, даже если он и самый могущественный приспешник дьявола!

И тут наш бриг качнуло. Ощущение было мне хорошо знакомо — холод и давление. Словно кто-то нащупывал неуверенной рукой в темноте, стараясь найти искомое.

Я вцепился в поручни, и, видимо, лицо мое искалилось.

— Что с тобой, брат мой? — спросил Адепт.

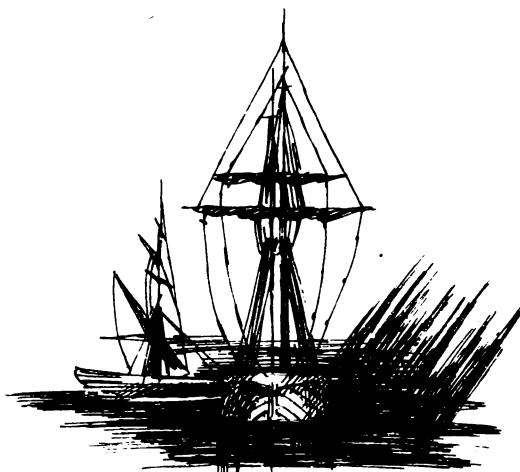
— Кажется, он нашел нас...

И не было больше брига, не было бездонного голубого неба над головой. Был только штурм — и я один на один со своим врагом, с врагом всего человечества. А может быть, это была только тень Еgo? Кто знает...



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДОРОГА НА АБРАККАР



За маленькими окнами комнаты сгущалась темнота. День умирал, чтобы завтра возродиться вновь и обрушиться на нас своими тяготами, суетой, бесконечными мелкими и крупными заботами, чтобы вновь выбросить меня и моего спутника в беспокойный кипящий страстями мир большого города, где в бессмысленной суматохе соприкасаются на миг и вновь разбегаются тысячи людей, где все грубо, просто и естественно, где все можно пощупать своими руками и где нет ничего — ни тайны, ни знания, ни Бога, ни даже самого сатаны. Но зато там полно ростовщиков и крестьян, судей и колодников, надменной власти и простолюдинов. Шум, ругань, крики, запахи — все это обрушится на нас с наступлением утра. Но сейчас Землю сковывал полумрак, ю овладевало какое-то полузыбытье. Из глубин души холодными змеями выползали сумрачные сомнения и страхи. И вновь охватывал с еще большей силой ужас, с которым мы жили уже почти год. И чуть ли не наяву ощущалось, как пальцы врага шарят вокруг тебя, иногда задевая морозным, пронзающим насквозь прикосновением. Я понимал, что с каждым днем враг все ближе. В нем горел холодный, адский огонь ненависти, который не угасал, а только разгорался с течением времени. Когда-нибудь он настигнет нас. Он придет во всеоружии. В бесовском злобном великолепии. Он будет готов ко всему, и его уже не устрашишь клинком с магическими рунами. И он

победит, ибо нет на Земле силы, которая может противостоять разгневанному Хранителю Робгуру.

Полумрак. Он предательски мягок, готов внушить успокоительные, смертоносные мысли. А может, не стоит никуда бежать? Может, лучше сдаться и просить пощады? Или вступить в неравный бой, подняться навстречу врагу и с честью уйти в новое воплощение? Но я знал, что даже смерти не освободить нас. Что мы обречены на то, чтобы идти вперед, живя вечным движением и надеждой. Надеждой на что? Этого я не знал. Но Адепт твердо верил, что надежда пока еще есть. И однажды ее вестник постучится в нашу дверь.

Весь год мы ни разу не останавливались в одном месте больше чем на три дня. Благодаря этому петля, протянувшаяся через многие мили в тонком мире, еще не затянулась на наших шеях. Хотя нет, неделю мы пробыли на одном месте, но сие не зависело от нашей воли. Эти дни мы просидели в тюрьме, в моей родной Пруссии, когда нас приняли за бродяг и намеревались всенародно высечь. И еще мы провели пять дней в стане разбойников в горах Сицилии — нас почему-то приняли за тех, за кого можно получить выкуп. Нам удалось вырваться оттуда благодаря одному из тех сверхъестественных фокусов, которыми владеет Адепт. Жалости эта шайка не знала, так что только его способности спасли нам жизнь.

Мы прошли через всю Европу. Еще раз я мог убедиться, что в подлунном мире чаще всего правят несправедливость и жестокость. Добродетель и милосердие встречаются гораздо реже. Мы видели казни на городских площадях под одобрительные крики и жадные взоры добродетельных обывателей. Мы слышали топот господских лошадей, вытаптывающих крестьянские посевы. Ради забавы хозяева жизни обрекали на голодную зиму своих подданных. Везде царило право сильного, знатного, и очень редко кто думал о правах обездоленных и слабых. Мы видели

следы больших и малых битв. Мы шли по следам армий, обчищающих с одинаковым рвением и свои и чужие земли. В общем, жизнь Европы подчинялась любимой игре монархов — войне.

Воистину, мир этот более приспособлен для силы Тьмы, чем Света. Иногда осознание этого приводило меня в отчаяние. Но я знал, что кроме виселиц и гробов существуют еще и любовь, и знание, и науки, и искусства. И что не так уж редко пробивается сквозь черные тучи ласковый солнечный луч.

Извилистая дорога привела нас в город городов — Париж. Мы сняли просторную комнату на постоялом дворе близ церкви Святого Евстархия, затерявшейся меж серых пятиэтажных домов, где в тесных каморках ютились парижане. Иные из них не видели в жизни ничего, кроме своего города или даже ближайших улочек. Они привыкли дышать спертым воздухом своих крошечных жилищ, привыкли к запахам тления, которыми было пропитано все вокруг. Париж быстро старил этих людей, горбил их спины, иссекал лица морщинами, превращал в беззубых, шамкающих существ, большинство из которых жило до тридцати пяти — сорока лет и никогда не рассчитывало на большее. От нас было рукой подать до кварталов Сорбонны и Сен-Жермена, где жили богатые люди, напыщенная, глупая знать, чьи деньги и положение служили лишь возвышению гордыни, но не духа.

Мне никогда не нравился этот город. Я гораздо лучше чувствовал себя в диковатой, необузданной Москве, в которой жили и бурно развивались идеи созидания, обновления, где души у людей были открытыми, где жадность считалась пороком, а угодливость и лизоблюдство вызывали насмешки.

Париж засыпал рано. Горожане предпочитали не жечь понапрасну свечи, ложиться и вставать пораньше. Слышались ленивый лай собак, отдаленная брань. Звонко чеканя по мостовой шаг, проследовал кудато отряд ночной стражи, высматривающий грабителей и

убийц, которые наряду с ними делили ночью этот город. Прогрохотала по булыжникам мостовой карета. Воображение рисовало переплетенные в любовном экстазе тела — свидания в каретах — любимое развлечение парижской знати. Пуританство здесь никогда не поощрялось и считалось чем-то близким к душевной болезни.

Адепт Винер сидел за столом, по обыкновению, тщательно изучая очередную книгу, приобретенную им сегодня утром в книжной лавке на соседней улице. Это было его любимым занятием. В свете свечи лицо моего наставника было еще более устрашающее, чем днем. Но когда к человеку привыкаешь, перестаешь замечать особенности его внешности.

Я сидел откинувшись в неудобном деревянном кресле и чувствовал, что по мере стущения синей темени за окном, меня все больше охватывают страхи. И я поймал себя на мысли, что не особенно им сопротивляюсь. В этих страхах была какая-то притягательная сила. Игра с ними становилась моим любимым развлечением, она затягивала. Порой мне даже хотелось еще раз заглянуть в бездонные глаза Хранителя, в глаза существа, лишь наполовину принадлежащего нашему миру. Но я прекрасно понимал, чем это грозит мне.

Неожиданно Винер резко отодвинул от себя книгу и негромко произнес:

- Что ты сейчас чувствуешь?
- Как всегда — полумрак за окном. Сгущается тьма, сгущается зло. Хранитель становится ближе.
- Не только это. Ты должен чувствовать еще изменения в порядке вещей.
- Какие?
- Не знаю. Какой-то поворот судьбы. Смерть или долгожданная надежда.
- Когда мы увидим эти изменения?
- Когда? — Адепт захлопнул книгу. Глухой его голос пугал. — Сейчас!

Будто в ответ на его слова, послышался негромкий учтивый стук в дверь.

— Я прав, — прошептал Адепт Винер и грозно крикнул: — Кто имеет наглость беспокоить порядочных постояльцев в столь позднее время?

— Сударь, — послышался из-за двери голос хозяина. — Нижайше прошу прощения, но вам срочное... э, письмо. Прошу вас, откройте.

— Откуда письмо?

— Передал какой-то мсье. Сказал, что дело не терпит отлагательств. Откройте.

— Подсунь под дверь, плут.

— Это толстый пакет, он не пролезет.

— Он там не один, — прошептал я. — Не стоит открывать.

— Опасность лучше встретить лицом к лицу... Открываю.

Адепт извлек из ножен свой кинжал. Руны, которые во время схватки с Хранителем светились ярким светом, теперь чернели в свете свечи. Я взвел курок пистолета и взял в другую руку шпагу.

Винер отодвинул засов и резко распахнул дверь, сразу же отпрянув в сторону. В проеме я увидел вжавшегося в стену испуганного хозяина и рядом с ним высокую фигуру, закутанную в плащ.

— Не стреляй, Винер. Я пришел во имя Света, помыслы мои против змея. — Голос у незнакомца был высокий, говорил он по-немецки. Он шагнул в комнату и показал руку с кольцом, на котором блеснул драгоценный камень с нанесенным на него изображением знака Ордена Ахрона. Под его добротным плащом скрывалось шитое синей и серебряной нитью богатое платье, на голове широкополая шляпа с плюмажем — он был одет как знатный дворянин. По комнате распространился аромат дорогих духов. Одежда на визитере не была походной и не носила на себе следов путешествия. Следовательно, скорее всего это парижанин.

— Заходи, брат, — произнес Адепт.

Несомненно, это гонец, которого мы так долго ждали. Пришел друг. И он должен сказать, что же нам делать дальше, чтобы вырваться из стягивающих нас пут и продолжить служить ордену.

— Ты свободен, — кивнул гость хозяину и протянул монету. — Теперь исчезни!

Хозяин не заставил повторять приказание и скрылся во тьме коридора.

Мы расселись вокруг стола.

— К чему был этот маскарад? — спросил Адепт.

— Чтобы меньше объясняться на пороге на радость другим постояльцам этой пыльной дыры.

— С чем ты пришел? Несешь ли ты добрые новости?

— Как сказать.. Верхние Адепты не могут освободить вас. Им это не под силу.

— Мы знали об этом, — отмахнулся Адепт. Он разлил по железным кубкам доброе бургундское. — Давай выпьем за величие Верхних Адептов. — В его тоне чувствовалась насмешка.

Мы осушили кубки.

— Вторая новость. Они не могут предоставить вам убежище. Нужно ли объяснять почему?

— Не нужно. Я так и предполагал. Но все равно это очень плохая новость. Давай выпьем и за это — за святую тайну тайных убежищ, чтобы никто не мог сорвать с них покровов.

Мы осушили еще по стаканчику. Голова приятно закружилась, в теле появилась легкость. Но все равно напряжение не спадало. Я почти физически ощущал нарастающую тяжесть разговора и усугубляющуюся сложность нашего положения. Не так давно Адепт говорил: может случиться так, что мы останемся вообще одни. Похоже, его худшие опасения сбывались.

— Это все, что ты хотел донести до нас от имени Верхних Адептов?

— Нет, не все. — Гость вынул из-под плаща свернутую, перевязанную веревкой рукопись. — Возьми. Это помошь. Все, что они могут.

Адепт развязал веревку, и рукопись мягко развернулась, ложась белым листом, испещренным мелкими знаками, на грубую крышку стола. Винер нагнулся и пробежал глазами несколько страниц, потом озадаченно покачал головой.

— Та-а-ак. И это все?

— Не все. Еще — деньги, лошади, все, что необходимо в пути.

— Это не помошь.

— Знаю. Но все-таки возьми. — Гость бросил на стол увесистый мешочек с золотом. Это были очень большие деньги, многим их хватило бы на всю жизнь.

— Хорошо, спасибо и на том. — Адепт был мрачен. Встреча расстроила его. Наши надежды пошли прахом.

— Это еще не все, — произнес негромко гость.

— Еще деньги?

— Нет, не деньги. Вот это. — Он вытащил из кармана коробочку, бережно положил ее на стол и открыл крышку. В коробочке находилась необычайно красивая пестрая бабочка, сделанная из какого-то незнакомого мне металла. Она ровно сияла, отбрасывая синие, красные и зеленые блики на предметы. Адепт зачарованно впился в нее глазами и протянул к бабочке неожиданно задрожавшую руку. Когда бабочка оказалась на его ладони, она вдруг вспыхнула ярко-синим, ослепившим нас на миг светом, а затем начала бледнеть, растворяться. В течение трех минут, которые мы сидели неподвижно, боясь лишний раз вздохнуть, понимая, что на наших глазах происходит нечто невероятное, бабочка становилась бледнее, прозрачнее, под конец тускло вспыхнул ее контур и от нее не осталось ничего. Мы все разом вышли из оцепенения. После власти неподвижной, застывшей

тишины и неземного света на нас обрушились казавшиеся теперь очень громкими звуки парижской ночи — шуршание ветра, далекий крик, кудахтанье курицы.

— Они все-таки нашли ее, — взволнованно прокрипел Адепт.

— Да.

— И они вручают этот подарок мне?

— Вручают.

— Это большая честь для нас. Это настоящая помощь.

— Это все, что они могут.

— Это луч истинной надежды. Если только мы уже не опоздали.

— Опоздали, — эхом повторил я, ощущая, что внутри меня что-то переворачивается. Моя рука, подпиравшая подбородок, бессильно упала на стол, голова тоже едва не ударилась о крышку, но я тут же пришел в себя.

— Что с тобой, Эрлих?

— Н-не знаю, — выдавил я с трудом. — По-моему, он коснулся меня. Кажется, он все-таки нашел нас.

— Плохо, — покачал головой гость. — Неужели помочь пришла слишком поздно?

— Да, — кивнул Адепт. — Хранитель где-то здесь.

Громкий стук разорвал тишину. Что это еще такое?!

Комната мы взяли для состоятельных постояльцев, поэтому в ней была добротная мебель, ковер и даже стекла в узеньких окнах. Сейчас в одно из стекол билась черная тень. Будто сама дьявольская сила решила заглянуть к нам в этот вечер. Тень трепетала, корежилась, не в состоянии проникнуть сквозь стеклянную преграду. Я первым оправился от неожиданности и сумел различить, что в окно бьется большая черная птица. Не такую ли вестницу несчастья видел я когда-то в далекой Московии?

— Пошла отсюда, куропатка недожаренная! — нервно воскликнул гость. — Уф, напугала.

— Да, — голосом, в котором был лед, произнес Адепт.

На миг птица замерла, и я ясно увидел ее круглый, немигающий, слишком большой для такой твари глаз. В нем была пустота и бездна. От этого бездушного взора становилось тяжело дышать, меня будто окунули в холодную воду, по телу поползли мурашки, а пальцы правой руки, сжатые в кулак, разжались. Но хуже всего было не мне. Взор птицы был устремлен на гостя, который тут же стал белее листка бумаги, лежащего на столе. Он закусил губу, потом что-то прошептал под нос. Еще миг, и птица, будто удовлетворенная чем-то, растворилась в парижской ночи.

— Вот нечисть! — наигранно приподнятым тоном произнес гость. Из его прокущенной губы стекала по подбородку тонкая струйка крови.

* * *

«...Это было так давно, что теперь никто и не скажет, сколько лет растворилось и ушло в небытие, сколько поколений сменилось.

Иглины не принадлежали к племени богов. Не принадлежали они и к племенам титанов. Над ними, как и над всеми смертными, властвовал закон воплощения и перехода. Но в чем-то они были выше и богов, и титанов. Они достигли таких высот в познании сущего, каких не достигал никто. Они умели большое дать малым, а малое — большим, растягивать часы в столетия и сворачивать столетия в кратчайший миг. Их не страшили расстояния, они владели стихиями, твердым огнем и живой водой. Они управляли тончайшими эфирными дуновениями, и эфир в их руках был подобен глине в руках умелого гончара. Они не знали равных в зодчестве, они создавали величественные строения, каких не ведал свет, но, не удовлетворившись своими творениями, тут же разрушали их. Плоды их трудов славили само имя Творца.

Домом для иглинов были мириады миров. Беззаботно и легко проходя через тысячелетия, они видели смену эпох, расцвет и падение великих держав и культур. По крупицам собирали они зерна знаний, свет искусств. Они щедро раздавали знания людям и, к скорби своей, видели, что нередко их подарки шли во зло, ибо людьми чаще правят алчность, высокомерие и злоба, чем добродетель. Тогда они стали таить свои знания.

Меж тем наступали иные времена. Тьма, плескавшаяся за стенами иглинских крепостей, обивала и сдавливала их своими змеинymi кольцами. Она была жадна и требовала дани. Невзгоды начали обрушиваться на иглинов одна за другой. Но это были лишь первые капли дождя, за которым пришла настоящая буря. Откуда-то из несказанного далека, из потаенных серых миров явились железные орды курусланутов. Они шли стальным потоком, опустошая один мир за другим, сметая все на своем пути, привнося свой порядок вещей, для которого есть много страшных слов — запустение, хаос, беда.

Но курусланутов не занимали побежденные миры. Они искали путь в город городов Абраккар. Им нужны были не только жизни иглинов, их унижение и боль. Они жаждали их знаний, моци, чтобы тысячекратно увеличить силу своих мечей, возвысить заоблачные вершины своего самолюбия, углубить и без того, казалось, бездонную пропасть зла. Они шли к цели настойчиво, настырно — год за годом, десятилетие за десятилетием, век за веком.

Иглины никогда не стремились прослыть великими воинами. Они вообще не были воинами. Сердца их всегда были полны сострадания и любви, они не привыкли драться. Даже за свою жизнь. Или за чужую. Они привыкли просто жить. Они были слишком стары, безжизненно мудры, беспомощно могущественны и смиренны. Песчинка за песчинкой уплывало время в их часах.

Крепость семи замков, Остров Синего Крыла, Город Золотой Паутины, Утес Гарпий — одно за другим сдавали иглины врагам свои цитадели. Меньше становилось их убежищ, меньше становилось и самих иглинов. Сперва их были миллионы, затем — тысячи, потом — несколько сотен. И тогда они окончательно поняли, что проиграли, что Вселенной для них больше нет. Из всех миров для них остался лишь небольшой клочок суши, последняя цитадель — Абраккар.

Город городов был возведен в несказанных краях. Перламутровая стена вздымалась ввысь над черным бескрайним морем, в чьих водах тонули звезды и созвездия, чьи шуршащие волны омывали рифы бесчисленных внутренних и внешних миров. Не было в те края доступа не только смертным, но и странствующим духам, и сущностям из животворного эфира, для которых вообще нет сокрытых мест.

Иглины обрели наконец долгожданный покой и безмятежность, зная, что враг в бессильной злобе бьется о невидимые преграды, не в силах проникнуть в заповедные края.

Так продолжалось долго. Но так не могло продолжаться до скончания веков. Времени подвластны люди, живые твари, камни. Подвластны ему и иглины, никто не может пренебречь Великим Колесом событий и эпох. Оно найдет слабое звено в любой защите. Оно возьмет верх. И оно взяло его.

То, что не могли сделать сила и мечи стальных легионов, сделали гордыня, ибо горьки плоды ее, и предательство, ибо нет ничего более опасного для открытых и добрых сердец, чем коварство тех, кому доверяешь и кого считаешь другом. Себялюбие, гордыня, жажда власти — эти змеи будто восстали из глубины времени и нашли щель в неприступных стенах Абраккара. Они овладели одним из иглинов Ан-Бук-Гаром. Он не прославился ни глубиной мыслей, ни широтой знаний, ни высокими способностями к искусствам и прекрасно понимал это, что рождало в

его сердце безумную зависть. Вместе с тем, в отличие от сограждан, кровь его была горяча, он не хотел жить в затворничестве, пусть и в самом прекрасном затворничестве, какое только могло быть. Он хотел сражаться и повелевать. Для него, последнего воина иглинов, небесный Абраккар был наполнен скучой... Правильно говорят — нет света без тени, и ростки зла могут подняться даже в самой светлой и неприступной обители.

Настал день, когда, пользуясь своим правом, Ан-Бук-Гар собрал сограждан в Хрустальном зале, где солнце бьется в застывших струях воды, где эфир струится меж ажурных колонн и где, не мешая друг другу, соседствуют солнечный и лунный свет.

— Не стыдно ли нам, самому могущественному из могущественнейших племен, прятаться, подобно трусивым ящерицам, в этой щели? — обратился к согражданам Ан-Бук-Гар. — Неужели не жжет нас, потомков великих иглинов, владык тысячи миров, позор за наше бесполезное, бессмысленное существование? За нашу праздность и безделие? Не досадно ли нам, познавшим заветные тайны вещей, умеющих не только создавать великие творения, но и мановением руки вызывать разрушения, отступать перед своей псов, именующих себя курусманутами? Не пора ли нам вспомнить, кем мы были, и с отвращением взглянуть на то, во что мы превратились?

— Мы хотели мира, — раздались голоса. — И мы его получили.

— Мы хотели спокойствия. И мы его получили.

— Мы хотели тишины. И мы ее получили.

— Да, — усмехнулся Ан-Бук-Гар. — Мы хотели спокойствия и отдали тысячу миров на поругание. Мы хотели тишины и отдали безграничную власть, которую держали в руках. Мы — недоразумение природы, когда нас не станет, ничего не изменится в размеренном порядке вещей.

— Ничто не может изменить порядка вещей и порядка его изменения. Как бы сильны и могучи мы ни были, все будет смыто океаном беспредельности.

— Это слова слабых духом! Мы забыли, что такое война. И мы должны вспомнить это. Тысячи миров отданы на растерзание жестоким зверям. И эти миры по праву принадлежат нам!

— Нас мало. Мы давно разучились воевать. Что мы можем противопоставить железным легионам? Да и зачем нам нужно это?

— Опять заунывные речи и ленивые отговорки. Мы обладаем бесценными сосудами знаний, из которых нетрудно выпустить демонов моши и разрушения. Неужели мы не сможем даже этого?

— Сможем.

— Мы создадим свой легион, и один наш воин будет стоить легиона курусманутов. Мы сметем их, как река смывает опавшие листья. Мы возродим в тысяче миров былую славу иглинов. И мы не будем, как раньше, скрываться по норам. Мы будем править ими. Править разумно и справедливо, как не правил до сего дня никто. Мы преумножимся числом. Мы вознесемся на небывалые высоты. Опять все будут трепетать при одном слове «иглин».

Тут встал Тиранtos — мудрейший из мудрейших, колдун и алхимик, постигший самые тончайшие влияния, управляющие миром, умеющий то, чего не умеет никто.

— Конечно, Ан-Бук-Гар, это ты поведешь наше воинство вперед. Ты сияющим мечом будешь указывать путь, каюя или милуя народы тысячи миров, верша суд и расправу?

— Это было бы справедливо! — запальчиво воскликнул Ан-Бук-Гар.

— В тебе говорит гордыня. И самомнение. И вряд ли твое правление будет предпочтительнее власти железных легионов. Власть — это тяжелое бремя, и тот,

кто несет его, должен понимать, что его орудие — это кровь и насилие.

— Ложь! Я хочу освободить миры от врага.

— Как? Выпустив Силу из Чаши Вечности? — усмехнулся Тиранtos.

— Да. Выпустив Силу. Иного выхода я не вижу.

— А ты знаешь, насколько трудно не только загнать эту силу обратно, но и просто удержать ее в руках. Смерч от нее пройдет по тысяче миров, и жестокое правление курусманутов будет вспоминаться несчастными народами как золотой век.

— Мне удастся удержать Силу в руках! Благо руки мои сильны!

— Но не так силен твой разум. Вряд ли кто в здравом уме вознамерится вызвать разрушительного духа из запретных областей!

— Чепуха! О каких опасностях идет речь? Больше ли она, чем опасность бесславно завершить свой век на окраине миров, в забытии и тупом бездумии и бездействии, бесславно превратиться в прах, презрев великие дела предков?

— Да, больше, — устало произнес Тиранtos.

— И все согласны с этим?

— Все, — пронеслось по Хрустальному залу, и завибрировали водяные струи, и тонкий звон поплыл вдоль стен.

— Не раз придется вам пожалеть, что вы отвергли меня! Великий народ выродился в стадо жвачных животных! Что может быть печальнее этого зрелица?

— Ничего. Только алчная гордыня, мечтающая о власти над Вселенной.

— Ха... — Ан-Бук-Гар усмехнулся и выбежал из зала — порывистый, быстрый, злой.

А Тиранtos с грустью смотрел ему вслед. Он мог ощущать черты будущего и понимал, какое огромное зло принесет миру Ан-Бук-Гар. Так же понимал он и то, что теперь ничем не остановить безумца. Разве только убить? Но по высшим законам это приведет

лишь к худшему. Судьба начертана свыше, и мало кому под силу изменить ее. Оставалось лишь ждать, размышая, когда будет нанесен удар и в чем он выразится.

На то, чтобы подготовиться к свершению своего действия, Ан-Бук-Гару понадобилось восемь лет. В тот час астральные воздействия и влияние звезд, как никогда, сложились против города городов. И Ан-Бук-Гар, обманом усыпив стражу ворот, распахнул их перед врагом. Стальные легионы курусманутов дождались своего часа, о котором бредили так давно. Они хлынули в ненавистный город, предавая все мечам и пожарам, и в тот судный день лучшей добычей считались не каменья и драгоценные металлы, а головы иглинов.

Иглины давно устали ждать. Устали жить. Они больше не отвечали ни за что и ни за кого, кроме себя. Их ничто не удерживало здесь, кроме привычки жить. И они с готовностью шли навстречу своей смерти, принимая грудью удары огненных мечей. То, что курусмануты не встречали отпора, только раззадоривало их, распаляло жажду крови.

Тени метались по Абраккару, мостовые были красны, Ан-Бук-Гар по трупам ступал и открывал завоевателям двери, которые сами они не могли бы никогда открыть. С сожалением и мрачным торжеством взирал предатель на агонию родного города, на гибель соотечественников. И не было в нем и следа раскаяния.

Курусмануты знали, что этот огромный статный иглин в пышном шлеме на голове — союзник, его нельзя трогать, поскольку он может еще пригодиться. Он обещал открыть знания иглинов, он готов стать послушным оружием в руках гуззана всех легионов. Но у Ан-Бук-Гара были другие устремления, которыми он, по вполне понятным причинам, не делился ни с кем. Он сам рассчитывал овладеть заветной силой и сделать так, что железные легионы будут жить

и дышать, сообразуясь только с его желаниями. У него получится, он знал это. И он шагнул в двери золотой башни, хозяином которой был Тиранtos.

— Остановись, Ан-Бук-Гар! — воскликнул Тиранtos, вставая на пути жалкого предателя и поднимая в предупреждении руку. — Ты уже сотворил достаточно зла. Что тебе еще надо?

— Чашу Вечности.

— Ты не овладеешь ею!

— Овладею. Уйди с дороги, и ты получишь не только жизнь, но и власть. Я поделюсь ею с тобой, ибо мне необходима твоя непревзойденная мудрость.

— Этого тебе не дождаться.

— Тогда ты тоже умрешь, глупец. И все равно ничего не сумеешь изменить, ибо все давно взвешено на весах судьбы.

Ан-Бук-Гар знал своих соотечественников, понимал, что они не будут драться, и не слишком опасался отпора со стороны ученого. Но в Тирантосе тоже текла горячая кровь. И они сошлись в яростной схватке.

В золотой башне кипел бой, а орды захватчиков стояли у ее ворот, не в силах проникнуть внутрь и помочь предателю. Мелькали молнии, плавился металл, рушились стены — это два иглина, не забывшие древнее искусство боя, дрались, не щадя живота, и каждый понимал, сколь многое зависит от его победы. Ан-Бук-Гар теснил алхимика, по лицу которого текла кровь, а на месте трех пальцев правой руки чернели обугленные обрубки. Но и Тиранtos умело отбивался, нанося все новые раны противнику. Долго или нет длился бой, но постепенно верх начал брать Тиранtos. И вот Ан-Бук-Гар пал наземь, чувствуя, что жизнь уходит и огромная цена заплачена им зря. Но и сейчас в нем не было раскаяния. Лишь злоба душила его.

— Глупец ты, Тиранtos. Ты должен был отдать мне Силу. Стены этой башни недолго удержат железный легион. И Чаша Вечности достанется курусману-

там. Ха-ха, можешь представить, какое применение они ей найдут. Они, не задумываясь, выпустят Силу, и, как ты знаешь, не смогут даже на миг овладеть ею... А я. Я нес бы добро в тысячи миров. Я изменил бы порядок вещей к лучшему. Они же способны только на зло. Тьма — источник их моши, из нее они вышли, в нее и уйдут. Как же ты глуп, Тиранtos. Ты отнял у тысяч миров последнюю надежду.

— Не было бы от тебя никому добра, Ан-Бук-Гар!

— Было бы. — Глаза предателя закрылись, и душа его, отягченная страшнейшими грехами, рухнула в бездну.

Тиранtos знал, что он тяжело ранен, что смерть стоит на пороге и вскоре доберется до него. И еще он знал, что Ан-Бук-Гар, умирая, сказал сущую правду — стены башни не устоят. Курусмануты получат чашу. По глупости и невежеству они выпустят Силу, и чудовищный катаклизм потрясет все существующие миры до основания.

Истекая кровью, Тиранtos полз по ступенькам. Он полз вверх. К чаше. Уничтожить он ее не мог. Но он мог пойти на отчаянный шаг — выпустить Силу, самую ее малость, чтобы смести врага.

И он сделал это. Он снял печати. Открыл двери. Сокрушительная мощь ринулась в мир.

И повернулась ось мироздания. Время и бревременье слились воедино. Слова теряли свой смысл, а вещи свои свойства. Свет тек медленно, как расплавленная лава, изрыгааемая разогревшимся вулканом. Из рук Тирантоса вырвался и взметнулся вверх смерч — он шел по улицам города, настигая вражеские орды, и никому не было от него пощады. Он возмутил черные воды, омывающие перламутровую скалу, и ничто не могло помешать ему. Содрогнулся небесный свод. Закружились звезды. И некому было их остановить.

Перед смертью Тиранtos смог сделать то, на что у него было мало надежды, — он не выпустил смерч

за пределы Абраккара, не дал ему смертельным вздохом пройтись по планетам тысячи миров. Смерч окружил город городов в вечном кольце, из которого нет выхода и в котором отныне ему предстоит пребывать в полном забвении. Мертвый город с прекрасными строениями, крепостными стенами, шпилями гигантских резных башен, сделанных из лунного света. Город, равных которому нет, не было и, может быть, не будет теперь никогда. Он находится нигде. К нему не ведут дороги, к нему не приплыть на корабле и не бросить якорь в его гавани. К нему не долететь на звездных колесницах, движущихся в пустоте со скоростью мысли. Абраккар закрыт.

Не все иглины погибли. Некоторые были разбросаны по мирам, и, кто знает, может, их потомки дожили до наших времен. Они одни знали, как можно вернуться в покинутый Абраккар, но никто не захотел этого, ибо вряд ли кому захочется коротать дни там, где на свободе великая Сила. Но для жаждущих и просвещенных осталась узкая тропинка. Во многих мирах иглины оставили ключи в благодатный и страшный город городов Абраккар. И овладеть ключом может лишь достойный.

Раз в сто двадцать шесть лет в аравийской пустыне появляется мираж — чудесное видение несказанно прекрасного города, которого нет и никогда не было на земле. Это не колдовство, не игра чувств и не плод воображения истомленного жаждой и долгой дорогой путника. Это смерч приоткрывает завесу над славным городом городов, и тот кто добр и мудр, на ком лежит Божья печать, способен прорвать пелену миража и ступить на мостовую, на которую никто не ступал с того самого момента, как нашли свой конец в Абраккаре железные легионы курусманутов. И он приобретет и вместе с тем потеряет так много, как не терял никто целую бездну лет. Невозможное станет возможным. Самые смелые мечты и самые страшные кош-

мары воплотятся, и настанет час великого испытания...»

Адепт закончил читать. В комнате повисла тишина. За окнами спал крепким сном нищий и богатый, скромный и разгульный, добродетельный и бесчестный, многогранный, но скучно-обыденный в своих достоинствах и недостатках Париж. А перед моими глазами проплывали картины крушения сказочного города Абраккара, в ушах раздавался лязг оружия, я слышал предсмертные крики несчастных иглинов, мне виделось вращение великого смерча — порождения силы, равной которой не найти. И этот смерч, возможно, когда-нибудь вырвется на свободу и поглотит беззащитные перед неземной разрушительной мощью миры.

— Весьма занятная легенда, — произнес я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно беззаботнее.

— Только ли легенда? — приподнял брови Адепт.

— Красивое языческое сказание о битвах богов в те времена, которые никто непомнит, о которых никто толком не знает, и значит, ничего невозможного проверить.

— Тебе не кажется, что здесь присутствует нечто непривычное, несвойственное подобным легендам?

— Ну... пожалуй, слишком сухой язык, лишенный обычных для эпоса поэтических изысков. События описаны четко, без излишнего полета фантазии и героического пафоса. Все построено вполне последовательно. Не хочешь ли ты сказать, что все это правда?

— Неужели после знакомства с тайными сокровищницами знаний обоих орденов ты не понял, что мир гораздо сложнее и интереснее, чем все думают. До нас его посещали многие. Атлантида. Ледяные земли. Да мало ли что?

— Но то, о чем здесь говорится, слишком невероятно и слишком смущает разум... Абраккар, тысяча миров, железные легионы курсманутов.

— Ты правильно указал на сухость языка. И на обороты, близкие к нашему времени. Это не сама легенда. Это повествование, собранное из сотен источников, осмысленное нашими лучшими умами. Все, что здесь написано, или почти все, — правда. Правда и то, что прекрасный мираж, раз в сотню лет появляющийся в аравийской пустыне — это и есть город городов Абраккар.

Трудно было проникнуться всем этим, но Адепт прав: почему я должен верить в продолжающуюся много тысячелетий битву орденов, в затонувшие континенты, в иные планеты и не должен верить в Абраккар? Нет смысла противиться истине — от этого она не перестанет быть истиной.

— Ладно, я верю, что путники видят в пустыне Абраккар. Верю, что он существует где-то на окраине миров, великий и недоступный. Но какое отношение это имеет к нашей судьбе? В этом и заключается помочь Верхних Адептов? Свиток с легендами о том, что было когда-то, и никакого намека на возможность изменить будущее!

— То, что будет, происходит из того, что было. Мне ль напоминать тебе о столь простых истинах? То, что сделали для нас Верхние Адепты, превзошло все мои надежды. Дар, который преподнесли нам, дается немногим. Точнее, мы первые, кто его удостоился.

— Эта рукопись — дар? Но какой в нем смысл? Чем эти начертанные на бумаге слова помогут нам? Нам, которым в затылок дышит один из самых великих злодеев?

— Нам дано убежище, в котором никто не сможет настигнуть нас.

— Какое убежище?

— Ты теряешь сообразительность. Конечно, Абраккар!

Меня будто обдали ледяной водой. Я поверил сразу во все сказанное. Адепт действительно призывает меня скрыться в Абраккаре. Ужас и радость, надежда

и ожидание чуда — эти чувства нахлынули на меня так, что перехватило дыхание.

— Но как мы попадем туда? — выдавил я.

— Срок, когда Абраккар покажется в пустыне, близится. Для Хранителя город городов закрыт. Если только...

— Если что?

— Если он не пройдет вслед за нами в образованную нами брешь.

— И тогда мы окажемся там с глазу на глаз с ним.

— Такое возможно. Но в Абраккаре он лишится своих преимуществ, и мы сможем схватиться с ним на равных.

— Но как попасть туда? В рукописи сказано что-то насчет ключа. Верхние Адепты дали тебе его?

— Нет.

— Ты знаешь, где он хранится?

— Нет.

— Так как же мы найдем его?!

— Найдем. Бабочка, вспыхнувшая и исчезнувшая на моей ладони, это компас. Теперь я ощущаю направление, которое приведет нас к ключу. Послезавтра нам в путь. Здесь предстоит завершить еще кое-какие дела.

— Куда мы отправимся?

— Пока что в Испанию. А куда дальше — не знаю.

— Ну что ж, Испания так Испания. Страна монахов, конкистадоров и инквизиторских костров. Не лучшее место в христианском мире. Итак, наш путь от короля-солнца Людовика Четырнадцатого к его внуку Филиппу Бурbonу.

* * *

«Как же меня утомили ее ужимки и нарочитая кокетливость», — думал граф Ги де Руа, пытаясь одолеть раздражение и как можно натуральнее изобразить едва сдерживаемые вожделение и страсть.

У графа де Руа была сложная и запутанная жизнь. Точнее, он вел одновременно несколько жизней, и в каждой из них его поведение должно было соответствовать занимаемому месту. Он ощущал себя актером, играющим главные роли сразу в нескольких спектаклях и вынужденным надевать то маску шута, то короля, то Зевса-громовержца, и при этом не дай Бог что-то напутать, вложить в уста одного героя реплику другого. В жизни богатого придворного, занимающего твердое положение рядом с троном величайшего из королей, мудрейшего из монархов (как его принято именовать), Людовика Четырнадцатого, граф вынужден был вести себя легкомысленно, ветренно и высокомерно, тщательно соблюдая правила, присущие этой среде. А в свете показалось бы просто странным, если бы молодой богатый вельможа не имел дамы сердца, лучше замужней, к которой нужно было бы краситься под покровом ночи и посыпать нежные записки, предоставляя этим пищу для сплетен. Отношение к графу при дворе и так было несколько настороженным. Слава путешественника и воина выгодно отличала его от когорт лизоблюдов и бездельников, готовых на любые интриги и мерзости, лишь бы немного приблизиться к трону и урвать свой кусок в виде щедро раздаваемых рукой короля земель, состояний и привилегий. В Ги де Руа чувствовалась целеустремленность. В отличие от других, он знал, для чего живет, что в среде придворных выглядело просто неприличным. Кроме того, о нем ходили невероятные слухи, пищу которым давал круг его общения. В него входили и монахи, и чернь, и пришельцы из разных стран, и просто сомнительные типы, на лицах которых было написано не слишком большое почтение к законам. Однажды недруги графа попытались обвинить его в государственной измене. Ги де Руа был объявлен шпионом испанской короны (в ту пору с Испанией велась очередная война). Его хотели надолго заточить в Бастилию, но провел он

там всего три дня. Граф убедил в своей невиновности августейшую особу и еще более укрепил свое положение.

Чтобы не усугублять сплетни и слухи и перевести их в безопасную сферу, он яро демонстрировал свое пристрастие к шумным компаниям и пиратам, завел себе даму сердца баронессу Анжелику де Клермон, двадцати трехлетнюю красотку, отличавшуюся глупостью и чрезмерной страстью. Она требовала множества хлопот и отнимала у графа немало времени.

— Вы не против, мой милый друг, если во время беседы с вами я буду одеваться и готовиться к новому дню, — проворковала Анжелика, возлежавшая в тонкой ночной рубашке среди мягких подушек, разбросанных на диванчике. — У меня сегодня очень много дел. Ах эти дела — как же они скучны и однообразны! Вы не представляете, сколько сил они отнимают.

— О, сегодня вы бледны, как никогда, — улыбаясь, поддакнул граф, чувствуя, что раздражение в нем продолжает нарастать. Он устал. В последнее время у него возникло столько неприятностей, а в будущем их предвиделось еще больше. Ему не хотелось тратить время на никчемные разговоры. У Анжелики дела — подумать только! Уж граф-то прекрасно знал, что все ее дела сводятся к примерке новых платьев, к приемам, беседам с такими же наследками, а главное, к передаче и обсуждению сплетен и досужих домыслов. Ох эти сплетни — любимое занятие французского двора! «А правда ли, что карету герцога Ларошфуко видели ночью у дома мадемузель Виктории?» — «Конечно же правда!» — «Действительно ли король подыскивает себе новую фаворитку, разочаровавшись в старых?» — «О несомненно!» — «А правда ли, что герцогиня Бургундская покупает нюхательный табак в лавочонке мошенника Жака?» — «После того как она дважды купила там табак, у Жака нет отбоя от покупателей. Все хотят нюхать тот же табак, что и герцогиня».

— Эти вечные заботы старят, — вздохнула Анжелика. — Того и гляди, на лице появятся морщины, и тогда вряд ли на меня будут заглядываться мужчины. — Она кокетливо стрельнула глазами.

— Вам это не грозит, отрада очей моих, — выдавил граф сквозь зубы. — Вашему прекрасному лицу Господь дал лучшее, что было у него в запасе, и вряд ли он станет унижать венец своего творения преждевременной старостью.

— Ох, вы не правы! — В голосе ее звучали нотки восторга. Все-таки граф умеет подарить комплимент так, как не может никто. — А я действительно настолько бледна?

— Ваша кожа бела, как первый снег, выпавший на мостовые парижских улиц.

— Это ужасно! — воскликнула Анжелика, хотя видно было, что слова поклонника льстят ей — бледность считалась в свете хорошим тоном. — Может, я больна? Скажите, мой друг! Вы ведь знаток медицины.

«Как же, больна. Ты здорова, как скаковая лошадь твоего мужа!» — подумал граф, чувствуя, что начинает звереть. Но он лишь расплылся в широкой улыбке и прошептал:

— Возможно, вы и больны. Но смерть еще долго не подойдет к вашему ложу. Причина недомогания вашего — переутомление. Вы слишком печетесь о делах других людей.

— Это верно, мой дорогой де Руа.

С помощью подоспевших служанок она начала облачаться в неудобное платье, обошедшееся в целое состояние.

Граф должен был признать, что фигура у баронессы де Клермон прекрасная, а кожа нежная. Если бы баронесса была еще и немая!..

В том, что друг дома присутствовал при столь интимных моментах, как облечение в платье, не было ничего предосудительного. Некоторые дамы принима-

ли гостей лежа в постели, притом часто одежда их была сведена до минимума. Другие же встречались с поклонниками лежа в ванной.

— Не кажется ли вам, мой друг, что грудь моя опала?

— Ну что вы! Ваши груди подобны двум чудесным сахарным сосудам. — Он нагнулся и поцеловал родинку на полной груди, что расценивалось не столько как страстный порыв, сколько как дань галантности.

За пустой болтовней прошло еще несколько минут.

— Как здоровье вашего супруга?

— Он здоров и свеж. Объезжает дальние поместья.

— Когда вы ждете барона?

— Он обещал быть на днях.

Будто специально дождавшись этого момента, в будуар вошел камердинер и объявил:

— Барон де Клермон.

Появление барона не только не раздосадовало графа, но даже вызвало у него некоторое чувство облегчения. Ему до смерти надоели ежедневные визиты к dame сердца и длинные нудные беседы. Это как служба. Стоило пропустить один день, сразу же следовали упреки: «Милый, вы забываете меня. О, неверный, вы нашли другую женщину, признайтесь!» Игра в любовников в высшем свете основывалась на четких правилах, пренебрегать которыми было непозволительно.

Барон де Клермон был человеком рослым, похожим на матерого быка, если только быка можно было бы втиснуть в коричневый камзол, чулки и штаны. Лицо барона было густо напудрено, чтобы скрыть грубую, загорелую кожу и сгладить крестьянские черты. На голову барон нахлобучил парик, сидевший на нем как седло на корове. Обычно он был не способен ни на сильную злость, ни на добрые душевые порывы, иногда любил развлекаться поркой нерадивых слуг. Мало что на свете могло вывести его из равновесия.

— Здравствуйте, барон, — учтиво улыбнулся граф. — Я рад снова видеть своего старого друга.

Барон де Клермон издал булькающее, нечленораздельное восклицание, которое де Руа не понял. Он никогда не видел де Клермона в таком состоянии. Лицо барона покрылось красными пятнами, пропадающими даже сквозь слой пудры, глаза метали молнии, и вместе с тем в них была какая-то отрешенность.

— Вы не хотите поцеловать меня, дорогой супруг? — Анжелика протянула тонкую руку к мужу.

— Кхе, как вы... — Барон не закончил фразу, пятна на его щеках стали ярче. Он был похож на человека, который явно не в себе.

— Дорогой мой, вы неважно выглядите. У вас такой вид, будто вы только что увидели привидение.

— Нет, Анжелика! Я увидел не привидение! Я узрел гнездо разврата! — Голос барона прозвучал рыком льва, у которого в лапе засела заноза.

— Что? — Анжелика была настолько поражена словами супруга, что с нее слетела обычная маска томности и холодности.

— Да, да, я вижу, что в моем доме свит змеиный клубок. Похоть и предательство пустили здесь корни!

— Вы о чём, мой супруг?..

— О чём?! Неверная жена, неужели вы не понимаете, о чём я говорю? — Барон нарочито грозно продекламировал эти слова с пылкостью актера бродячего балаганчика, что получилось у него весьма неубедительно. Де Руа не мог понять, что случилось с обычно покладистым бароном де Клермоном.

— Боже мой! — всплеснула руками Анжелика. — Вы ли это, мой добрый супруг? О какой неверности ваши речи?

— Вот он! — Толстый палец барона был направлен в сторону графа. — Под видом друга проник в мой дом и овладел моей женой!

— Кто внушил вам столь вздорные мысли? — И голос, и лицо графа выражали крайнее удивление.

— Кто внушил? Об этом говорит весь Париж! Чернь и знать, офицеры и горшечники.

— Вы же знаете, что Париж живет сплетнями, и нет для парижан большего удовольствия, чем втотпать в грязь доброе имя.

Если честно, то де Клермону вовсе не обязательно было собирать эти слухи. Он и так был прекрасно осведомлен об увлечениях своей жены. Более того, когда в приступе скуки год назад Анжелика начала жаловаться на жизнь, де Клермон сам сказал ей: «Вам нужно общение. Чаще выходите в свет. Заведите себе любовника, как все».

— Пусть отсохнет ваш лживый язык! — продолжал яриться барон.

— Не ведите себя глупо! — воскликнула Анжелика.

— И вы, господин граф, не только овладели моей женой, но еще и злословите, понося своим грязным языком мое имя.

— Вы о чем, друг мой? — На этот раз удивился де Руа.

— Не вы ли три дня назад назвали меня напыщенным дураком?

— Кто оклеветал меня?

— Господин де Эньян стал свидетелем ваших гнусных слов.

— Вы прекрасно знаете, что де Эньян болтлив и злословен, ему нельзя доверять.

— Вы лжете! Вы говорили это! Вы сказали, что я, барон де Клермон, напыщенный дурак.

— Я никогда не говорил о вас ничего плохого. Вы утомились, дружище. Я зайду к вам попозже, и мы разопьем с вами бутылку старого вина из ваших прекрасных погребов.

— Вино из рук иуды? Никогда.

— О Господи. Успокойтесь. Всего вам доброго. — Граф направился к двери, но барон ухватил его за плечо.

— Я не закончил. Вы оскорбили меня и мою семью. И я требую удовлетворения.

Он сорвал с руки перчатку и бросил ее на пол.

— Вы просто сошли с ума, — покачал головой граф.

— Побойтесь Бога! — крикнула Анжелика.

— А вас, неверная жена, ждет монастырь!

По закону де Клермон имел полное право на подобное решение вопроса, и Анжелика картишно упала в обморок, сквозь полуприщуренные веки наблюдая за продолжением непристойного скандала.

— Я не обижаюсь на вас, де Клермон, и отношу ваши слова за счет утомления и нездоровья.

— Мы будем биться!

— Не глупите. Я не хладнокровный убийца. Нет такого оружия, с помощью которого вы могли бы победить меня.

— Выбирайте оружие.

— Хорошо. Шпаги.

— Завтра на пустыре за аббатством Святого Иакова. Я жду в семь. С секундантами.

В своей карете де Руя напряженно обдумывал прошедшее. Он ничего не понимал. Измена жены не могла вывести барона из себя, равно как и брошенные спяну графом слова. Де Клермон полагал, что он пуп земли, и меньше всего обращал внимание на нелестные реплики в свой адрес, произнесенные у него за спиной. Создавалось впечатление, что он намеренно вел дело к дуэли и лишь искал повода для этого. Зачем? Может быть, кто-то пытается использовать его, чтобы свести счеты с де Руа? Но тогда бы выбрали бойца получше и понадежнее. Да и не похоже было, что барон играл в чью-то игру. Он просто сошел с ума... Нет, если бы это было лишь сумасше-

ствие. Тут кроется что-то иное. Гораздо более значительное. Странное. Неотвратимое.

Ровно в семь граф был на пустыре. Там уже собирались секунданты и врач, которые скрепя сердце согласились принять участие в этом деле. В четверть восьмого, когда де Руа уже начал надеяться, что де Клермон одумался, барон появился. Он сухо поприветствовал всех и встал неподвижно, широко расставив ноги, держа руку на эфесе шпаги, глаза его смотрели куда-то поверх голов присутствующих.

— Не желаете ли вы признать, что ссора была ошибкой и лучшим выходом будет примирение? Никто не упрекнет вас, если вы примете такое решение. Оно было бы самым правильным, — произнес секундант.

— Я согласен на примирение, — кивнул де Руа. — И готов просить у моего противника извинения за обиды, которые, как он считает, я нанес ему.

— Вам, господин де Клермон, лучше было бы последовать примеру господина де Руа, — с облегчением произнес секундант, надеявшийся на счастливый исход. Высочайшим эдиктом дуэли были запрещены и наказание грозило не только дерущимся, но и тем, кто им содействовал.

— Никакого мира. Я буду сражаться! — горячо воскликнул де Клермон. Со вчерашнего дня в нем не произошло никаких изменений к лучшему. Он выглядел еще более безумным.

— Я не хочу вас убивать. Я не буду драться.

— Жалкий трус!

— Нет. Просто я не убийца.

— Тогда я убью тебя! — Де Клермон выхватил шпагу и приставил к груди графа.

— Ладно, глупец, ты сам выбрал свою погибель! — бросил де Руа в лицо противнику.

Клинки со звоном скрестились.

Сперва де Руа надеялся улучить момент и выбить оружие из рук барона, но с самого начала все пошло

не так, как ему хотелось. Барон обрушился на него подобно урагану. И де Руа был вынужден сразу уйти в оборону. Он отступал, парируя бесчисленные выпады противника. Один раз он чуть не споткнулся, но устоял на ногах.

Вскоре граф понял, что пора отбросить прочь благородные чувства и подумать о себе. Он начал драться всерьез, в полную силу. К его удивлению, барон мастерски парировал самые замысловатые удары. С каждой минутой его яростный напор возрастал. Если так дальше пойдет, шпага обманутого мужа вскоре достигнет цели.

Улучив момент, граф рванулся вперед и со всей силой нанес свой любимый удар, который еще никому не удавалось отразить. Но барон без труда парировал его и в ответ полоснул соперника по плечу. На рубахе графа появилось алое пятно.

— Твоей рукой управляет сам дьявол!

— Наверное, так оно и есть, — прохрипел безжизненным голосом де Клермон. И от этих слов у де Руа выступил холодный пот. Что творится? Барон, здоровенный, неповоротливый увалень, просто не мог так драться. Он бы уже давно пал. Его словно вела чья-то чужая воля, придававшая силы и управлявшая его рукой.

Барон рубил шпагой, будто мечом, сплеча, в порыве невероятной ярости, и лезвие мелькало так, что стало почти невидимым. Де Руа отступал, понимая, что спасти его может только чудо. Он опять споткнулся, но снова смог удержаться на ногах. Потом кинулся вперед, нацелившись барону в живот, и с отчаянием увидел, как переломилось лезвие его шпаги. Барону только и оставалось, что вонзить свою шпагу в тело де Руа.

Граф покачнулся, выпустил из пальцев обломок шпаги, замер на мгновение, глядываясь в глаза своего убийцы. В последний миг жизни он понял, что напугало его еще вчера во взоре барона. Так смотрела

два дня назад черная птица, бившаяся в окна постогояного двора, где он встречался с братьями Белого Ордена. Это был взгляд его смерти, и ему следовало бы понять это еще тогда...

Барон, покачиваясь, стоял над трупом, потом упал на колени, в ужасе разглядывая свои руки. Он будто очнулся после долгого кошмара. Потом он поднялся и, согнувшись, побрел прочь, не обращая внимания на вопросы секундантов, пораженныхенным. Добравшись домой, он до вечера просидел в своем кабинете, уставившись в одну точку. Наконец, он вытащил пистолет и повернул ствол к груди. Перед тем как нажать на спусковой крючок, барон явственно увидел перед собой немигающий круглый глаз сказочной птицы, в котором отражались звезды.

Барон де Клермон пережил свою жертву всего лишь на несколько часов...

— Вот так погиб щаш друг граф де Руа, — закончил свой рассказ Адепт.

— После того как принес нам послание Верхних Адептов?

— Да.

— Смерть идет по нашим пятам.

— Но она пока недостаточно расторопна, и мы можем опередить ее.

Я был подавлен рассказом моего наставника. Предыдущая жизнь не была для меня легкой, но то, что происходило со мной после того, как в московском домике я нашел злосчастную брошь, вряд ли можно было с чем-нибудь сравнивать. Все это время смерть кружила поблизости, собирая обильный урожай. С некоторых пор я чувствовал себя как солдат, оказавшийся в самом пекле жестокой битвы, держащийся из последних сил, видящий, как вокруг него один за другим падают убитые и раненые, и понимающий, что скоро и с ним произойдет то же самое, если только Господу не будет угодно сотворить чудо.

Снизу слышался шум веселой попойки. Гуляли королевские гвардейцы, остановившиеся на постоялом дворе на ночь. Вчера они получили жалованье. Впереди их ждали битвы плечом к плечу с новым союзником Франции — Испанией против недавних союзников: Англии, Голландии, Австрии. Гвардейцы уже опустошили немалую часть винных запасов хозяина, и это было только начало.

— Я думаю, нам следует отойти ко сну, — произнес устало Адепт. — Завтра рано вставать. Нас ждет Испания.

Я затушил свечу. В окно падал бледный свет луны. На миг он померк. Мне показалось, что по диску ночного светила скользнула тень крыла громадной черной птицы.

* * *

Быстрее всего мы могли бы добраться до цели морем. Морское путешествие сэкономило бы нам немало душевных и физических сил, уберегло от множества самых различных невзгод и опасностей. Когда я завел разговор на эту тему, Адепт лишь пожал плечами, проговорив:

— Не всегда кратчайшие пути — лучшие. Самая легкая и короткая дорога ведет в ад.

— Почему ты думаешь, что дорога, которую мы выбрали, лучше?

— Потому что я это знаю. На моей ладони лежала бабочка. А значит, ко мне пришло знание и предчувствие того, какая дорога ведет к ключу и как нам ее осилить.

— Ну что ж. Если предпочтительнее путь в Английское королевство через Индию, мы пойдем им.

Лето в тот год пришло очень рано. И выдалось оно жарким. От тех дней в моей памяти остались лишь жара, бесконечная пыльная дорога, ночевки под открытым небом. Если отметить наш курс на карте, он представил бы ломаную линию. Иногда мы даже возвращались назад, теряя немало времени. По словам

Адепта, это был лучший маршрут, при котором у Хранителя оставалось меньше шансов настигнуть нас.

Мы не особенно спешили. Адепт говорил, что пока нет смысла пона强壮у загонять лошадей, время терпит. Мы оставили за спиной Тур, Лимож, затем сделали крюк и очутились в Бордо, где Винер с головой погрузился в какие-то свои загадочные дела, нанес несколько визитов, пополнив запас денежных средств и сведений о том, что происходит в Европе. А я беззаботно бродил по городу, любуясь роскошным готическим собором, развалинами древнеримского амфитеатра, толкаясь в привычной портовой суete среди купцов, мореходов и жуликов. С легкой грустью прислушивался к заумным беседам, которые горячо вели прямо на улицах студенты местного университета, старого, почетного заведения, основанного почти триста лет назад, вспоминая, что и сам когда-то с прилежанием постигал различные науки, связанные с медициной. Как давно это было!

В Бордо мы провели три дня. Под конец я стал нервничать, поскольку у Винера находились все новые дела, а каждый час пребывания на одном месте повышал возможность того, что Хранитель обнаружит нас своим дьявольским внутренним зрением и уничтожит. Он держал нас на леске, как рыбак добычу, и с каждым днем все ближе подтягивал к берегу.

Мы решили двинуться в путь рано утром, но едва я заснул, как проснулся от внутреннего толчка. Я ощутил, что мое сердце с нечеловеческой силой сжимает грубая, беспощадная рука.

— Вставай, — воскликнул я, расталкивая Адепта. — Нам надо бежать. Я чувствую его длань!

Мы отчаянно гнали лошадей, и им будто передались наше возбуждение и страх. Мимо пролетали темные купы деревьев, лунная дорожка блестела на озере, горела лампа в окне крестьянского дома. Стук копыт разрушал ночную тишину, и иногда ему вторил лающий волчий вой.

Когда начал заниматься рассвет, мы, измотанные и облепленные грязью, барабанили в ворота придорожной гостиницы. Нужно было подкрепиться, дать немного отдыха лошадям и отдохнуть самим.

Только что пропели петухи. В большой комнате, уставленной огромными столами и тяжелыми стульями, дремала жена хозяина, положив щеку на пухлую руку. Муж дернул ее за плечо и велел об служить господ. Мы уселись за стол.

Кроме нас в углу сидел щупленький мужчина лет тридцати пяти. Его смуглое лицо изрезали морщины. Встретившись со мной глазами, он улыбнулся, обнажив ровные белые зубы. Он был в удобной для дороги кожаной одежде и высоких сапогах.

— Что-нибудь поесть. И кувшин вина — нас мучит жажды! — велел Адепт.

— Все будет сделано, — склонился в низком поклоне хозяин и исчез с женой на кухне.

— Разрешите подсесть к вам, господа? — учтиво обратился к нам мужчина в кожаном. — Я сразу увидел в вас приятных собеседников, встреча с которыми в долгих странствиях сравнима с находкой жемчужины в куче навоза.

— Думаю, вы ошибаетесь, сударь. Не зная нас, вы слишком высоко оцениваете наши достоинства, — суховато произнес Адепт. — Но мы благодарны вам за лестные слова и, конечно, не против, если вы присядете рядом и разделите с нами кувшин вина.

Недомерок устроился напротив нас, и я получил возможность получше рассмотреть его. Лицо незнакомца было некрасивым, с мелкими, какими-то крысиными, чертами и вместе с тем не лишено некоторого обаяния. В карих глазах светился ум. Шрамы на лице и обветренная кожа говорили о том, что жизнь этого человека была нелегка и полна приключений. Длинные тонкие пальцы постоянно находились в движении — он теребил свой рукав, мял хлеб, крутил кольцо на мизинце. Было видно, что он привык ра-

ботать пальцами, скорее всего, играя на каком-нибудь струнном музыкальном инструменте. Судя по чертам лица и цвету кожи, в его жилах текла турецкая или мавританская кровь.

— Вижу, вы держите путь издалека, — начал он.

— Вряд ли есть в Европе страны, чью дорожную пыль мы не носили бы на подошвах наших сапог.

— Мне, странствующему дворянину, с детства выброшенному в океан жизни, это знакомо. Видел я во дни своих странствий места и похуже, но, скажу честно, сия таверна представляет из себя жалкое явление. Хозяйка ленива и плохо готовит. Слуги неучтивы. Хозяин наверняка вор и укрывает доходы от государевой казны. Представьте, он не хотел пускать на порог меня, измотанного долгой дорогой и ослабевшего от голода и усталости. — Незнакомец укоризненно покачал головой. — Он так и намекнул мне, что если у представителей моего славного рода и водились деньги, то было это сразу после великого потопа. А ведь бедность, судари, вовсе не относится к числу человеческих грехов, а, скорее наоборот, является добродетелью. К счастью, я не всегда наделен этой самой сомнительной из добродетелей. Вид золота в моих карманах отрезвил этого мерзавца, и это к лучшему, ибо я тогда уже почти решил обрубить ему уши. И клянусь, без ушей он смотрелся бы куда лучше, чем теперь.

— Сие было бы излишне, ибо смирение должно входить в число душевных качеств порядочного человека, — возразил ему Адепт с самым серьезным видом, стараясь сдержать улыбку.

— Согласен с вами, но, к сожалению, этим душевным качеством не владели ни мой добрый отец, вынужденный подрабатывать морскими плаваниями, ни дед, казненный Яковом Вторым, чтоб еще тысячу лет все плевали на могилу этого августейшего выродка, а у его детей из ушей росла шерсть!

— Вы слишком суровы к нему, — подал я голос. — Хотя, конечно, Яков был отъявленным плутом и мерзавцем, пролившим кровь многих порядочных людей.

— Да, именно так, мой друг. Хотя, если признаться, и мой дед был плутом и мерзавцем. К счастью, его кровь не отразилась на мне, и нравом я вышел кроток, а душой чист. Я даже, к стыду своему, излишне добродетелен, что не может не осложнить жизнь человека в наши тяжелые времена.

Наш новый знакомый отхлебнул из кружки и кинул взгляд в окно.

— О солнце поднимается. Пожалуй, мне пора. Вот что я вам скажу. Если решите остановиться здесь надолго, знайте — эта тараканья дыра полна всяких оухов, скучных, как проповедь святого отца-бенедиктина. Баронесса де Брагелонн со слугами держит путь в один из замков своего мужа, но живет здесь уже два дня. Мы въехали одновременно. Ее вовсе не интересуют более чем сомнительные местные пасторальные красоты и не ласкает слух мычанье коров на лугу. Интересы ее не простираются дальше красавца испанского капитана Аррано Бернандеса. Если же вы не собираетесь задерживаться здесь надолго, то вам повезло, ибо один только вид этой пресной и глупой курицы может наполнить тоской чью угодно душу... Хорошо, что меня не слышит капитан. Этот бешеный идальго взрывается быстрее, чем порох в корабельном магазине, в который угодил горящий факел. Честно сказать, идальго этот всего лишь надменный индюк, с детства привыкший пускать людям кровь и созерцать аутодафе, наслаждаясь ароматом горящего человеческого мяса. Клянусь, у него просто страсть к огню, как и у всех испанцев... Ну что же, мне пора покинуть вас! — Он развел руками, закончив описывать постояльцев. — Кстати, я забыл представиться вам. Генри Джордан, английский дворянин.

Мы тоже представились.

— Хозяин, — крикнул Генри. — Поторопись, если хочешь увидеть, как блестят мои денежки!

Хозяин появился тут же, едва заслышиав волшебное слово.

— Четыре экю.

— Вы слышали, четыре серебряных экю! За не-прожаренную еду и запах хлева в спальной комнате!.. На! И возьми еще половину — я расплачусь за все, что закажут эти господа.

Наши возражения не подействовали на него, он загорелся мыслью оплатить наши расходы.

— Благодарю, сударь, — поклонился хозяин. Недоверие и презрение, с которыми он смотрел на англичанина, сменились скорбной миной. Он вытащил из кармана золотое кольцо и с видимым сожалением протянул его Генри. Тот опустил кольцо в карман и хлопнул хозяина по толстому брюху.

— Не скучай без меня, винная бочка, я еще когда-нибудь появлюсь в этой гнусной дыре и наведу порядок в твоих винных погребах. Счастливого пути вам, господа. Мне было приятно побеседовать с вами; и, возможно, наши дороги еще пересекутся, ибо в мире их гораздо меньше, чем кажется на первый взгляд.

Он нахлобучил шляпу и вышел. Вскоре со двора донесся стук копыт.

— По-моему, он больше похож не на дворянина, а на вора, — пробормотал хозяин, внимательно рассматривая монеты. — Вроде бы не фальшивые. Кто бы мог подумать, что у этого мошенника найдутся деньги. Когда я брал в залог кольцо, то был уверен, что у него за душой нет ни су.

Вскоре нам принесли холодную телятину, яичницу и еще один кувшинчик вина. Все было вполне сносно на вкус, так что Генри Джордан был не совсем прав, ругая здешнюю кухню.

— Мне понравился этот забавный человечек; — сказал я, пережевывая телятину и запивая ее белым вином.

— Мне тоже. Я не заметил на нем печати зла. Но когда хозяин трактира назвал его мошенником и вором, думаю, он был не слишком далек от истины.

— Мне тоже так кажется. Хотя его речь выдает в нем образованного и неглупого человека.

Мы провели за неторопливой трапезой полчаса. За соседним столиком устроились трое французских офицеров, которые даже во время еды не расставались с оружием, рядом с ними лежали их шпаги и пистоли. Они негромко о чем-то переговаривались. Все было тихо и спокойно, пока вдруг не начался жуткий, непристойный бедлам.

Сверху, где, как я понял, располагались комнаты состоятельных постояльцев, донесся истощный женский крик, перешедший в забористую ругань, — дама явно не стеснялась в выражениях. Потом послышались возбужденные мужские голоса. Шум приближался. И вот в зал ворвалась разъяренная компания, состоящая из полноватой благородной дамы, раскрасневшейся от волнения, двух напуганных слуг, у одного из которых на щеке отпечаталась пятерня, похоже, хозяйкина награда, и высокого испанца с острой бородкой, длинными черными волосами и темными глазами, мечущими молнии. Вслед за ними вбежал удивленный и испуганный хозяин.

— В твоем мерзком курятнике, не заслуживающем даже названия харчевни, меня обворовали! — взвизгнула дама, примериваясь, как бы лучше залепить хозяину пощечину.

— Не может быть! — воскликнул тот.

— Коробка с драгоценностями! Кошелек с деньгами! Все пропало!

— Баронесса, может, вы недостаточно хорошо осмотрели свои вещи?

Хлоп! Рука баронессы все-таки нашла достойный объект в виде его мясистой щеки, и лицо хозяина постоянного дворя приобрело такое же украшение, которое уже имелось у слуги.

— Поговори у меня! Я вам устрою варфоломеевскую ночь, проклятые гугеноты! Я разорю это разбойничье гнездо! — гневалась дама.

— Тот вор, что уехал... — начал было объяснять хозяин.

— Как ты смеешь так говорить с баронессой, — перебил его идальго, ухватив крепкой рукой хозяина за воротник. — Я выверну наизнанку твои внутренности!..

— Я, да, мм... — замычал хозяин.

— Он считает, что я вру!

Хлоп! Для симметрии на лице бедняги появился еще один отпечаток.

— Что вы, сударыня, как я могу?..

— А может, он сам и украл драгоценности? — подозрительно уставилась на него баронесса де Брагелонн.

— Помилуй, Господи!

— А что, это вполне возможно, — холодно произнес идальго, его пальцы легли на эфес шпаги, которую он уже успел нацепить с утра, на устах заиграла зловещая улыбка.

Испанец сразу не понравился. В нем, по-моему, сошлись худшие черты, которые можно встретить у представителей его народа, — высокомерие, напыщенность, холодная жестокость.

— Уверяю вас, это невозможно! — крикнул хозяин.

— Тогда кто, как не ты?

— Не знаю, — всхлипнул хозяин. — Ума не приложу... Скорее всего это тот постоялец, что недавно съехал... Я с первого взгляда понял, что он плут и каналья. Сперва он не мог расплатиться, а тут...

— Что — а тут? — грозно спросила баронесса.

Хозяин понял, что сболтнул лишнее, ведь если вор расплачивался крадеными деньгами, то их придется вернуть.

— А тут взял и уехал, — быстро завершил тираду хозяин.

— А, я помню эту английскую змею, — прошипел идальго, и, надо отметить, в этот момент он сам гораздо больше походил на змею, чем англичанин. — И когда он уехал?

— Рано утром потребовал завтрак, потом посидел вот с этими господами. — Хозяин указал на нас. — А затем сел на коня и был таков.

— Нужно послать погоню! — взвизгнула баронесса.

— Поздно, мы даже не знаем, куда он отправился, — возразил идальго и повернулся к нам. — Уж не сообщники ли это сбежавшего мерзавца?

— Мы видели его первый раз в жизни, — сказал Адепт.

Идальго посмотрел на нас равнодушным взглядом, ясно было, что мы его совершенно не интересуем и он вряд ли на самом деле считает, что мы соучастники англичанина. Он уже собирался отвернуться от нас и вновь приняться за хозяина. И тут вдруг он покачнулся, словно от удара кулаком в грудь, рука его прижалась к сердцу, потом резко рванула ворот камзола. Лицо испанца на миг перекосилось, как от зубной боли, потом стало отрешенным, и неожиданно в глазах его вспыхнули огоньки злобы и ненависти. Мне стало жутковато от подобной метаморфозы. Явно происходило что-то необычное.

— Я уверен, это одна шайка! — крикнул идальго.

— Вы уверены? — с интересом осведомилась баронесса, разглядывая нас, словно диковинных зверей.

— Я уверен. Пусть они отдадут награбленное!

— Ничего глупее я не слышал уже лет тридцать! — возмутился я, чувствуя, как у меня начинают дрожать руки. Мне становилось страшно. Здесь творилось что-то жуткое.

— Их надлежит тут же вздернуть на дереве! — решительным тоном произнес испанец.

— Здесь Франция, сударь, — проронил я, стараясь говорить как можно спокойнее. — И здесь веша-

ют только по решению суда, тем более лиц дворянского сословия, к которому мы принадлежим.

— Ты принадлежишь к собачьему сословию — и я докажу тебе это!

В его руке сверкнула обнаженная шпага, и я прочел на его лице свою смерть.

— Сделай еще шаг, и в твоей башке будет одной дыркой больше, — негромко, но очень четко и решительно произнес Адепт. Щелчок взвешенного курка и ствол пистолета, направленного в лицо идалго, говорили о том, что мой спутник не намерен шутить. Испанец не успеет и шагу сделать как свалится замертво.

— Клянусь католической церковью — вы заплатите за все! Смерть будет вам избавлением. Я все равно достану вас, и самые заблудшие еретики, преданные пыткам и сожжению, не позавидуют вашей участи. Да поможет мне в этом Иисус!

— Ну уж нет, негодяй! Не Иисуса, а дьявола ты должен призывать, как и твои полоумные святоши, живьем сжигающие на кострах людей! — не выдержал я.

— Ты не только разбойник, но и богохульник! Сойдитесь же со мной в честном поединке, вы, порождения порочного союза свиньи и дворняжки!

Здесь была какая-то ловушка. И мне не хотелось ввязываться в драку.

— Остановитесь, господа! — воскликнул один из французских офицеров, наблюдавших за скандалом. — Вы, испанец, не имеете никаких оснований обвинять этих людей. Если бы они были сообщниками вора, зачем им было оставаться здесь? Пока что ваши утверждения носят голословный характер.

— Меньше всего я нуждаюсь в ваших советах.

— Вы в них нуждаетесь больше, чем вам кажется, ибо рискуете повстречаться с крупными неприятностями, попирая законы страны, в которой имеете честь находиться.

— Как же!

— Один из наших законов запрещает дуэли. И если вы станете упорствовать, я буду вынужден подвергнуть вас аресту.

— Чушь!

Глаза иадальго налились кровью, щека задергалась. Гнев исказил его красивые черты, и сейчас он вовсе не казался привлекательным.

— Ну ладно! — Он вложил шпагу в ножны и обратился к нам: — Еще настанет час, когда я вырву ваши сердца и скормлю их вашим сородичам — грязным бродячим псам!

Он повернулся и вышел.

— По-моему, он не в себе, — сказал офицер.

— Бедняга, — вздохнула баронесса. — Он так расстроился из-за моих драгоценностей. Поверьте, я никогда не видела его таким. Во всем виноват этот отвратительный хлев, которому лучше провалиться в ад! — Баронесса размахнулась, влепила хозяину гостиницы третью пощечину и чинно удалилась.

— Это дом скорбных разумом, — пожал плечами офицер и возвратился к своему столу.

— В дорогу, Эрлих! Обстоятельства складываются против нас!

Вскоре мы уже мчались прочь от постоянного двора. Мы не дали отдохнуть лошадям и рисковали окончательно загнать их. Достаточно удалившись от того места, мы сбили ход.

— Почему он так вызверился на нас, этот проклятый испанец? Чем мы перешли ему дорогу? — спросил я.

— А ты не понял? Этот испанец наш злой рок. Боюсь, мы еще не раз встретимся с ним.

Сверху послышался клекот, и я увидел, как за верхушками деревьев исчезла большая черная птица.

* * *

— Время близится, — сказал Винер, положив на стол свои драгоценные швейцарские часы.

Вокруг стояла тишина. Полнейшая тишина, не оскверняемая ни лаем деревенских собак, ни мяуканьем кошек. Даже сам ветер затих и не шевелил кроны деревьев. И это не было случайностью. Приближался ответственный час.

— Через десять минут Венера вступит на порог пятого дома, — произнес Адепт. — И настанет «миг немого грохота», как называли его атланты. Астральные потоки на некоторое время успокоятся в неустойчивом равновесии, и мы сможем использовать это, правда, в ограниченных рамках.

— Я уже слышал сие.

— Мы вряд ли сегодня решительно изменим ситуацию в свою пользу. Но зато сумеем получить доступ к некоторым знаниям о ближайшем будущем, которые так необходимы нам. Правда, это довольно опасное занятие. Если мы нарушим равновесие, сорвавшаяся лавина погребет нас под собой. Не знаю, стоит ли рисковать...

— Думаю, мы должны пойти на этот риск, — горячо возразил я. Мне надоело тащиться неизвестно куда. Целый год скитаний, когда за тобой идет невидимый враг и ты знаешь, что он силен, а ты пока что бессилен, — это выматывает и приближает к срыву. Хотелось хоть немного ясности. «Миг немого грохота» — единственная возможность ее внести.

— Хорошо, — кивнул Адепт.

Он вытащил из кармана мелок и начертил на полу круг. Я вспомнил себя, чертившего такие же круги в Москве и читавшего в них заклинания из дьявольской книги, что едва не привело меня к бесславному концу. Это очень опасное занятие, но с Винером мне было намного спокойнее. В отличие от меня тогдашнего, он прекрасно знал, что надо делать, и умел это делать.

Адепт поставил в центре круга медный таз, налил в него из кувшина воду, опустился на колени и пригласил меня последовать своему примеру. Я тоже уст-

роился на полу. Комната нам досталась насквозь про-дуваемая сквозняками, однако внутрь круга не про-никало ни дуновения. Лишь мерное тиканье часов напоминало, что мы еще находимся в нормальном мире, наполненном звуками и шорохами.

— Ну что ж, время пришло, — произнес Адепт, когда стрелка часов указала на час ночи.

Я содрогнулся. Возникло ощущение, что меня сдавила и тут же отпустила гигантская рука — Венера вступила на порог пятого дома. Мы могли начать преодоление рубежа, и в нашем распоряжении будет еще целый час. Мы окажемся в центре пересечения самых фантастических сил, от которых берут начало бесчисленные цепи событий и тончайшие взаимозависимости элементов окружающего нас мира. Мы еще не бросились с головой в этот океан, но даже сейчас я ощущал себя неуютно и начинал жалеть, что так рьяно подговаривал друга на эту авантюру.

— Ну что, вперед? — спросил Винер.

— Не знаю, — протянул я. У меня появилось предчувствие, что я не выдержу этого испытания.

— Решай быстрее. Мы не можем мешкать.

— Идем вперед!

Была не была! Нельзя давать волю своим слабостям и малодушию. Если ты уступишь им в одном, они тут же потребуют уступок в другом, так что вскоре ты полностью окажешься в их власти, станешь мнительным и слишком озабоченным своим уютом и безопасностью, а это было бы для нас верной смертью. Не говоря уже о том, что мне противен образ сытого бюргера, не видящего ничего, кроме своего дома, давки и мелких удовольствий. Они глупцы даже не знают, что рядом с ними огромный мир.

— Не пожалеть бы потом. Гляди в воду. — Адепт взял из золотой коробочки щепотку какого-то вещества и бросил в таз. Вода на миг вспыхнула синим пламенем, как подожженный спирт, после чего снова приобрела свой обычный вид.

— А тун квазгл империнум абра, — начал нараспев читать Адепт заклинание атлантов, которых до сих пор никому не удавалось превзойти в магических искусствах. Звук — огромная сила, и в «миг немого грохота» он может открыть дверь.

Странные слова умершего языка, словно клубы дыма, парили в воздухе. С каждым новым словом нарастало какое-то содрогание. Казалось, начинается землетрясение, которое разнесет дом в щепки, а земля вокруг него расколется глубокими трещинами. Но на самом деле не дрогнул листок в цветке на подоконнике, не было даже легкой ряби на воде. Землетрясение нарастало где-то в иных мирах, которые невидимы для нас, но в которых всегда присутствует частичка нашей души.

— А лугзант раст ва! — торжественно воскликнул Адепт, взял лежащий рядом с ним его магический кинжал, руны которого сияли сейчас во всю силу, и погрузил лезвием в воду. К моему удивлению, кинжал не упал, а остался стоять, будто его воткнули в землю.

— Не отрывай глаза от воды! — крикнул Адепт, и голос его донесся откуда-то из далекого далека.

Сказал он это вовремя, потому что я почувствовал труднопреодолимое желание отвести глаза от ее поверхности. Вода пошла мелкой зыбью и теперь была похожа на озеро, на которое смотришь с высокой скалы. Что-то отталкивало мой взор. Но, сделав титаническое усилие, я не оторвал его. А потом уже не смог бы отвести глаза, даже если бы очень сильно этого захотел. Голубая плоть воды втягивала меня в себя, разрывала мои связи с этим миром...

Я лежал на скользком льду. Склон был довольно крутой, и при одном неверном движении я рухнул бы вниз. Скосив глаза, я увидел распластавшегося рядом Адепта.

— Теперь наверх, — едва слышно прошептал он, но даже эти слова дрожью прокатились по окружающему миру. Лед, на котором мы лежали, готов был

расколоться и обрушиться в бездну. Воздух тоже пришел в движение, завибрировал — вот-вот он в гневе разразится грохотом и молниями. Замерцал мягко льющийся со всех сторон свет, и я почувствовал, что он может слиться в ослепительный шар, который испепелит незваных гостей и оставит от них лишь горсть пепла.

Всем телом я вжался в лед. Моя щека и руки ощущали его обжигающий холод. Я ждал смерти. Но через минуту все успокоилось. Адское эхо затихло. Я чуть было на радостях не проговорил «Слава Богу», но вовремя прикусил язык. Слова, произнесенные в полный голос, наверняка взорвали бы тут все.

Адепт глазами указал мне наверх. Я сделал движение. Склон завибрировал, но мне удалось продвинуться на несколько сантиметров. Потом еще немного. Так, теперь нужно подождать, пока все затихнет и успокоится, и преодолеть еще несколько сантиметров.

Где мы находимся? Что за пространства раскинулись вокруг нас? Я мог лишь разглядеть искрящуюся, уходящую вдаль поверхность льда и кусочек синего неба наверху.

Еще чуть выше. Еще... Пальцы скользнули, ноги разъехались, и я устремился вниз. Я не мог найти опоры. Я скользил сначала медленно, потом быстрее, теряя с таким трудом завоеванные метры. Я летел навстречу гибели.

В мыслях я уже рас прощался с жизнью, и тут моя нога наткнулась на бугорок, соскользнула с него, но я успел зацепиться коленом, замедлив скольжение. Колено тоже сорвалось, однако мне удалось обхватить бугорок руками. Наконец-то я обрел хоть какое-то сцепление со льдом. Спасен! Теперь передохнуть и снова вверх.

Вскоре я наверстал упущенное и устремился выше и выше. Сколько продолжался наш подъем — точно не знаю. Может, пятнадцать минут, а может, и четыре часа. Со временем здесь творилось что-то неладное,

я не мог уцепиться за него разумом, как не мог руками удержаться за лед, когда скользил вниз. Наконец мы настолько принаоровились к плавным, размежеванным движениям, что я начал забывать об опасности и совершил ошибку. Я всего лишь дернулся чуть сильнее — и окружающее пришло в движение. Начал разрастаться угробный рев, как при селевом потоке, в лицо пахнуло обжигающим дыханием, волосы встали дыбом. В районе позвоночника начала разрастаться колющая боль. Минута, другая... Буря нарастила. И вдруг кончила.

Опять мягко, избегая резких движений, ползти по склону. К какой-то неведомой цели. И пришел миг, когда пальцы, вместо обжигающего, пробирающего до самых костей льда, ощутили мягкую, пушистую, теплую поверхность. Это был поросший мхом камень. Я подтянулся, напрягся, с трудом выбрался на ровную площадку и осторожно разогнулся.

— Нам повезло! — во весь голос произнес Адепт.

Я втянул голову в плечи, ожидая страшнейшего удара стихий. После таких громких слов на нас должен был обрушиться весь этот мир. Но не обрушился.

— Не бойся, — успокоил меня Винер. — Мы преодолели самую трудную часть — склон, разделяющий миры. Теперь мы здесь. Можно говорить, кричать, махать руками.

Я огляделся. Странно, в первые секунды я не видел ничего, кроме площадки, на которой мы стояли, дальше было какое-то голубое, с синими всполохами мерцание. Постепенно глаза стали привыкать, и, как при наведении резкости в подзорной трубе, цветные пятна, блики, огненные зигзаги начали обретать формы, стали проступать контуры мира. Вскоре нашим глазам предсталла поразительная картина.

Передо мной простирались ни с чем не сравнимые по размерам и величию гигантские горы, прорезавшие долины и море вдали. Горы эти были изумрудные и красные, зеленые и фиолетовые, сверкающие в лучах

льющеся со всех сторон света. Одну из них обвила переливающаяся всеми цветами радуги змея с рогами и перьями на голове. Ее шея монотонно раскачивалась из стороны в сторону. Длина змеи достигала многих миль. Но она была самым невероятным существом здесь. У кромки моря наскакивали друг на друга, потом окунались в воды и снова сплетались в жутком танце два дракона. Удары их крыльев вызывали такие волны, которые сразу могли бы потопить целый флот. Обрушившись снизу вверх водопад разбивался о похожую на гроб скалу. Чей-то плавник, размером с Кельнский собор, прорезал поверхность изумрудного моря. Корабль, похожий на парусник из самых красивых потаенных снов, плыл через горное озеро, время от времени вылетая из воды, и тогда с него катились вниз алмазные струи. Две птицы, по сравнению с которыми птица Рух показалась бы просто жалким цыпленком, парили в вышине, а рядом с ними зигзагами летел загадочный треугольный серебряный предмет.

Но самое поразительное находилось за нашими спинами. Когда я оглянулся, то увидел на горизонте город. Но это не был обычный город. Он завораживал тем, что постоянно менял свои очертания. Только что в нем были храмы с быками и крылатыми драконами, вздымались вверх уступчатые пирамиды, и вот уже их сменили ажурные дворцы, замки, неприступности и красоте которых позавидовал бы любой феодал. Вслед за этим появились гигантские черные утесы и устремленные в небо стрелы, с трудом верилось, что это здания, но это были именно они. Их сменили сооружения разных цветов и таких замысловатых форм, которые просто не укладывались в голове.

— Ох, — прошептал я. — Что же это такое? Неужели все это существует на самом деле?

— Что значит — существует? У города тысяча, да что там тысяча, бесконечное число граней, уходящих во многие миры.

— Такой красотой можно любоваться вечно!

— Кому-то это удалось. Многие попались в ловушку и навсегда остались здесь. Я им не завидую. О, а нас встречают!..

Он смотрел на кого-то за моей спиной. Я обернулся и увидел белую птицу с длинным клювом и раскосыми человеческими глазами. Ростом она была с меня.

— Что вам надо? — послышался равнодушный голос, звучавший сзади отовсюду, как глас Божий.

— Мы хотим знать настоящее. Мы хотим знать грядущее. Мы хотим получить защиту и силу, ибо наши силы уже на исходе.

Птица расправила крылья.

— Идите за мной.

Она взмыла вверх.

— Как за ней? — не понял я.

— Не спрашивай, а делай — главная заповедь этих краев. — Адепт подошел к краю обрыва, оттолкнулся ногой и... полетел вслед за птицей.

Я не верил, что мне удастся проделать то же самое, но, когда я оттолкнулся ногой, скала осталась внизу. И я понял, что здесь решают войсе не мышцы, крылья или острые клыки — тут все зависит от воли.

Горы проплывали внизу, и когда я смотрел туда, то видел вещи, которые перечислять нет смысла. Все видимое находилось в постоянном движении. Там происходили самые невероятные метаморфозы, в которые вовлекались и живые существа, и неживая (неживая ли?) материя. Там можно было увидеть все, что только в состоянии помыслить себе человек. И то, чего он не в состоянии представить. Это было и прекрасно, и пугающе. И оставляло отпечаток, вызывало отклик в душе, словно картина великого живописца.

Неожиданно мы очутились на голой скале. Когда мы ступили на нее, свет, льющийся со всех сторон, начал меркнуть, и вскоре этим миром завладела тьма, в которой лишь угадывались очертания великих гор.

Но то, что происходило рядом, я видел очень ясно. Под ногами у нас был узорчатый пол, которого не сыщешь ни в одном дворце. В центре виднелось углубление с прозрачной водой, на дне его был золотой песок и кораллы самых удивительных форм.

— Говорите, — послышался голос, и я не мог понять, какой он тональности, как он звучит. Он просто звучал — и все.

— Что будет с нами? Удастся ли нам выполнить возложенную на нас миссию? Если нас ждет смерть, где нам надо готовиться встретить ее?

Птица ударила клювом о землю. Вода вскипела, помутнела и на глазах превратилась в зеленое болотце.

— Ваше будущее нам не дано видеть.

— Почему? — спросил Адепт. — Оно закрыто? Если закрыто, то кем? Разве мы не обладаем правом, священным для этих мест, — знать все?

— Оно не закрыто. Его пока просто нет.

— Как? — пораженный, воскликнул Адепт.

— Оно еще не определено даже намеком. Ваша линия судьбы переплетена с тысячами других. У вас есть выбор. От него зависят эти линии и, возможно, судьба всех людей Земли.

— Эта весть необычна, — покачал головой Адепт. — Тому, кто смог взобраться на скалу оракула, удается узнать даже исход битв в точках Лимпериума. И такой запрет... Это значит, мы в судьбоносном русле. Эрлих, такое дается очень немногим.

— Что ты еще хочешь знать, человек?

— Где наш враг? Что он делает? Как найти силы, чтобы бороться с ним?

— Смотри.

Болото превратилось в лед. В нем — помещение со сводчатым потолком, сыплющий искрами шар вместо свечи на столе и Хранитель, листающий огромную книгу с тонкими страницами. Робгур что-то шептал себе под нос. Мудрость и сила исходили от него.

— Хранитель, — прошептал Адепт. — Он сейчас думает о нас. Эти мысли никогда его не покидают.

Робгур был погружен в чтение. Неожиданно он дернулся, как от удара, выпрямился, огляделся настороженно, как оглядывается, принюхиваясь и поводя ушами, охотничья собака, почуявшая дичь. Робгур встал, прошелся по комнате. Убедившись, что в ней никого нет, он уселся в широкое кресло из слоновой кости, склонил голову, над чем-то задумавшись. Я боялся его, даже зная, что нас разделяет огромное расстояние. Для этого исчадия ада не существовало преград.

Хранитель успокоился, видимо, решив, что чувства подвели его. Во всяком случае, мне так показалось. Но я ошибся. Миг — и Робгур окунутся тьмой, а скала, на которой мы стояли, вздрогнула. Белая птица вспорхнула в испуге. Я отшатнулся от ледяной глади. Она пошла трещинами, и из нее выползло НЕЧТО, являвшееся одной из составляющих Хранителя, со средоточием его силы. Оно устремилось к нам, охватывая нас в тиски, питаясь нашей энергией. Нежели, не настигнув нас на Земле, он поймает нас в этом мире, куда мы вовлекли его по собственной глупости? Но кто мог подумать, что он способен на такое?

Он почти овладел нами, когда Адепт, собравшись с последними силами, схватил меня за руку и бросился на покрытый извилистыми трещинами лед. Ледяная поверхность с оглушительным грохотом треснула и распалась...

И мы очутились в нашей комнате. Внутри круга.

Сперва мне показалось, что мы избавились от Хранителя. Наивны тщетные надежды. Он был здесь. Он последовал за нами из того мира. Он не привык отпускать добычу.

Нам приходил конец. Он навалился на нас своей мощью. Она еще возросла после его пребывания в

странным мире. Мы же не ждали его и оказались не готовыми к борьбе с ним.

Адепт был беспомощен. Могучий рывок, когда он толкнул меня на лед, истощил его последние силы. Теперь он лежал на полу, похожий на труп. Я остался с беспощадным врагом лицом к лицу и за оставшиеся мне секунды должен был что-то придумать. Но что?

Решение пришло само собой. Из последних сил я сбросил оцепенение, сковавшее мои члены и мысли, и ударили ногой по тазу с водой, в котором еще стоял стоймя клинок. Вода разлилась по полу, прогрохотал гром и затих вдалеке... А потом залаяли собаки, на деревья налетел порыв ветра, окружающий нас мир больше не был опутан тканью безмолвия. Я любил этот мир. Всей душой. Особенно когда рядом не было Робгура.

Адепт пришел в себя и приподнялся.

— Как ты избавился от него?

— Просто перевернул таз с водой.

— Безумец! Я бы никогда не решился на такое. Нас могло затянуть в водоворот, из которого нет спасения. Тебе улыбнулась удача. Так она еще не улыбалась никому.

— Потомки назовут меня Эрлихом Счастливым. Мне действительно иногда везет.

— Не думаю, что дело тут только в везении. Пожалуй, ты владеешь такой ипостасью великой силы, какой мало кто владел. Ты можешь воздействовать на ткань действительности, даже сам не ведая, чтотворишь.

— Ну да! А Хранитель может воздействовать на меня. Теперь он наверняка точно определит, где мы находимся. И нашлет на нас мор и тьму египетскую.

— Не думаю, что все обстоит так плохо. Сюда он пришел за нами из дальних земель, и он точно не знает, куда его выбросило. Так что в результате он не приблизился к нам ни на шаг.

— Не думаю все же, что нам стоит здесь задерживаться.

— До утра можешь спать спокойно.

— Счастлив ты, если можешь заснуть после такого. Я вообще, наверное, теперь никогда в жизни не буду спать.

— Да? Ложись в постель.

Я улегся прямо в одежде.

Адепт опустил мне ладонь на глаза, и я тут же провалился в черный, без сновидений сон.

* * *

В солнечный теплый день мы прибыли в Тулузу — оживленный город на юге Франции, расположенный на реке Гаронне — на пресечении торговых путей. Были времена, когда город мог похвастаться независимостью и значительной ролью во всех европейских делах. Больше тысячи лет назад он являлся столицей королевства вестготов, потом почти полтысячи лет столицей независимого свободолюбивого Тулузского графства — оплота ереси альбигощцев, считавших, что в мире не одна, а две равновеликих, бесконечно могущественных силы — Бог и дьявол. В результате кровавых альбигоцких войн, когда безжалостно вырезались тысячи безоружных еретиков, графство было присоединено к домену французского короля. Теперь народ здесь был ленивый и медлительный, довольно прохладно относящийся к славе воинственных предков. Горбатые узкие улочки переполняли сонные торговцы, крестьяне и студенты университета. Здесь ощущалась близость Испании, встречалось множество смуглых лиц и черных глаз. В разговоре то и дело проскальзывали испанские словечки.

Мы сняли угол около церкви Сен-Сернен. Гостиница была полна купцов, мелкопоместных дворян, ищущих, кому бы повыгоднее запродать свои услуги в деле лишения жизни себе подобных.

Во всех больших городах у Адепта было много единомышленников. Только теперь я убедился, сколь

широко раскинул свои сети Орден Ахрона и сколь могуществен он был. Большинство из людей, с которыми общался Винер, даже не знали, частью какой огромной силы они являются и какой великой цели служат. Их до глубины души поразило бы, узнай они, кто такой Винер, и они бы лишились дара речи, если бы им стало известно, нити каких сил он держит в своих руках. И уж никто из них никогда не поверил бы рассказу о том мире, в котором мы побывали в «миг немого грохота». Круг истинно посвященных мал. Мало кто достоин далеко пройти по пути тайного учения.

Пока Винер ходил по своим делам, я бесцельно слонялся по улицам, с удовольствием отдаваясь во власть нового для меня города, вдыхая его воздух, заглядывая в таверны и лавки. Мне нравилось это занятие. Страшно подумать, сколько я истоптал башмаков, бродя по таким городам, сколько повидал людей с разным цветом кожи, сколько услышал языков, многие из которых научился понимать и даже сносно говорить на них.

Я убил добрую половину дня, пока очутился на торговой площади, где толпился народ, продавались овощи и мясо, глиняные горшки и кухонные ножи, шпаги и шляпы. Стоял привычный в таких местах галдеж: продавцы расхваливали свой товар, шел отчаянный торг, злобно ругались две толстые крестьянки — они уже были готовы вцепиться друг другу в космы. Какой-то мальчишка сграбастал горсть орехов и бросился наутек под дикий крик хозяина, которому, казалось, отрубили палец. Пахло жареным мясом, фруктами и гнилью. Все рыночные площади похожи одна на другую, будь то Лондон, Тулуза или Москва.

На краю площади сплошной толпой сгрудился народ. Слышались свист, улюлюканье, одобрительные крики. Люди заинтересованно взирали на происходящее. Оно и понятно — везде любят театр. Люди любят глазеть на скоморохов и жонглеров, гистрионов

и акробатов. Они обожают комедии масок и театры теней, кукол и марионеток. Артисты смелы и отчаянны на сцене, они совершают поступки, которые сами обыватели совершили не в состоянии. Театр открывает большой, грустный или смешной мир крестьянину и ремесленнику, сапожнику и аристократу, уставшим от монотонности существования. Он дает возможность вдоволь посмеяться, посмотреть на все со стороны, отвлечься от голода, нищеты и горестей или праздной тоски, а если зерна падут на добрую почву, немного приблизиться к Господу. Каким бы примитивным сюжетом ни потчевал автор зрителей и какими бы надуманными ни были кипящие на сцене страсти, они все равно найдут отклик в душах людей, приподняв их немного над серой массой будней.

Я втерся в толпу, получая тычки под ребра, начал пропискиваться вперед, при этом высушал немало ругательств и пожеланий немедленно провалиться прямо в ад. Наконец, я увидел красный занавес, над которым метались тряпичные куклы. Одна изображала толстого противного графа Барбарасса, державшего молодую жену чуть ли не на хлебе и воде. Молодой пылкий любовник Франк пытался проникнуть в будуар графини то под видом заезжего монаха, то под видом служанки, переодевшись в женское платье. Сейчас была сцена, когда, зажав новую служанку в углу и гладя матерчатыми руками тряпичную кожу, Барбарасса обещал припасть к ее прелестным ногам. Незадачливый любовник пытался отбиться, но этим только еще больше распалил графа.

Молодая графиня наблюдала за всем со стороны, а потом возопила высоким голосом:

— Ох, если бы он был так страстен со мной, как с этим Франком, спрашивается, нужен мне был бы тогда этот худосочный ловелас? О, как он напорист, мой муж, как он хорош!

Эти слова вызвали у зрителей восторг.

Когда вожделение барона перевалило через край и он уже готов был овладеть жертвой, ловелас воскликнул грубым голосом:

— Как смеешь ты, негодяй, посягать на мою честь?!

— Такой милый и изящный бюст и такой грубый голос, подобный реву раненого кабана! — обратился граф к публике и с новой силой набросился на лже-служанку. — О, милая, за твой нежный голос я люблю тебя еще сильнее! Раскройся передо мной, цветок моей страсти!

Франк схватил дубинку и ударил наивного рогоносца по голове. Тот, охнув, без памяти повалился на землю. Тут выскочила графиня.

— Дорогая, хоть несколько мгновений мы побудем вместе. Я так ждал этого часа!

Он бросился к графине, а та стала отбиваться.

— Раскройся предо мной, алый цветок моей любви... — пробормотал Франк.

Теперь уже графиня схватила дубину и ударила любовника по голове со словами:

— Прочь, негодяй, мне не нужны твои лобзания. Что ты стбишь, тощий, как щепка, против моего пухленьского муженька, против его страсти!

— Ох! — Любовник повалился на землю, вызвав бурю смеха и восторга.

— Приди, приди ко мне, любимый. — Графиня кинулась на пол и принялась жарко ласкать и целовать графа, сжимая его все сильнее. — Нет лучше тебя, слаще твоей страсти, которую я только что подглядела тайком. Приди ко мне, и пусть расцветет для нас дерево любви!

— Не хочу! — Граф яростно отбивался. — Оставь меня, нет сил таких, чтоб ублажить тебя!

— О нет. Тебя я вновь желаю!

Не в силах более сопротивляться, барон схватил все ту же дубину и ударил жену по голове.

— Ох! — Теперь она упала на землю, вызвав новые крики восторга. Зрители наслаждались этим неприхотливым зрелищем.

— Приди, приди ко мне, любимая моя! — бросился граф к застонавшему любовнику его жены...

В этот момент мне стало не до представления. Кто-то шарил рукой по моему поясу. Тут же мой кошелек, срезанный умелой рукой, перекочевал в чей-то карман. Действовал этот негодяй настолько виртуозно, что я едва почувствовал его пальцы. Другой, не знакомый с навыками этой публики, вообще не обратил бы на это никакого внимания. Я ухватил вора за тонкую, почти детскую руку. В моих пальцах, довольно крепких — на недостаток силы я никогда не жаловался, — его рука была как в стальных тисках. Но он неожиданно мощным рывком вырвался и ринулся в толпу. Я устремился за ним. Не то чтобы я слишком жалел о потерянных деньгах — в последнее время уж чего-чего, а денег было вдосталь, — но мне не нравилось чувствовать себя жертвой какого-то нахального воришки.

Работая локтями, извиваясь так, что трещали кости, я лез вперед. Мешала длинная шпага, которую я в последнее время постоянно таскал с собой, но все же меня разбирало такое зло, что я ни на шаг не отставал от ловкого мошенника в зеленой рубахе и шляпе с опущенными полями. Он явно не рассчитывал на то, что я проявлю столь завидную энергию. Воришка все время оглядывался и наконец отчаянным рывком выбрался из толпы. Напоследок его наградили пинком, он пролетел несколько шагов, плюхнулся на землю, но тут же вскочил и побежал легко и быстро, как вспугнутый охотником заяц.

— Держите карманника! — крикнул я.

Никто, естественно, задерживать вора не собирался. Местная публика привыкла к таким историям, происходящим изо дня в день, и все на личном опыте знали, что лучше не вмешиваться в подобные дела.

Вор перевернул лоток с фруктами, перепрыгнул через гору гнилых помидоров. Он был очень ловок и подвижен. Но и я был тоже ловок, несмотря на свой возраст, и в беге мог дать фору любому молокососу. Я отшвырнул путающегося под ногами мальчишку (возможно, даже сообщника) и перемахнул через забор, за которым только что исчез вор.

Он петлял меж рядов, но я не упускал его из виду и не отставал. Он опять перемахнул через стол с горшками, пролез под телегой. Мы вырвались с рынка на улицу, на которой карманник не успел увернуться от дамы с крошечной болонкой в руках и сшиб ее с ног.

Я сумел сократить расстояние, но из последних сил. И тут воришка сделал ошибку. Он свернулся в узкую улицу с кирпичными домами без окон, заканчивающуюся высоким каменным забором. Он попытался перепрыгнуть через неожиданную преграду, но пальцы его соскользнули, и он упал, сильно ударившись коленом и обхватив его руками.

— Ну что, негодяй?! — воскликнул я, переводя дыхание. Отдышавшись, я выхватил шлагу и со свистом рассек ею воздух.

— Вы ошибаетесь, мой господин. Я вовсе не негодяй. Просто рамки циничного общества настолько узки, что в них нельзя сделать и шагу, не рискуя прослыть негодяем. — Он начал приподниматься, потирая ушибленное колено. В его голосе звучали неприкрытые грусть и печаль, вызванные несовершенством современного общества.

— Сейчас я укорочу твой длинный язык! — воскликнул я. — Выбирай, тебя убить сразу или ты желаешь побеседовать с местным судьей?

Убивать я его, конечно, не собирался, но попугать его мне хотелось.

— И то и другое, господин, было бы непростительной ошибкой. Я один из немногих оставшихся в мире противников насилия и сторонник того, чтобы над душами людей не висел тяжкий груз собственно-

сти, тянувший их прямиком в адское пекло. Я человек, угодный Богу, и он вряд ли будет вам благодарен за мое убийство, хотя я и сяду рядом с ним за один стол.

— Конечно, он разозлится на меня, если увидит тебя на несколько лет раньше, чем предполагал. Не думаю, что он будет в восторге от такой компании.

— Если же вы отдадите меня в руки правосудия, то на вас в обиде будет не Бог, а король, ибо на галерах я вряд ли сумею работать достаточно хорошо, что наверняка ослабит флот его величества. Не так ли? — продолжал разглагольствовать мошенник.

— Не так. — Я остыл, и злость моя куда-то улетучилась. Мошеннику удалось своими наглыми разговорами развеять мою ярость. — Там есть такой учитель, как плетка, и ее уроки усваиваются всеми просто отлично.

— Вы не выглядите злым человеком. Если все проблемы только в кошельке, то, пожалуйста, берите его обратно, хотя лишний груз вряд ли сделает более легким ваш путь.

Я снял шляпу и начал обмахиваться ею, решая, что же предпринять.

— О! — воскликнул вор, рассмотрев мое лицо. — Это, оказывается, вы, друг мой! Если бы вы знали, как приятно встретить в этом суэтном городе знакомое лицо.

Он в свою очередь тоже стянул шляпу, открывая для полного обозрения хитрую физиономию с кривой улыбкой, обнажающей прекрасные белые зубы.

— А, так это ты, воришко!

— Да, это я — сэр Генри. Правда, вы выразились по поводу рода моих занятий чересчур прямолинейно, что меня немножко коробит. Ох, если бы я знал, что это вы, поверьте...

— Не верю!

— Напрасно. Вы с вашим другом мне сразу понравились, — ухмыльнулся вор. — Надеюсь, вы не

отдадите старого знакомого в грубые руки городского палача.

— У меня есть желание сделать это.

— Тогда наступите этому желанию на горло и задавите его в зародыше. Поверьте, это не лучшая мысль. Вас будет мучить совесть, а ее уколы порой довольно болезненны.

— Черт с тобой, негодяй, я прощаю тебе мой кошелек! Но как быть с драгоценностями графини?

— Почему вас так волнует их судьба? Вы так печетесь о благе графини, чье любимое занятие запарывать слуг до полусмерти. Слава о порядках в ее владениях облетела, наверное, уже весь свет.

— Разве это служит тебе оправданием? — возразил я, зная, что в отношении графини он прав.

— Или вам по душе ее любовник, который сам наверняка зарился на эти драгоценности и стащил бы их, если бы я его не опередил.

— А, ладно! Я знаю, что поступаю неправильно, ибо вряд ли ты оставишь столь грязное занятие и найдешь дело, достойное дворянина и честного человека...

— Все в руках Господа.

— Проваливай, мерзавец. И пусть тебя самого начнет когда-нибудь грызть совесть. Когда-нибудь ты все равно будешь наказан — такая жизнь еще никого не доводила до добра.

— Так же говорит и мой исповедник.

Он протянул мне мой кошелек.

— Сейчас, когда это легкое недоразумение рассеяно, как утренний туман, не согласитесь ли вы посидеть со мной и выпить немного доброго вина. Денег у меня не особенно много, но я найду, чем расплатиться.

— Боже упаси. Я буду пить вино с вором?..

— Будете, мой друг. Я должен сообщить вам весьма важную вещь.

И тут я ощущал какое-то легкое притяжение. Я понял, что должен пойти с ним, что наши пути сегодня пересеклись непроизвольно, что в этом есть скрытый смысл. Я не должен упускать свой шанс. В чем он заключается я пока не понимал. Но я научился за последнее время серьезно относиться к подобным чувствам.

— Хорошо, идем.

Мы устроились в ближайшей харчевне, где собралася отпетый сброд, но я привык к таким местам, да и Генри чувствовал себя здесь как дома.

— Не беспокойтесь, здесь проводят время не только воры, но и люди более почтенных занятий.

— Кто еще? Наемные убийцы?

— И они тоже, что порой весьма полезно. И вы в этом, возможно, еще убедитесь. Давайте выпьем.

Мы пригубили вино, и я, решив побыстрее завершить эту встречу, требовательно сказал:

— Что такого важного ты хотел мне сообщить?

Генри отхлебнул вина и проникновенно произнес:

— Я страшно виноват перед вами. Помните наш разговор, когда мы виделись в первый раз?

— Помню.

— Я жестоко обманул вас.

— В чем?

— Я сказал, что дед мой был отъявленным негодяем. А отец, наоборот, чуть ли не святым человеком.

— Ну и что?

— Это ложь. Это бессовестная ложь. Не только мой дед был негодяем, но и мой родной отец. Он служил у самых кровожадных флибустьеров корабельным врачом и, надо сказать, пользовался у них уважением. Притом не только за свои способности лекаря.

— Это все, что ты мне хотел сообщить?! — разозлившись, воскликнул я и собрался встать и покинуть это место.

— Это главное... Э, куда вы собирались? У меня есть еще кое-что для вас, правда, гораздо менее существенное.

— Говори!

— Тот любовник графини, чернобровый испанец — он сейчас в Тулузе.

— Не слишком приятное известие. Но и не слишком огорчительное. Вся беда в том, что он почему-то увидел в нас твоих соучастников. Думаю, на досуге он мог спокойно поразмыслять и прийти к выводу, что это не так. И вряд ли дурацкие мысли посетят его вновь, если, конечно, он сейчас не увидит меня в твоей компании.

— Это не совсем так. Приехал он сюда вовсе не из-за меня. И не по каким-то своим личным делам. Он идет по вашим следам. Мной же он вообще не интересуется.

Меня это неприятно покоробило. За всем этим скрывалось что-то мерзкое и опасное. Дело нечисто. Я чувствовал, что на этот раз вор говорит чистейшей воды правду.

— Он узнал, где вы проживаете, после чего заявился с визитом к братьям Ришар.

— Кто такие братья Ришар?

— О, это удивительные люди. Лучшие представители местной гильдии наемных убийц.

— Та-а-ак! — протянул я.

— Они не любят работать за пределами Тулузы. Думаю, братья заявятся к вам в гости, пока вы здесь.

Он описал их внешность. Два здоровенных, белобрюхих близнеца. Один из них без правого уха.

— Кроме того, они не любят работать с помощью ядов, пистолетов и прочих недостойных инструментов. Кистень и стилет — вот оружие дипломированного убийцы. Так они считают. И еще — хитрость, изобретательность, подлость. Они хорошо знают свое дело.

— Мне не очень-то верится в это. У испанца нет никаких оснований стремиться к нашей погибели. Мы с ним встречались всего раз. Недоразумение, небольшая ссора — и все. Для такой ненависти и для таких усилий нужна причина поважнее.

— Значит, они у него есть.

Я поднялся и полез в кошелек.

— Нет, сегодня плачу я.

— Ну что же. Прощай...

— До свидания. Думаю, мы еще увидимся.

— Надеюсь, не тогда, когда твоя рука будет шарить в моем кармане!

Темнело. Я возвращался в гостиницу, озираясь и ожидая удара ножом в спину. Обошлось. Время убийц приходит с заходом солнца. Они — дети Тьмы. Свет им противопоказан, богомерзкие дела творятся по ночам.

Я поднялся по скрипучей узкой лестнице на третий этаж. Там, под самой крышей, находилась только одна наша комната, и Адепт уже вернулся домой.

— Завтра утром, — произнес он, — как только откроются городские ворота нам надо снова двигаться в путь.

— До завтра нужно еще дожить, — возразил я.

— Ты это сказал так, как будто знаешь что-то такое, что неизвестно мне.

— Знаю.

Я подробно рассказал о нашем разговоре с Генри.

— Ты прав, с этим испанцем что-то неладно. И еще братья Ришар. Они придут сюда сегодня ночью. Вряд ли они будут дожидаться утра. Я знаю таких субъектов. У них весьма своеобразные представления о чести гильдии. Если они подрядились кого-то убить, то сделают это, не откладывая в долгий ящик.

— Тогда подготовимся.

Мы засыпали порох на зарядные полки своих пистолетов, взвели курки, чтобы щелчки не насторожили убийц раньше времени, положили на стол кинжалы

лы и шпаги и погасили свечу. Теперь главное было не заснуть, ожидая зловещих визитеров.

Глаза привыкли к темноте, и у окна в свете луны можно было даже различить стрелки швейцарских часов с голубым циферблатом. Наступила полночь. Потом час ночи. Неужели не придут? Может, они решили приняться за нас в другое время?

Без четверти два послышался осторожный стук в дверь...

— Кого это несет ночью? — сонно пробурчал Адепт, мягко приподнимаясь со стула.

— Это я, Берtrand, дочь хозяина гостиницы, — послышался тонкий девичий голосок.

— Почему ты не даешь нам спать, красотка?

— Вы говорили, что один из вас — врач, — прощебетала Берtrand, и в ее голосе ощущались волнение и испуг.

— Ну и что?

— Нашей постоялице, благородной госпоже де Парэ, стало дурно. Она задыхается. Отец послал к Жану Дюрэ — нашему местному врачу, но он стар, медлителен и может опоздать. Она заплатит. Только поспешите!

— Подожди минутку, мы оденемся! — произнес я, а Адепт начал разжигать свечу в фонаре. Свет ее показался нам, привыкшим к темноте, довольно ярким.

Я взял пистолет, шпагу, подошел к двери, ногой отодвинул засов и отскочил в сторону.

Дверь с треском распахнулась, и в комнату, как разъяренный бык, которого только что заклеймили горячим металлом, влетел здоровенный молодчик, сжимавший в руке длинный, устрашающего вида тесак, конец рукоятки которого представлял собой тяжелый металлический шар с острыми шипами. Он еще на входе широко взмахнул ножом, рассчитывая, что острие найдет мягкое человеческое тело. Но там никого не оказалось. По инерции он сделал два шага

вперед, за ним в проеме двери выросла вторая фигура — копия первой. Второй гость держал в руке большой топор.

Они сразу не поняли, что происходит. В тишинерыкнули два пистолетных выстрела. Одна пуля пробила первому убийце шею, вторая — грудь. Он по инерции пробежал еще три шага и тяжело рухнул на пол, как падает африканский слон.

Второй убийца с нечеловеческим ревом взмахнул топором и бросился на меня. На открытом месте, в больших залах шпага имеет несомненные преимущества перед топором, но в ограниченном помещении, пожалуй, шансов на успех у нее поменьше. Я успел увернуться от рубящего удара и отскочил в сторону. Адепт хотел кинуться в свару со своим клинком, но я крикнул ему:

— Назад! Не лезь!

Это был мой бой. В одиночку больше вероятности выйти невредимым. Если все трое сцепятся в тесной комнате, в суматохе кому-нибудь из нас обязательно достанется топором. К тому же Адепт обращался с холодным оружием гораздо хуже меня. Винер тоже правильно оценил ситуацию и отскочил в дальний угол.

Убийца снова взмахнул топором, который, по его задумке, должен был рассечь меня от плеча до пояса, но лишь со свистом рассек воздух и обрушился на крышку стола, отрубив от нее приличный кусок. Я ударил его шпагой по руке, но взмах получился слабый, поэтому лезвие лишь оцарапало кожу противника и только разъярило его. С чудовищной силой вращая тяжелый топор, он носился за мной по комнате, а я едва успевал уворачиваться. Я пропорол ему бок, но он даже не заметил этого. Клинок рассек ему щеку, но и это ни на миг не задержало убийцу. Ришар был сейчас в таком состоянии, что остановить его могла только смерть.

Лезвие топора скользнуло по дуге и впилось в деревянный подоконник. Оно на секунду застяжало

там. Воспользовавшись заминкой, я рванулся в сторону, а потом, вложив в удар всю силу, вонзил шпагу в грудь Ришара.

Убийца выпрямился. Я ожидал, что он рухнет, но он как ни в чем не бывало выдернул топор и снова ринулся на меня. Должно быть, мой удар был не слишком успешным и не задел важных органов.

— Убью! — взревел Ришар.

Я отпрыгнул назад, перед моим лицом молнией промелькнул топор. Не дожидаясь нового удара, я сделал выпад и вонзил шпагу убийце в сердце. Если он и сейчас выживет, значит, он заговорен.

Ришар будто наткнулся на стену, постоял, раскачиваясь, потом рухнул на колени, поднял на меня глаза, в которых плясал свет фонаря.

— Я и с того света приду за тобой, — захрипел он, после чего растянулся на полу. Из его рта шла кровь.

— Упокой Господь твою душу, хотя ты уже при жизни отдал ее Тьме, — устало произнес я, вытирая кровь на руке. Рана была несерьезная. Топор лишь чуть задел кожу.

Адепт выскочил в коридор и вскоре притащил за руку хныкающую хозяйскую дочку.

— Теперь расскажи нам, Берtrand, какой это госпоже де Парэ настолько плохо, что она не может ждать до утра.

— Простите, господа, я не виновата. — Берtrandа хотела упасть на колени и обнять ноги Адепта, но он крепко держал ее за плечо.

— Они обещали убить моего отца и сестру. И они бы убили. Братьев Ришар здесь все знают. Знали... Слава Богу, что сейчас черти тащат их прямиком в ад.

— Вся твоя семья и ты — трусы и предатели!

— Нет, мы просто маленькие, ничтожные люди, чья жизнь недорого стоит. Но от этого нам не меньше хочется жить.

— Ты обрекла нас на смерть.

— Они сказали, что только ограбят вас.

— Пусть грех этот будет на твоей совести, ибо и тебе придется отвечать на последнем Божьем суде за свои прегрешения.

Берtrandа всхлипнула, размазывая слезы по щекам...

Мы вынуждены были задержаться в Тулузе еще на день, пока выполнялись необходимые полицейские формальности. В общем-то дело было ясное, и даже судья сказал:

— Вы отобрали работу у моего палача. Ему рано или поздно пришлось бы проверить шеи братьев Ришар на прочность.

— Почему же он не потрудился над их шеями до нас?

— О наша работа полна различных заковырок и тонкостей. И мы не можем предавать людей казни лишь потому, что все знают об их преступных наклонностях. Нужны были явные свидетельства, а против братьев Ришар их как раз и не было.

«Врешь. При желании вы вполне можете обходиться без излишних формальностей. Просто эти убийцы не слишком интересовали вас, поскольку не затрагивали ваших интересов и интересов влиятельных господ», — подумал я, но, конечно же, вслух ничего говорить не стал.

— Их трижды на дознании подвергали самым суровым пыткам, — скучающе пожаловался судья. — Но надеяться разговорить их с помощью щипцов то же самое, что этим же инструментом пытаться разговорить бревно. Они были совершенно нечувствительны к боли и переносили ее без звука. А потому по сложившимся правилам признавались невиновными.

Бюрократические формальности могли затянуться на несколько дней, но нам нельзя было задерживаться так долго. Вместе с тем отъезд без разрешения властей Тулузы мог повлечь за собой неприятности. За нами даже могли выслать погоню. Поэтому при-

шлось искать иные пути решения этого вопроса. В таких случаях ничто не служит достижению взаимопонимания лучше, чем золотые монеты. Судья тоже готов был согласиться с этим, так что все было улажено довольно быстро. И было принято решение: приезжие действовали правильно, прикончив во время откровенного разбоя двух мерзавцев, что послужило не только торжеству справедливости, но и очищению города от тех, кто позорит его.

На дознании мы умолчали о том, какую роль в этой истории играл черноволосый идальго. Но некоторое время мы потратили на то, чтобы выяснить, где он сейчас находится. Удалось отыскать захудалую гостиницу, где он проживал, но он съехал оттуда еще вчера, и следы его затерялись. Дай Бог не встретиться с ним вновь. Никогда.

* * *

Опять дорога, вьющаяся среди лесов и полей, зеленых холмов и серых скал. Снова привалы в чистом поле и костры в ночи, к которым тянет разный люд — странствующих монахов, лекарей и крестьян, возвращавшихся из города. Кто бы ты ни был, но ты должен соблюдать закон — разделить со случайным встречным сыр, вино и хлеб. И ты знаешь, что он обязан сделать то же самое. Неважно, что завтра вы можете стать врагами. Вечером у костра вы добрые собеседники, судачающие о делах государей и подданных, о том, что происходит в далеких странах и соседнем городе.

И вот позади осталась Франция. Мы ступали по землям, принадлежащим испанской короне. Мне приходилось не раз бывать здесь раньше, и я любил эти края. Ах, Испания! Это бурные, порожистые реки и вольготные плоскогорья со степной растительностью. Это горы, простирающиеся через всю страну, и разбросанные в иссушенных солнцем бескрайних просторах оазисы. Это гордые люди с горячей кровью, которые могут быть сентиментальными, добрыми и

открытыми или жестокими и безрассудными. Да, Испания — это и красные тряпки в руках тореадоров, и яркие костры, пожирающие еретиков, приговоренных к аутодафе святой инквизицией. Да, да, ведь Испания еще и свора иезуитов, прославившихся небывалым коварством и распустившим свои черные щупальца чуть ли не по всему миру. Лучшая в мире пехота — тоже Испания. И великие географические открытия. Но и позор, который принесли ей конкистадоры, от описаний зверств которых кровь стынет в жилах. Светлые дни и ночи, жестокость и сострадание, добро и зло — все в контрасте на этой земле. Ну а кроме всего прочего, Испания — это почти окраина Европы, которая уже сотни лет пытается, порой небезуспешно, стать ее центром, равно как и центром всего мира.

Путь наш лежал через Пиренеи, самый высокий пик которых гораздо ниже пиков той же Европы, не говоря уже о величественных азиатских горах. На высоте царила благостная прохлада, но, когда мы спускались вниз, нас терзало солнце и мучила жажда. Начало лета в этом году выдалось очень жарким. Население относилось к нам вполне доброжелательно. Говорили здесь наискаженном португальском языке, который вполне доступен моему пониманию. Испания — многоязычная страна. Здесь можно услышать и испанскую, и баскскую, и каталонскую речь. Все эти диалекты знать, конечно, трудно.

Мы преодолевали перевалы и горные реки, неторопливо, но неумолимо двигаясь вперед. Мы не спешили, поскольку поспешность порой хуже опоздания. Дорога не слишком сильно утоляла нас. Мы не испытывали нужды в деньгах, и значит, у нас не было и проблем с ночлегом, продовольствием, лошадьми. Я настолько сбылся с дорогой, фырканьем лошадей, стуком копыт, что порой мне казалось, дорога эта не кончится никогда. А может, это и неплохо? Может, именно в дороге кроется тот смысл существования,

который многие люди ищут всю жизнь и не могут найти?

Впрочем, иногда вечерами на меня наваливались привычные страхи, и я ждал, что вот-вот Хранитель явится пред нами во всей своей сатанинской силе. Он придет осколком кривого зеркала, дуновением урагана, зыбким клочком тумана. Придет, чтобы забрать нас в свой холодный, страшный, неустойчивый мир. Однако днем, при ярком свете, все это забывалось, а вообще какие-то древние ордена, какие-то магические заклятия, какой-то Абраккар — все это казалось далеким и нереальным. Но что бы я ни думал, все равно дорога наша вела в город городов, и, если нам повезет, она приведет нас туда.

— Сегодня мы будем в Сарагосе, — сказал однажды Адепт.

Этот город на реке Эбро славился величественными соборами, богатыми дворцами, огромным готическим зданием биржи, воздвигнутым лет сто тому назад. Это красивый, богатый город, торговый и административный центр провинции, а заодно и всей северной Испании.

Мы рассчитывали провести в Сарагосе дня два, осмотреться, разузнать последние новости. Тем более и здесь у Винера были какие-то дела. Его занимали в последнее время какие-то расчеты, и на привалах он вычерчивал на земле знаки, которые сверял с двумя книгами, постоянно сопровождавшими его в путешествиях. Когда мы прибыли в город и нашли место для ночлега близ торговой площади, Адепт достал бумагу, чернильницу с пером и углубился в дальнейшие вычисления. Иногда он шептал какие-то слова, замирал, проводя так с полчаса, после чего опять начинал что-то писать. Окончил он свои занятия поздним вечером и удовлетворенно отметил:

— Это довольно утомительно. Но в труде разума и состоит главный смысл бытия.

— Что ты высчитывал?

— В очередной раз пытался приподнять завесу над тайной нашего будущего.

— Успешно?

— О да! Я недаром потратил время на столь сложные расчеты. Думаю, кое-какой успех есть.

— И что же ты прочитал в книге судеб?

— Что наше будущее не стало определенное с тех пор, как мы побывали на скале Оракула.

— И это все? Невелики твои достижения.

— Ну почему же. Это знание ценно само по себе.

Становится понятно, что мы с тобой — важные звенья в мировой цепи событий. Не так много людей наделены свободой воли и способностью самим определять свои судьбы. Но совсем немногим дано по-настоящему распоряжаться судьбами других. Даже короли и тираны всего лишь марионетки.

На следующий день я по привычке отправился исследовать город, толкаться среди людей, прислушиваться к разговорам, взглядывать в лица. Наблюдение, общее для всех континентов, — ближе к югу становится более горячим не только солнце, но и кровь людей. Разговоры южан настолько эмоциональны, что где-нибудь на севере подобные бурные излияния чувств могли бы послужить поводом для хорошей потасовки, здесь же воспринимаются как нечто обычное. Я заглянул и в трактир, надеясь поболтать с кем-нибудь из завсегдатаев. По обыкновению своему, уселся за стол в углу, чтобы насладиться видом самых разных посетителей, проникнуться мерным течением чужой для меня жизни. Кроме того, в углу сидеть предпочтительнее, потому что никто не всадит тебе в спину нож и, в случае чего, легче драться. Едва я пригубил стакан, как ко мне подсел статный, богато одетый черноусый испанец, пальцы его были усеяны перстнями. Я без труда определил, что он из купеческого сословия. Вскоре оказалось, что, не в пример многим другим представителям этого цеха, он учтив и образован. Испанец был слегка пьян и поэтому

разговорчив. Он поздоровался и осведомился, не разделяю ли я с ним кувшин вина, на что я согласился.

— Хозяин, принеси-ка нам настоящего крепкого вина из самого дальнего угла твоего погреба! — крикнул он. — Это красное пойло — сироп для детей!

Тут же на нашем столе появилась пыльная бутылка.

— Вижу, вы чужестранец.

— Да, немец.

— Это на другом конце света, но мне доводилось бывать в ваших холодных краях. Хочется побеседовать с человеком издалека. Надоели скучные и ленивые горожане. Эти бедные идальго, мечтающие об одном — поживиться, не затратив труда. Эти купцы, думающие только о наживе. Эти ростовщики, ремесленники, крестьяне, их объединяет общая забота — набить брюха и заработать побольше реалов. И даже представители святой церкви думают о том же самом.

— Вы неосторожны.

— Да? Но нас никто не слышит.

В этом я усомнился: купец дон Санчес говорил достаточно громко, а инквизиция в Испании создала чрезвычайно развитую систему научничества и шпионажа. Причем слуг Господа всегда интересовали богатые горожане. Впрочем, в последние десятилетия нравы святых отцов сильно смягчились, и подвиги великого инквизитора Торквемады, при котором двести лет назад сожгли почти десять тысяч еретиков, ушли в прошлое. Хотя до сих пор продолжают умирать на кострах люди, уличенные непонятно в каких грехах. И до сих пор опасно распускать в Испании язык сверх меры. Молчание — залог долгой и спокойной жизни. Но подобная жизнь скучна и уныла, поэтому нигде в мире даже при страшных тиранах, никакие языки не спрятаны за зубами достаточно надежно.

— Вы первый раз в Сарагосе?

— Был одиннадцать лет назад.

— Одиннадцать лет назад? Так давно? Наверное, вы были еще ребенком?

— Ну что вы. Я просто выгляжу молодым. На самом деле мне уже за сорок.

— Сорок — это очень много. Вы опытный, похоже, много повидавший человек. Эх, Сарагоса — великий город! Ему Бог знает сколько лет, и он всегда был великим городом. Еще при римлянах он был великим городом.

«Вряд ли, — подумал я. — Насколько я читал в книгах, город действительно основан римлянами еще при жизни Иисуса Христа. Но в те времена это была обычная дыра».

— Испания катится вниз, — вздохнул купец. — А всему виной то, что столицей избрана эта проклятая крысиная свалка, именуемая Мадридом. Почему он должен быть столицей?

— Так уж получилось.

— Это несправедливо! Сарагоса всегда была главным голосом Арагона, а значит, и всей Испании. Кто бы что ни говорил, но именно отсюда началось изгнание мавров, завоевавших наши земли и люто ненавидевших христианский народ. Именно здесь было королевство Арагон, устоявшее в самых страшных битвах с этими смуглыми врагами. Наши воины за воевателями вступали в Сицилию и Сардинию, Неаполь и Валенсию и присоединяли эти земли к королевству. Наши предки были героями. А наши современники проиграли англичанам битвы при Гохштедте. Каково, а?

— Это прискорбно.

— И все из-за того, что столица находится в этом проклятом Мадриде. Вспомните, дружище, откуда пошла Испания. Династическая уния Арагона и Кастилии. Именно тогда появилось государство Испания.

— И было это в одна тысяча четыреста семьдесят девятом году от Рождества Христова, — поддакнул я.

— Я сразу рассмотрел в вас знающего человека.

Мы просидели с ним еще час, одолевая новые и новые порции прекрасного испанского вина. Дон Санчес оказался интересным собеседником, отлично знающим историю и географию. Но мне время от времени приходилось утихомиривать его, когда речи испанца становились смелыми настолько, что явно начинали угрожать нашему благополучию. Ведь я уже говорил, что в этой стране не особо церемонятся с теми, кто без должного почтения упоминает короля и святую церковь.

— Ну что же, пожалуй, мне пора, — сказал я, поднимаясь и чувствуя, что мир утратил изрядную долю своей устойчивости, которой еще недавно обладал в полной мере.

— Если захотите еще побеседовать с неглупым человеком, которых, к сожалению, так немного осталось в Сарагосе, в любой тавerne, в любом конце города спросите дона Санчеса, и вам подскажут, как меня найти.

— Обязательно воспользуюсь вашим предложением...

* * *

Покачиваясь, я вышел из таверны и решил немногого пройтись, чтобы выветрить хмельные пары из головы. Дело близилось к вечеру, жара опала, подул свежий ветер... Мне было все равно куда идти. Позади остались людные кварталы, и меня занесло в окрестности порта. На глаза начали попадаться личности, о которых можно сказать только, что их прошлое черно как смоль, настоящее преступно, а в будущем их ждут неласковые руки палача. Я ощущал на себе косые взгляды и понимал, что многие из этих типов не прочь на зуб попробовать золото из моих карманов и особо не будут колебаться перед тем, как пустить в ход нож. Они везде одинаковые, и в Лиссабоне, и в Берлине, и в Париже. Но я их никогда не боялся, немало отправив этих животных на тот свет быстрым ударом кинжала.

Как только я немного пропротрезвел от свежего речного воздуха и решил пробираться к гостинице, тут-то все и началось. Войдя в узкую незамощенную уличку, заканчивающуюся глухим тупиком, я увидел компанию оборванцев. Сперва мне показалось, что это подгулявшие приятели стоят в уголке и думают, в какую еще гавань держать курс, но затем меня что-то насторожило в их поведении. Одетый в лохмотья громадный верзила держал за горло низкого, тощего человечка, одетого в зеленую рубаху и черные шаровары. Похоже, верзила решил приложить все усилия, чтобы познакомить беднягу с тем светом. Двое других мужчин — высокий, в белой тонкого сукна рубахе, красных штанах и шпагой на боку, и толстяк в куртке с оборванными рукавами — любовались происходящим. Они ждали неизбежного конца жертвы. Все происходило в тишине, совершенно несвойственной обычным дракам. Сразу было видно, что троица затащила сюда бедолагу, чтобы хладнокровно и бесстрастно убить его. Это выдавало в них людей, привыкших к подобным делам и не считающих их чем-то зазорным.

— Эй, — крикнул я. — Что вы там затеяли?

— Двигай отсюда. Я — Роберио Рапозо! — небрежно бросил в ответ мужчина со шпагой и повернулся досматривать интересное событие, будучи уверен, что его имя скажет само за себя.

У низкорослого не было никаких шансов вырваться из громадных лап убийцы. Было непонятно, как он жив до сих пор. И тут произошло то, что просто не могло произойти. Низкорослый разжал руки, сжимавшие его горло, оттолкнул своего противника, а потом с размаху ударил его сухоньким кулачком в челюсть. Раздался треск, будто столкнулись две телеги, и на землю глухо ухнула многопудовый мешок. Верзила потерял сознание.

Тут же в руках остальных убийц мелькнули клинки. При всем проворстве и непонятной силе бедолага

вряд ли смог бы с ними справиться. Христианский долг заставил меня вмешаться.

— Оставьте его в покое!

— Чей это голос? — усмехнулся высокий. — Из какой выгребной ямы прилетел он, чтобы раздражать мой слух? Уходи, глупец. Я же сказал, что я Красный Роберо. И это свиное отродье — моя добыча.

— Я тоже сказал — оставь его! Или мы будем драться!

Роберо был удивлен моим непониманием. Он привык, что его имя обладает достаточной убедительностью.

— Тогда я убью и тебя.

Верзила очнулся и начал приподниматься с земли. Он вытащил из-за пазухи металлическую палку. А двое его приятелей бросились на меня. Впрочем, верзилу снова успокоил двумя ударами низкорослый. Я рубанул по руке толстяка, отсекая ему палец. Он заскулил и прислонился к кирпичной ограде. Роберо яростно обрушился на меня, но если бы злость могла заменить ему искусство фехтования. Два его выпада я отбил без особого труда, а потом, резко выбив шпагу из его рук, полоснул по щеке, чтобы немного охладить его пыл. Левой рукой я поднял шпагу бандита и резким ударом сапога переломил ее. Мне не составило бы труда разделаться со всей троицей, но без особых на то причин я никогда не проливал кровь.

— Брысь отсюда, сучье племя! — крикнул я.

Ни слова не говоря, Роберо помог подняться верзиле. Троица, выглядевшая весьма жалко, поплелась прочь. Когда нас разделило достаточное расстояние, Роберо крикнул:

— Теперь ты мертв! И тебе не поможет никто, вступись за тебя хоть сам архангел Гавриил.

Они скрылись с глаз.

Спасенный мною человек произнес совершенно спокойно:

— Думаю, Эрлих, нам лучше поспешить. Вскоре Роберио заявится сюда со стаей таких же вонючих тараканов, как и он сам. Он не относится к лучшим людям Сарагосы.

— Генри, это опять ты? — Теперь я мог спокойно рассмотреть спасенного. Ну конечно же, это Генри Джордан — давно не виделись!

— Да, это опять я.

— Объясни, что эти шакалы хотели от тебя.

— Не время. Бежим!

Он неплохо знал город. Мы мчались по таким закоулкам, что трудно даже поверить в существование подобных в Сарагосе. Наконец мы очутились на окраине в пустынной оливковой роще, и Генри сел на поваленное дерево. Отдышавшись, он с ходу бросился изливать слова благодарности и извинений за доставленное мне небольшое беспокойство.

— Ничего себе — «небольшое беспокойство». Мне пришлось драться из-за тебя со стаей волков. Что они от тебя, черт побери, хотели?

— Они вообразили, что обязаны мне некоторым уменьшением своей клановой казны....

— Ясно, значит, ты просто обворовал их, а я-то, не щадя жизни, защищал тебя.

— Эх, Эрлих, вы мне нравитесь, поэтому я вам открою еще один секрет. В прошлый раз, когда я вам говорил, что отец мой был негодяем, я тоже сказал неправду. Не только мой отец и дед были отпетыми мерзавцами, но и я сам. Я с детства не могу пройти мимо чужого имущества, которое просто вопиет, чтобы я прихватил его.

— Это я успел заметить.

— Но не думаю, что взял большой грех на душу, обворовав друзей Роберио. Это деньги, добытые преимущественно кражами и грубым насилием, которое, кстати, глубоко ранит мою душу и к которому я никогда не прибегал.

— Роберио — разбойник?

— Не только. Он глава бандитского братства этого города и окрестностей, король сумерек. Даже сильные мира сего, купцы и знать не могут не считаться с ним.

— И все же ты осмелился запустить руку в его карман.

— Только в результате прискорбного материального состояния — ветер гуляет в моих карманах...

— Как?! А драгоценности графини?

— Их было не так много, чтобы я не сумел их спустить в карты длиннорукому Жерару, который в игре не человек, а бес... Кстати, дело не только в моем печальном безденежье, но и в том, что я не люблю людей, руки которых обагрены кровью. Воровство, согласитесь, в какой-то мере искусство, особенно когда крадешь у тех, у кого все равно не убудет.

— Сомнительная философия.

— И все же!.. Но разбой и убийство — смертный грех, поэтому я предпочитаю не брать в руки оружия.

— Кстати, о руках. Как ты умудрился свалить верзилу.

— Ну, это лучше показать. Я по дороге видел одну штуку. Подождите, мой друг.

Он вскоре появился. На его ладони лежала подкова. Он взял ее двумя руками, напрягся. К моему изумлению, я увидел, что подкова сгибается. Генри отбросил ее в сторону.

— Господь наделил меня не только чуткими, но и чрезвычайно сильными руками. Вернемся к нашим делам. Роберио перевернет весь город и рано или поздно найдет вас. Рекомендую поступить так же, как я. А я намерен ни на миг не задерживаться здесь. Чем дальше вы будете в ближайшее время от Сарагосы, тем больше возможностей того, что в будущем я сумею вам поведать еще какие-нибудь тайны из жизни моей дружной семьи.

— Ты прав, и мы последуем твоему совету.

— Кроме того, если меня не обманывают предчувствия, вам грозит нешуточная опасность еще с одной стороны.

— Какой?

Он объяснил, но мне это показалось абсурдным.

— Не верится.

— Ну, смотрите! Вы еще вспомните мои слова.

Вскоре лошади несли меня и Винера прочь от Сарагосы. Мы выбирали окольные пути, так как Роберио мог проявить расторопность и организовать засады на дорогах.

Через несколько дней мы решили, что достаточно удалились от тех мест, где до нас могла бы дотянуться длинная рука Красного Роберио. Наше путешествие снова вошло в спокойное русло. К югу климат становился жарче. В дневные часы, в Испании их называют сиестой, никто не работал, люди нежились в тени у фонтанов, не вылезая на солнце и не рискуя получить солнечный удар.

В тот вечер нам повезло. Мы добрались до очередного постоянного двора, которого уж по счету на нашем пути. Мрачное двухэтажное здание стояло у подножия горы. Сгорбленный под тяжестью лет, хозяин с тремя сыновьями обслуживал свое хозяйство. Он не особенно процветал, поскольку не так уж много путников заглядывали к нему на огонек. Старик сразу понял, что у нас водятся деньги, потому был готов целовать землю у наших ног. Мы плотно поужинали — сын хозяина специально сбежал в соседнюю деревню за свежими продуктами и вином. Затем мы поднялись на второй этаж, где нам отвели просторную, но скучно обставленную комнату.

— Неплохо бы отдохнуть здесь пару дней. Мы слишком устали за последнее время, когда скрывались не только от Хранителя, но и от этого Роберио.

— Нет, — ответил Адепт. — Не стоит рисковать.

— Ты прав. Но хочется немного отдохнуть.

На улице стемнело. Ночь была мрачная. Узенький серп месяца едва разгонял черноту. Шумел порывистый ветер. Самое время было упасть на мягкую постель и отдаваться объятиям сна. Но душу тревожили дурные предчувствия. Я видел, что и Винер неспокоен.

— Пожалуй, нам сегодня не стоит смыкать глаза, — предложил Адепт.

— Похоже, мои надежды на крепкий сон и хороший отдых вряд ли оправдаются.

Посреди ночи в дверь раздался негромкий, но требовательный стук. Мы встали по обе стороны двери, держа в руках пистолеты. Не так много времени прошло с тех пор, как точно так же мы стояли в Тулусе и были готовы к смертельной схватке с братьями Ришар.

— Кто? — громко осведомился я.

Неужели опять убийцы? И снова схватка не на жизнь, а на смерть?..

— Не слышу! — воскликнул Адепт.

— Тише, прошу вас, — донесся из-за двери знакомый голос. — Откройте, это Генри.

— Конечно, это опять он, — усмехнулся я. — Он прикован к нам цепями, и нам предстоит тянуть его, как тянет каторжник привязанную к ноге гирю.

Адепт отодвинул засов. За дверью стоял Генри, одетый в новое платье, гораздо лучшее, чем то, в котором я видел его в прошлый раз.

— Судя по одежде, твои дела пошли на лад, — сказал я.

— Ну не всегда же я должен проигрывать в карты.

— Просто удивительно, что мы опять встретились, — едко произнес я.

— Ничего удивительного. Мне пришлось немало потрудиться, прежде чем я нашел вас.

— Нашел нас? Зачем?

— Я решил сообщить вам еще пару важных вещей.

— Каких? Что ты солгал, называя себя негодяем?

Оказывается, негодяй не только ты, но и твои дети?

— Вы слишком суровы.

— А потом ты придешь однажды ночью, разыскав нас где-нибудь в горах, и скажешь, — хмыкнул Адепт, — что негодяи не только твои дети, но и внуки твои тоже будут негодяями.

— Нет, почему же? Я напротив догнал вас, чтобы попросить не слишком серьезно относиться к моим словам. На самом деле я и мои предки не так плохи, как кажется на первый взгляд.

— С такой новостью можно было подождать, пока мы выснимся, — зевнул Винер.

— Не думаю, что это было бы разумно. Вряд ли вам удастся сегодня заснуть. Разве что вечным сном.

— Что?

— Будет лучше, если вы немедленно соберете вещи и продолжите свое путешествие.

— С какой стати?

— Может быть, вам больше нравится болтаться на суку и пугать лесных ворон? Помните, я еще в Сарагосе говорил, что этот испанец Аррано Бернандес идет по вашему следу. Тогда вам это показалось невероятным. Но сейчас он направляется сюда во главе отряда солдат и головорезов Роберио. Они немало потрудились, прежде чем нашли вас. Им пришлось опрашивать множество горожан и крестьян, не видели ли те двух гнусных еретиков и одного английского шпиона.

— Это заведомая ложь!

— Видимо, Бернандес не отличается честностью. Почему его таким воспитали, вы сможете спросить, когда он будет затягивать вам петлю на шее. Если, конечно, не найдет казни получше. Кстати, чем вы так перебежали ему дорогу? Теперь мы достаточно хорошо знаем друг друга, и я могу рассчитывать на вашу откровенность.

— Мы не знаем причины, — отмахнулся я. Причина могла быть только одна, но знать Генри о ней вовсе не обязательно.

— Вам надо поторопиться. Я гнал изо всех сил, чтобы опередить их, но, думаю, они не намного отстали.

— Ну что ж, уходим, — сказал Адепт, вешая на плечо свою походную сумку.

— Эх, не успели! — воскликнул Генри.

Ветер разгулялся сегодня вовсю. Он свистел в причудливых изгибах скал, ломал ветви деревьев и заглушил стук копыт. Теперь, боюсь, было поздно. Вооруженный отряд под командованием проклятого Бернандеса стоял у ворот.

— Слишком много времени ушло на болтовню, — поморщился я.

— Я думал, что у нас еще есть время, — вздохнул Генри.

Осторожно выглянув в окно, я увидел на улице человек двенадцать всадников. С шумом и криками они спешились. Капитан Бернандес эффектно выделялся на фоне прочих и не узнать его было невозможно. Рукоятью пистолета он принялся колотить в медную тарелку, висящую на воротах.

— Пошли, — сказал Адепт.

Мы выскочили в коридор, и Адепт распахнул дверь комнаты напротив нашей. Здесь царил затхлый запах, поднималась пыль от каждого движения, щекотала ноздри и горло. Я закашлялся. В кромешной тьме мы ощупью пробрались к ставням, зазоры в досках которых выделялись едва заметными светлыми полосками на фоне окружающей черноты. Единственный выход для нас — уйти через это окно. Я потянул ставни на себя — толстые доски даже не шелохнулись.

— Дайте мне.

Генри подошел к ставням, ухватился одной рукой за подоконник и надавил на доски.

— Крепко сбито, — сказал он. — Хозяин дурак, столько труда на такую ерунду.

Крякнув, он сделал еще одну попытку, и, к моему удивлению, доски с треском вылетели. В лицо дохнуло свежим ветерком.

— Ты Геракл среди карликов, — улыбнулся я.

— Скорее, карлик среди Гераклов.

Первым спрыгнул Адепт. Бандиты толпились с другой стороны дома, так что не могли нас видеть. За ним последовал Генри. Я приземлился очень удачно и мягко. Полдела сделано. Теперь нужно преодолеть сотню метров, дальше начинается лес, а потом горы — наше спасение.

Тут — принесла его нелегкая — из-за угла появился человек. Не знаю, что он собирался делать, но столкнулся со мной почти нос к носу.

— Э! — крикнул он, замешкавшись на секунду, но договорить не успел, я изо всех сил ударил его рукояткой пистолета по голове, и он без сознания рухнул на землю.

Ждать, услышал ли кто-нибудь его крик, я не стал. Отделявшие меня от леса сотню метров я преодолел необычайно резво, при этом старался не потерять из виду моих товарищей, которых едва различал в темноте. Когда постоянный двор скрылся за деревьями, Адепт проговорил:

— Теперь — в горы!

Карабкаться в такую темень по скалам — занятие далеко не безопасное. Но горы здесь очень высокие, так что подъем мы преодолели без особого труда. Очутившись на ближайшей вершине, мы осмотрели окрестности. Черной массой внизу расплылся лес, вдали, в деревеньке, светил один-единственный огонек, кто-то не спал в этот поздний час. Очертания постоянного двора едва угадывались, время от времени там мелькали огни — видимо, головорезы с факелами и фонарями осматривали двор.

— Ха-ха, теперь этим людоедам не полакомиться свежей человечинкой, — радостно засмеялся Генри, едва переводя дыхание.

— Надо двигаться, — сказал я.

— Не завидую я сейчас хозяину. Эта свора наверняка опустошит его кладовые и подвалы.

Но хозяину не повезло гораздо больше, чем мы думали. Не застав нас, головорезы часа три занимались тем, что и предсказывал Генри, — опустошением запасов постоянного двора, видимо, пытаясь обильной трапезой и возлияниями залить горечь от того, что упустили добычу. А потом...

Потом чернота ночи была разрублена алым мечом пламени. Оно взметнулось вверх, пожирая здание постоянного двора и пристройки, конюшню и сарай. Мы видели скользящие черные тени — это головорезы метались на фоне огня и были похожи на чертей, подбрасывающих поленья в адское пламя и наслаждающихся болью, разрушением, хаосом, которые сами и произвели.

— Святая Мария, что творится, — прошептал Генри. — Они будто сорвались с цепи, эти бешеные псы!

— Возможно, так оно и есть, — кивнул Адепт. — Именно бешеные псы! Сердца их черны и отданы злу.

— Но в Испании есть хоть и ослабевшая, но еще крепкая власть! — возмущенно воскликнул Генри. — А этот Бернандес — он ведь капитан испанского короля, даже если и связался сейчас с Роберио. Он ждет дома подданных короля так, будто это жилища мавров во время реконкисты. Это безумие!

— Он способен еще и не на такое, — сказал я.

— И он не отстанет от нас, — поддакнул Адепт.

— Нам, пожалуй, лучше убраться подальше в горы. У меня и так все предки кончили жизнь с петлей на шее. Не хотелось бы продолжить эту родовую традицию.

— Они не пойдут в горы ни сейчас, ни утром, — сказал Адепт. — Они понимают, что здесь им нас не



достать, будь у них хоть двести человек. Может, кто другой и попытался бы это сделать, но не этот дьявол Бернандес. Он знает, что рано или поздно пути наши снова пересекутся.

— Почему? — спросил Генри.

— Он ощущает своим дьявольским носом, куда мы держим путь, и знает, что с этого пути мы не свернем. Ибо мы не хозяева своей судьбы.

«Только судьба наша еще не определена», — подумал я.

— Люблю ученые речи, особенно после того, как только что удалось спасти собственную шкуру. Самым большим философом из всех, кого я встречал, был мой земляк старина Билл, с ним вместе мы сидели в лондонской тюрьме. Его следы затерялись на английских галерах. Кстати, а куда вы держите путь, с которого, как вы говорите, не собираетесь сворачивать?

— На юг.

— Юг велик. Уж не собираетесь ли вы посетить земли чернокожих людоедов, делающих украшения из зубов съеденных ими людей? Или принять мусульманство в Османской империи?

— Нет, мы пойдем в Севилью.

— О, Севилья! Я бывал там не один раз. Город портов, величественных галионов и золота, прибывающего из обеих Индий в казну испанского короля. Вам повезло, потому что я держу путь туда же.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что навязываешься на нашу шею?

— Ну, тут можно поспорить, кто и на чьей шее будет сидеть. Такие добрые и наивные люди, как я, обычно становятся мулами, а не погонщиками.

— Такой наивный и добрый спутник — прямой путь для всех нас на каторгу или галеры! — воскликнул я.

— Я не обижаюсь, поскольку воспринимаю ваши слова как несколько экзотическую форму благодарности за спасенную жизнь.

— Хорошо, — сказал Адепт. — Ты пойдешь с нами, если поклянешься не пускать в ход свои многочисленные таланты в деле умыкания чужого имущества.

— Клянусь закопанными в землю пиастрами моего папаши!

— Ха! — только и сказал я.

— Ему можно доверять, он держит свое слово, — поднял руку Адепт. — Эх, Генри, если бы ты только мог представить себе, во что ввязываешься...

— Я согласен на все, ибо хорошие спутники огромная редкость в нашем сумасшедшем мире. Для тех, кто поверил и поклялся в дружбе Генри Джордану, сей отпрыск благородной и честной фамилии сделает все, что в его силах.

Ночью мы не сомкнули глаз. Выбрав удобный пункт наблюдения, мы смогли, когда рассвело, увидеть, что отряд исчез, оставив после себя пепелище.

— Интересно, куда они отправились? — задумчиво произнес Адепт.

— Будут объезжать окрестности и узнавать, не видел ли кто-нибудь двух еретиков и одного английского шпиона, скрывающихся от милостивого королевского правосудия.

— Без лошадей далеко не уйти, — сказал я. — Нужно спуститься в деревню и попытаться приобрести трех мулов.

— А кто сможет сказать наверняка, что капитан не оставил там засаду? — осведомился Генри Джордан. — Они вполне могут затаиться в одном из домов и ждать нас в гости, приготовив нам горячий прием и завтрак из пуль, пороха, с клинками на десерт.

— Там никого нет. Мне так кажется, — сказал Адепт.

— А что вам будет казаться, когда они станут вздергивать нас на суху? Вы скажете, что вам кажется, что нас вешают.

— Пожалуй, ты прав. Нужно быть осторожным и не доверять полностью своим тонким ощущениям, хотя они меня почти никогда не подводили, чего не скажешь о глазах и слухе.

И мы постарались быть осторожными. Двигались по лесу с опаской, прислушиваясь к каждому шороху, пока за зеленью не показались белые домики испанского селения, приткнувшиеся на окраине леса и даже взобравшиеся на склон горы. Мы довольно долго наблюдали за селением, но ничего подозрительного там не увидели. У колодца женщина в черном платье набирала воду, мужчина гнал из хлева быка, трое старииков почти неподвижно сидели в тени разлапистого дерева, дарившего вожделенную прохладу — воздух уже начал накаляться.

Но все же в одном из этих домов могли притаиться головорезы, поэтому прошло около часа, а мы все еще не решались войти в селение. Лучше всего было опросить какого-нибудь местного жителя. И нам повезло. Мы наткнулись на пастуха. Завидев нас, он страшно перепугался и, предупреждая наши вопросы, начал слезно молить о пощаде.

— Перестань причитать, не то, клянусь, ты замолчишь навсегда! — оборвал его Генри.

Пастух тут же замолк, будто проглотил язык.

— Теперь говори, что у вас тут творится.

— Мы мирные люди, мы ничего не знаем и ничего не хотим сверх того, что имеем.

— Рассказывай!

— Ночью приехали благородные сеньоры. Они спросили, проходил ли кто-нибудь через селение. Маркос сказал, что двое сеньоров устроились на постоянном дворе. Ох уж этот Маркос! Он жаден, у него есть деньги, и вся деревня у него в долгу. Вы лучше его убейте, чем меня!

— Кого надо, того и убьем, — заверил его Генри. — Говори дальше!

— Потом загорелась гостиница, и к нам опять прискакали эти сеньоры. Они осмотрели все дома, и после этого мы недосчитались многих хороших вещей. Потом сыновья старого Родриго принесли его на руках. Он был ранен и теперь, может быть, уже умер. Потом сеньоры ускакали, после того как Маркос сказал: «Здесь их ждать бесполезно. Эти враги матери нашей католической церкви и короля направились на юг»... Ох, я совсем не это хотел сказать! Поверьте, это не мои, а его слова!

— Мы знаем, что ты хотел сказать, — усмехнулся Адепт. — Один из нас останется с тобой. Если мы попадем в засаду, наш товарищ поджарит тебя на медленном огне.

— Я не вру! Мне незачем помогать тем сеньорам — они разорили мой дом и изгалялись над моими дочерьми.

— Ладно. Живи!

Мы оставили пастуха в одиночестве и направились в селение. Завидев нас еще издалека, все жители попрятались по домам. Мы оказались на совершенно пустой площади, в центре которой росло большое дерево и плескалась в источнике вода.

— Есть тут кто? — крикнул я.

И тут они посыпались со всех сторон — оборванные крестьяне, державшие в руках кто вилы, кто топор, а у одного старика в руке была ржавая шпага. Их было человек двадцать.

— Стоять! — крикнул Адепт, выхватывая пистолет. — Первый, кто подойдет, останется без головы!

Угроза подействовала. В подобных историях в толпе обычно никто не хочет оказаться первым, кого лишат жизни, даже если потом обидчиков изрежут на мелкие кусочки.

Вперед выступил хромой, в длинной рубахе, с лопатой в руке мужчина. Одежда его была более добротной, и я понял, что это тот самый Маркос.

— Уходите отсюда! — крикнул он. — Мы не хотим, чтобы вы были здесь. Если вы уйдете с миром, мы вам ничего не сделаем.

— Мы не хотим никому зла, — сказал я.

— Вы уже принесли достаточно зла. Кроме того, мы не любим англичан и еретиков. Уходите!

— Мы не англичане и не еретики. Неужели вы поверили бандитам, которые, презирая законы, а значит, и самого короля, чинят разрушения и насилие над подданными его католического величества?

Крестьяне зароптали. Мои слова нашли в них отклик.

— Они хотят убить нас, потому что мы перебежали дорогу ворам и разбойникам из Сарагосы! Они, а не мы, еретики и бандиты!

— Он был королевским капитаном! — крикнул Маркос.

— Да? И как капитан короля сжег постоянный двор и разворовал все ценное в ваших домах? Он лишь ограбил вас, отнял ваши деньги. А мы готовы загладить причиненный вам вред. Кроме того, нам нужны лошади. Самые лучшие лошади. Мы хорошо заплатим. — Адепт вытряхнул на ладонь золотые монеты и продемонстрировал их крестьянам. Глаза у тех засверкали сильнее, чем золото на солнце.

Поднялся такой галдеж, что можно было различать лишь отдельные фразы:

— Я могу предложить отличного мула!

— Он врет, его кляча не поднимет и пухового перышка!

— Нигде в окрестностях нет лучшей лошади, чем у Хосе-башмачника!

Так был достигнут мир и взаимопонимание с местными жителями. Мы выбрали самых лучших мулов, которых смогли найти. Это были ленивые и добродушные животные, отличающиеся больше прожорливостью, чем резвостью, но они были в приличном состоянии и, по-моему, достаточно выносливы, что

немаловажно для длительного путешествия. Заплатили мы за них щедро, раза в два дороже, чем они стоили на самом деле.

Пока Адепт и Генри занимались возмещением причиненного разбойниками ущерба, я отправился к старику Родриго, хозяину постоянного двора. Он лежал в доме своего брата, окруженный родственниками, и, судя по всему, собирался отойти в мир иной.

— Зачем вы пришли, сеньор? — выдавил он через силу. — Из-за вас уничтожен мой дом, пошли пражом труды стольких лет. Теперь вы хотите полюбоваться еще и моей смертью?

— Нет, я хочу просто помочь вам. Я — лекарь.

Без особой охоты родственники дали мне осмотреть Родриго. Шпага распорола ему бок, рана была не особенно опасной, но только при условии оказания нормальной медицинской помощи. Я обработал рану, нанес на нее одно из лекарств, с которым никогда не расстаюсь, и перевязал чистой тряпкой.

— Ты будешь жить.

— Да? — слабо прошептал Родриго. — Зачем мне нищая жизнь?

— Вот, — я выгреб горсть монет, — их с избытком должно хватить на возведение нового дома и приобретение всего необходимого.

— Спасибо, сеньор, я всегда буду помнить вашу доброту. — Он ухватил мою руку и попытался ее поцеловать, но я помешал ему. — Вы добрый человек. Я лишь жалкий крестьянин. Когда дерутся большие сеньоры, обычно страдаем мы, и на наши изломанные жизни, на нашу погибель никто не обращает внимания. Для знатного сеньора разорить наш дом не более, чем в лесу разворочить муравейник. Вы же не остались равнодушны к нашим горестям.

— Ты прав. Но мы тоже, если смотреть шире, маленькие люди и страдаем от того, что дерутся сеньоры, стоящие неизмеримо выше нас...

— Что это за сеньоры?

— Их имена лучше не поминать всуе.

Он не поверил бы, если бы я сказал ему, что даже короли лишь незаметные фигуры в той игре, которую ведут великие ордена. Однако и ордена лишь игрушки в чьих-то гораздо более могучих руках.

* * *

— Что я слышу? Неужели вы хотите узнать историю моей жизни? — удивленно воскликнул Генри, пришпоривая мула.

— Не скажу, что меня сжигает это желание, — ответил я, разглядывая скучный степной пейзаж. Скоро час сиесты и двигаться по степи станет совершенно невозможно.

— Я вижу по вашим лицам, что вам очень хочется выслушать драматическую и поучительную историю моей жизни, но вы просто стесняетесь об этом сказать. Иначе как вы узнаете, почему у англичанина такая смуглая кожа.

— Ладно, рассказывай свою поучительную историю, — великодушно согласился я, похлопывая мула по шее. Мул заржал, будто выражая свое неудовольствие моим решением.

— Если вы настаиваете, то считайте, что вам удалось уговорить меня. Мои предки были не столько негодяями, сколько наивными жертвами суровых обстоятельств. Мой дед принадлежал к знатным вигам — это такая политическая партия у нас в Британии. Он пал жертвой полоумного короля Якова Второго, возомнившего, что он пуп земли и поэтому может творить со старушкой Англией что угодно, в том числе вернуть ей католическую веру. Он топил свои земли в крови, пролил и кровь моего деда. Отец мой, тогда уже взрослый человек, посвятил свою жизнь изучению наук, преимущественно связанных с медициной. После смерти деда он был вынужден бежать во Францию. Конечно же, никто его там не ждал, кроме голода и нищеты, которые с радостью приняли его в свои объятия. Решив убежать и от них,

отец мой прельстился на щедрые посулы служащих французской Вест-Индской компании (благодарю Бога, что она недавно приказала долго жить). Эти негодяи посулили ему золотые горы во французских колониях в Карибском море. Заключивших договор, доставляли туда бесплатно, за это они обязаны были, опять-таки бесплатно, поработать в свое удовольствие три года на благо богатого заморского колониста. Конечно, компания занималась этим не из благотворительности. За голову каждого работника они получали по тридцать реалов — кругленькая сумма. И в трюмах кораблей плыли в Индию авантюристы и беглые каторжники, глупые романтики и гугеноты, которым во Франции было запрещено заниматься наиболее важными и доходными профессиями.

Тортуга, куда прибыл мой папаша, была воистину райским уголком, — продолжал рассказывать Генри. — Там было вдоволь еды, мяса, фруктов. Три дня завербованные, как было предусмотрено договором, радовались жизни в неге и праздности. Все обещало им светлое будущее, но по прошествии этих дней их под конвоем повели на рынок. Там на аукционе торговали: выловленными в Африке неграми, индейцами и прибывшими на последнем корабле завербованными белыми. Фактически бедолаги, поверившие компании, были проданы на три года в рабство, в самое настоящее рабство. Сначала никого не интересовали лекарские способности моего отца. Вместе со всеми с восхода до заката он пропалывал табак, валил лес. Многие завербованные умирали от цинги и произвала. Когда же он вылечил жену хозяина, к нему потянулись жители острова, и плантатор решил, что выгоднее использовать раба по его прямой профессии. Он разрешил отцу заниматься врачеванием. Продолжалось это полгода. После чего отец договорился с хозяином, что выкупит себя за приличную сумму в двести реалов. На Тортуге добыть их было не так трудно. Для этого отцу требовалось лишь наняться судовым врачом на пиратский фрегат.

— То есть он, без долгих раздумий устроился в разбойничью шайку, — проговорил я.

— Ну, я бы не обозначал эту компанию столь суровым словом. Сами флибустьеры именуют себя береговыми братьями, а еще — людьми чести. С той поры, как Испания начала вывозить из Индии золото, грабеж испанских кораблей стал военной доблестью, поскольку эта страна находилась постоянно в состоянии войны со всеми соседями. В те редкие годы, когда Испания заключала со своими врагами мирные договоры, морской разбой продолжался даже еще с большим усердием. Министры обменивались возмущенными петициями, а французские и английские правители заверяли испанского короля, что виновные будут наказаны строжайшим образом.

Флибустьерские капитаны выслушивали суровые судебные приговоры, но после заседаний никто и не думал их задерживать для приведения приговора в исполнения, поскольку судьи знали, что капитаны очень спешат — им нужно «добывать испанца», как принято было говорить у береговых братьев. Нередко флибустьерские судна снаряжались из королевской казны. В карманах самих пиратов реалы долго не задерживались, но они получали лишь часть добычи. Им приходилось делиться с губернатором, королем и, конечно же, могучей Вест-Индской компанией.

Оно и неудивительно. Тортуга, оплот пиратства, считалась вотчиной французской короны. Ямайка, еще один оплот, находилась под английской короной. Короли не обращали внимания на такие мелочи, как факт, что из десяти тысяч населения Тортуги три тысячи были пиратами. Неудивительно, что губернаторами на этих островах становились часто рыцари удачи из берегового братства. При этом они насаждали такую власть, что великий инквизитор Торквемада позавидовал бы тем пыткам и казням, которые они практиковали. Мой отец был свидетелем убийства живодера Левассера, губернатора Тортуги. Свою лю-

бимую, отстроенную с большим знанием дела темницу тот назвал ласково «чистилищем», а ряды клеток вдоль стен — «адом». В этих клетках невозможно было ни встать, ни разогнуться. Но больше всего Левассер обожал свое изобретение — пыточную машину, представлявшую остроумную систему блоков и тисков. Мало кто оставался жив после нее, а те, кто выжил, предпочитали не распространяться о том, что им там довелось перенести.

Левассера убили двое его ближайших помощников, и моему отцу оставалось только засвидетельствовать, что в этом изуродованном жесточайшим образом теле нет и искорки жизни. После чего губернатором Тортуги стал потомок старинного дворянского рода Анри де Фонтане. Он развернул кипучую деятельность, и чуть ли не каждый день испанцы получали известия о захвате своих кораблей французскими флибустьерами. В одна тысяча шестьсот сорок пятом году испанцы захватили Тортугу, выбив оттуда береговых братьев, как им казалось, навсегда. Надежды их были тщетны, и они там долго не задержались, вскоре пираты вернули себе любимую землю, но папаша мой переселился на Ямайку. Ему было всего двадцать пять, он был полон сил, и ему пришлось остаток своей не такой уж короткой жизни провести в путешествиях, приключениях и битвах.

— Лучше скажи, ему пришлось немало пограбить и поразбоянничать в разных морях в компании отпетых мерзавцев.

— Я же никогда не скрывал этого. Хотя, по-своему, он был добросердечен, любил животных и никогда не принимал участия в кровавых забавах своих друзей. Кстати, среди его приятелей был француз-дворянин Олоне, имя которого до сих пор вызывает в тех краях ужас. Он перестал церемониться с пленными после того, как испанцы приняли решение казнить всех попавших в плен флибустьеров. Сабля Олоне часто тупилась, так усердно ее хозяин рубил головы и вспа-

рывал животы. Олоне был счастливчиком, во время его походов деньги текли к нему рекой. Только одна экспедиция в Гибралтар — небольшой город в Индиях — принесла ему добычу в триста тысяч пиастров. Мой отец понимал, что удача — изменчивая дама, и успел вовремя уйти от Олоне. Через год после этого Олоне посадил на риф свой корабль и был изрублен на куски местными лесными индейцами. Говорят, дикии были довольны тем, какое из него получилось блюдо.

— Так этому мерзавцу и надо! — в сердцах воскликнул я. Мне приходилось и раньше слышать о делах пиратов, даже сталкиваться с ними. Подвигам этих бестий, наверное, завидуют даже черти в преисподней.

— Зря вы так. Олоне был немного раздражительным, но в общем-то добрым малым. Вот Морган!.. В языке не хватит слов, чтобы во всей полноте описать его действия, совершенные во имя дьявола. Он был настоящим чудовищем.

— Это имя знают многие.

— Он прославился тем, что в захваченных городах умудрялся выбивать у горожан все деньги до единого пиастра. У него было немало средств для этого. Конечно же, основное — старые добрые пытки, которыми он владел в совершенстве. Равных в этом ему не было. Пришедшие после него смелые воины, такие, как капитан Гранье, были джентльменами и поэтому часто уходили с пустыми карманами из городов, в которых были припрятаны в земле миллионы пиастров.

— Морган — это исчадие ада.

— Но он был мастером своего дела. И отличным стратегом. При штурме Пуэрто-Бельо солдаты забаррикадировались в форте, и все попытки выбить их оттуда ни к чему не приводили. Когда пираты карабкались по штурмовым лестницам, на их головы лилась смола, падали камни и керамические горшки,

набитые порохом. Форт казался совершенно неприступным, но Морган не привык отступать. Что сделали бы вы, видя неприступные крепостные стены? Повернули бы назад? Выдумали какую-нибудь военную хитрость? Обманули бы противника? Нет, Морган был не таков. Он привык действовать в открытую. Он просто собрал монахов и монахинь из окрестных монастырей и заставил их карабкаться по штурмовым лестницам впереди пиратов. Несогласных, замешкавшихся тут же расстреливали. Для испанца совершенно невозможно лить смолу на голову Божьих слуг... Когда же защитники крепости опомнились и решили не жалеть черные рясы, было уже поздно — пираты взобрались на стену и хлынули в форт.

— Какая потрясающая подлость!

— Это несомненно. Но она оказалась очень действенной. Морган был тогда ранен, и мой отец спас ему жизнь. Напрасно. Этот упырь оказался плохим товарищем. Его назначили губернатором Ямайки. Следуя новым указаниям и желая выслужиться, он начал выживать братьев с острова. В своем знаменитом эдикте он умудрился написать, что лишь недавно узнал о существовании на Ямайке пиратов. Он потребовал прекратить эту деятельность, пообещав несогласных перевешать на реях. Он разогнал людей чести, и теперь в Карибском заливе это занятие переживает глубокий упадок.

— Ты хотел рассказать о себе, — напомнил Адепт.

— Хотел. Индейцы, которые работают на плантациях в Индиях, подвергаются различным побоям и издевательствам и мрут как мухи — это представители некогда великой культуры, выжженной кострами инквизиции, изрубленной мечами конкистадоров. Что бы ни писали испанские летописцы, что бы ни говорили святые отцы, но главным в том, что они сотворили с этим миром, была не Божья слава, во имя которой якобы они шли вперед, а самая ненавистная Господу страсть — страсть наживы. Недаром один из

индейских вождей, показывая конкистадорам золотые изделия, произнес негодующе: «Вот он Бог белого человека»... Сорок шесть лет назад капитан дон Фернандо с шестнадцатью воинами отправился в глубь бескрайних ядовитых лесов. Его гнали вперед легенды о скрытых там городах, полных золота. Ему повезло, он нашел такой город и взял там золото, правда, не столько, сколько хотел. И разрушил все, что мог. Назад вернулись только четверо солдат, капитан Фернандо и священник-иезуит. Они вели мулов с добычей — золотом и красавицей дочерью жреца, убитого в схватке. Девушку решили отправить в Испанию в подарок королеве, как забавную зверушку. Около острова Эспаньола галион испанцев был атакован жалкой тихоходной галерой. Когда галера подошла к галиону, капитан подумал, что это окрестные жители приплыли клянчить продовольствие или заниматься натуральным обменом. Немало же он был поражен, когда абордажные крючья впились в борта галиона, и на палубу, подобно саранче, обрушились притаившиеся до времени пираты. Мой отец захватил красавицу в честном бою. Он был уже немолод, но шпагу держал так же крепко, как лекарский инструмент. Он мог продать девушку в рабство, но подарил ей свободу — то, что сам ценил выше всего. Это и была моя мать... Что я видел в детстве? Кубрики кораблей, портовые пристани, дощатые постройки Тортуги. Что я слышал в детстве? Портовую брань,очные крики, доносящиеся из таверн, и ласковый голос матери. Когда мне было десять лет, мама умерла. Она просто исчезла. Растворилась в сельве. Отец любил ее очень сильно, но не останавливал ее, когда она сказала, что уходит. В памяти осталось, что она была очень добра, но, когда надо, непреклонна. И еще в памяти остались звуки странного языка, который я слышал от рождения и помню до сих пор и который является мне наполовину родным, потому что в моих жилах течет индейская кровь.

— Больше ты не видел свою мать? — теперь вопрос задал я.

— Я — нет. А отец видел. Через год после того, как она исчезла, он взял деньги, а их скопилось у него немало, поскольку в отличие от других людей чести он не предавался безумным кутежам и разгулам, и организовал экспедицию в сельву. Был он уже почти стариком, мало кто верил, что отец хоть чего-то добьется... Он и сам не слишком верил в удачу, но все же решил попытаться поймать ее за хвост. Подобрал себе в компанию несколько сорвиголов, готовых идти хоть к черту в пасть, если только у этого черта золотые клыки. А там, куда они шли, этого металла было предостаточно. Через два года отец вернулся. Один. Его спутники остались где-то в ядовито-зеленых зарослях, исчезли в пучинах рек и болот. Он возвратился немного не в себе. Мог часами сидеть, уставившись в одну точку и горестно вздыхать, а потом разражался громким смехом. Со временем ему стало лучше, но все равно тот отчаянный поход оставил в его душе неизгладимый и страшный след. — Генри замолчал и отхлебнул из фляги.

— Нашел твой отец, что искал?

— Нашел. Он не рассказывал об этом связно. Твердил что-то о затерянном городе, о видениях, возникающих в глубинах сознания и сгущающихся в виде воплощенных мыслей. И еще — о чертоге самого дьявола, в котором ему едва не удалось побывать. А иногда говорил он такое, что можно было принять лишь за плод разгоряченного виннымиарами воображения. Я бы так и поступил и не слишком обращал бы внимание на его странные рассказы, но отец вернулся не с пустыми руками. Он принес оттуда лишь одну вещь.

— Что это было?

— Гризрак.

— Что это такое?

— Если бы знать. Может быть, вы разберетесь. Плююйтесь. Даже когда мне было очень плохо и я умирал с голоду, у меня и в мыслях не было продать его.

Он вынул серебристую плоскую коробочку, усеянную цветными камешками. Я взял этот самый гризрак и начал рассматривать. Предмет явно не был обработан руками мастеровых — нет таких рук, которые способны до такой степени отполировать металл и придать ему такую точную форму. На его поверхности не было ни единой царапины, что говорило о высокой прочности. Через корпус шла черная полоса из какого-то материала, похожего на полированное дерево. То, что я сперва принял за драгоценные камни, было разноцветными бусинками — восемь штук.

— Что это такое? — еще раз спросил я, протягивая гризрак Адепту, который с интересом принялся рассматривать его.

— Это очень важная вещь, но для чего она предназначена и с какой целью передана мне — я не знаю, — ответил Генри. — Нажмите на зеленую бусинку.

Адепт нажал, и, к моему изумлению, из гризрака, лежащего на его руке, начала вырастать и распускаться очаровательная красная роза.

— Они каждый раз меняются. Сегодня это цветок, вчера был алмаз, неделю назад загадочный пейзаж. Порой возникают предметы, которым я даже не могу подобрать названия.

Адепт коснулся красной розы, и его ладонь прошла сквозь нее. Цветок исчез.

— Цветка нет. Это иллюзия, — улыбнулся Генри, беря гризрак у Адепта.

— Опять магия, — заворчал я.

— Нет, не магия. Во всяком случае, не та, с которой мы иногда сталкиваемся. Это вроде часов или механической куклы, только основанное на гораздо более обширных и глубоких знаниях материального

мира. Мы знаем, что бывали времена, когда люди летали по воздуху, передавали картинки на расстоянии и вообще делали то, что сегодня просто невозможно себе представить. Некоторые секреты остались в наших библиотеках, но использовать их нет никакой возможности, поскольку из нескольких крупиц песка не сделаешь песочные часы. Из какого далека, из каких времен и миров этот предмет — мы можем только гадать.

— Библиотеки... Времена... Миры... — пробормотал Генри. — Разрази меня гром, если я понимаю до конца ваши невразумительные речи.

— Может, и лучше, что не понимаешь, поверь мне, — покачал головой Винер.

— Чем больше смотрю на вас, тем больше вы меня удивляете. Я давно ловлю себя на мысли, что ничего не знаю о своих спутниках, весьма странных субъектах. Порой у меня возникает подозрение, что вы гораздо более важные птицы, чем кажетсяеся. И что вы можете делать такое, чего не может никто. И тогда я задаю себе вопрос, а не продали ли эти люди свои души дьяволу. — Генри улыбался, но по его тону было понятно, что вопрос этот для него вовсе не шуточный.

— Эх, Генри, если бы я продал душу дьяволу, мир лежал бы сейчас у моих ног и власть любого монарха была бы просто ничтожной пред моей железной властью, — со вздохом произнес я.

— Интересно было бы увидеть вас на троне правителя всей земли. — Генри воспринял мои слова как шутку, но я-то понимал, что говорю чистую правду. Но ему это знать необязательно. Немногим было известно, что в наш мир едва не пришел Кармагор. В моем лице.

— В этом нет ничего интересного. Скорее, было бы страшно, — нахмурился я.

— Вы пробудили во мне беса любопытства... Но я вижу вдали гордые стены Севильи, в которой наши

пути расходятся, — с каким-то облегчением проговорил Генри.

Действительно, мы подъезжали к Севилье, морским воротам Испании. Именно отсюда в темноту и неизвестность уходили каравеллы великого Колумба, чтобы бросить к ногам правителей новый мир.

Путь сюда был для нас нелегок. После встречи с Бернандесом мы уже не могли столь беззаботно предаваться радостям путешествия. Нам приходилось за-путывать следы, опасаясь не только Хранителя, но и жесткой шайки, идущей за нами. Бернандес не отставал. Несколько раз ему почти удалось нас настигнуть, и мы видели из укрытия его поредевший отряд. Многим бандитам, наверное, наскучила эта погоня. Бернандес упорно рассыпал своих мерзавцев во все стороны, и те повсюду твердили старую легенду о еретиках и английских шпионах. Думаю, им мало кто верил, поскольку вид молодчиков не мог вызывать доверия. Порой нам удавалось сбить Бернандеса со следа, но вскоре он каким-то непонятным образом снова начинал наступать нам на пятки, будто его сковали с нами единой цепью. Похоже, так оно и было. Наши судьбы отныне крепко переплелись.

Столетия золотых караванов из Индии превратили Севилью в цветущий город. В окрестностях его зеленили оливковые рощи и виноградники, белели богатые виллы. Дороги здесь были многолюдными, заполненными крестьянскими повозками, каретами, странствующими монахами и бродягами. Близость большого и богатого города ощущалась издалека.

И вот перед нашими глазами предстали неприступные стены и бастионы мавританского замка Алькасар, шпиль знаменитого собора, расписанного Мурильо, величественные церкви и здания. Уже под вечер мы пересекли ворота города. Севилья достигла почтенного возраста и пережила немало. Основана она была в незапамятные времена, еще в первые века нашей эры, вандалы и вестготы сделали ее своей столицей.

— Прощайте, друзья мои, — сказал Генри.

— Чем мы можем отблагодарить тебя? — спросил Адепт. — Может, золото явится достойным знаком нашей благодарности?

— Вряд ли. Там, где есть добрые чувства, золото едва ли уместно, — усмехнулся Генри и исчез в переулке.

— А куда нам? Опять постоянный двор?

— Думаю, в этом городе нам удастся найти место получше, — уверенно сказал Адепт.

Мы остановились перед роскошным палаццо, отстроенным, наверное, еще во времена владычества мавров.

Адепт забарабанил в ворота, и, когда появился слуга, властно воскликнул:

— Нам нужен твой хозяин!

— Хозяин погружен в ученые раздумья и уже пять дней никого не принимает.

— Если ты не побеспокоишь его, он побеспокоит тебя, и твоя спина украсится следами от заслуженных плетей. Передай ему, что на пороге стоят те, кто идет навстречу Заре, — произнес Адепт условную фразу.

Озадаченный слуга счел за лучшее не возражать, и вскоре у ворот нас встретил статный седобородый мужчина, одетый в роскошный халат.

— Я рад тем, кто идет навстречу Заре. И счастлив помочь вам всем, чем смогу.

— Пока что нам нужны отдых и еда. Все более важные дела оставим на завтра.

После обильного ужина мы устроились на ночь в просторном дворе, над нами шатром раскинулись ветви какого-то дерева, рядом плескались рыбы в бассейне с прозрачной водой.

— Хозяин этого дома — посвященный третьего уровня, — сказал Адепт. — Он и не подозревает о том, кто мы, но догадывается, что мы занимаем достаточно высокое положение. Настолько высокое, что ему в жизни не приходилось видеть никого, подобно-

го нам. В Севилье он очень богатый и влиятельный человек, один из тех, кто держит в руках город.

— Мы достигли цели, о которой ты говорил. И что делать дальше? Где здесь искать ключ?

— Ты слишком торопишься. Нам еще предстоит неблизкий путь.

— Куда?

— В Новый Свет, который испанцы называют Индиями. Через три дня туда уходит флот.

* * *

Испания переживала не лучшие времена. Она сдавала свои позиции одну за другой. После смерти последнего представителя династии испанских Габсбургов, на престол Испании был возведен внук Людовика Четырнадцатого Филипп Бурбон, что послужило поводом для развязывания очередной европейской войны. Против франко-испанской коалиции выступил союз Британии, Голландии, Пруссии и Австрии. Дела на полях брани для франко-испанской коалиции складывались хуже некуда. В прошлом году она потерпела сокрушительное поражение при Гохстедте, для нее навсегда был потерян Гибралтар, перешедший к Англии. Испанию все более охватывали апатия и пораженческие настроения.

Но главная причина упадка заключалась даже не в военных неудачах. Более сотни лет Испания неуклонно катилась вниз, и образованные идальго лишь по книгам знали о вершинах развития ремесел и искусств, об огромном влиянии на Европу и весь мир, достигнутых страной при Карле Первом и Карле Пятом, когда в ее состав входили и Нидерланды, и Австрия. Странно, но завоевание Нового Света и поток дешевого золота только на первых порах влияли на укрепление державы: уменьшилась стоимость благородного металла, вздорожали товары и продукты, пришли в упадок сельское хозяйство и ремесла. Крестьяне и ремесленники не могли ничего противопоставить более развитым соседям, лишенным щедрого

золотого дождя, а потому вынужденным заботиться о развитии производства. Испания теряла позиции не только в Европе, но и в Новом Свете. Все больше земель переходило там к ненасытной Англии. Как волшебная сказка вспоминались времена, когда все новые земли навечно закреплялись папской буллой за Испанией и Португалией.

Но все же Испания оставалась еще великой державой. И каждый год в Америку уходили корабли с товарами и колонистами, чтобы привезти оттуда золото, экзотические продукты, ценное дерево. На одно из таких судов мы должны были попасть.

Конечно же, все места были давно распроданы и распределены, пробиться туда было почти невозможно. Но то, что не могут сделать уговоры или законные права, может сделать золото. А то, что не сможет сделать золото, по силам большому количеству золота.

— Такого ажиотажа давно не было, — сказал дон Орландо в час сиесты, когда во дворе его дома, в тени дерева, мы пили испанское терпкое вино и ели сочные фрукты. — Люди сломя голову бросились в новые края, видимо, понимая, что тут все трещит по швам и больше нечего ждать, кроме труда до седьмого пота на бесплодных полях, безжалостных поборов или гибели на поле брани в одном из бесчисленных сражений. Многие из подданных короны за всю жизнь всего лишь пару раз отведывали мяса. Их удел нищета, и им нечего терять.

— Нам нужны места в караване.

— Если нужны, то будут. Сегодня вечером я сообщу, что удастся узнать. Думаю, все решится. Кстати, вы не назначали никаких встреч в Севилье?

— Нет. А что?

— Некий кабальеро наводит справки о двух путешественниках, очень похожих на вас. Настолько похожих, что у меня не возникло никаких сомнений — это вы.

— А на кого похож этот кабальеро?

— На напыщенного павлина, — и он описал капитана Бернандеса! — Похоже, он не относится к числу ваших добрых друзей? — уточнил добрый хозяин.

— Зато он относится к числу наших ярых врагов. Было бы лучше, чтобы он исчез! — воскликнул я.

— Эта задача довольно сложна. Мы не знаем, где он живет. Он все время ходит в компании каких-то мрачных личностей. Не просто найти людей, способных чисто выполнить это дело. А что ему нужно от вас?

— Ничего, кроме наших жизней, — пробормотал я.

Орландо Виллас вел уединенный образ жизни. Он слыл чудаком, полностью погрузившимся в изучение древних наук, в чем продвинулся довольно далеко. Вместе с тем все знали его деловую хватку, и в здании биржи к нему относились с не меньшим почтением, чем в Севильском университете. Слуги его были молчаливы, исполнительны и хорошо вышколены, они не привыкли попусту болтать языком, особенно если на это специально указывал хозяин. Так что можно было надеяться, что капитан Бернандес не обнаружит наше местонахождение...

Как дон Орландо и обещал, вечером он сообщил нам о своих успехах:

— Я не стал использовать мои обширные связи, чтобы не привлекать к вам излишнего внимания.

— Это правильно, — согласился Адепт.

— Поэтому я договорился с отчаянным пиратом капитаном Родриго Маркесом. Он сказал, что примет моих друзей так, как если бы это были его собственные друзья или родственники. Уверяю вас, что даже собственного отца он обобрал бы до нитки, поскольку из всех языков, которыми он владеет, ему больше всех по сердцу звонкий язык золотых монет. Маркес ждет вас утром около галиона «Санта-Крус». Учтите,

он обычно заламывает двойную цену, и то, когда в добром настроении.

— Это не столь важно.

На следующее утро, нахлобучив поглубже шляпы и опустив поля, чтобы Бернандес не узнал нас, мы отправились в порт. Внешне он ничем не отличался от других портов, разве что большими размерами, большим столпотворением и большой суетой, которая была сейчас в самом разгаре. Шла загрузка галионов, которым вскоре предстоит двинуться через Атлантический океан к острову Куба. На деревянных пирсах толкались слуги и матросы, походившие больше на разбойников. Так уж повелось, что на торговый и военный флот шли не очень благочестивые люди, а если уж быть честным, то большую часть экипажей составляли настоящие отбросы общества. Чтобы держать их в повиновении, офицерам приходилось работать не только луженными глотками, но и кулаками, а порой и пистолетами. Над пристанью стоял гул от ругательств, воплей и угроз. Кричали чайки, плескались волны, поскрипывали снасти кораблей.

«Санта-Крус» представлял собой видавший виды потрепанный галион со шрамами от абордажных крючьев, латаными-перелатанными парусами, ждущими своего часа, чтобы полной грудью вдохнуть океанский воздух и понести корабль к дальним берегам. Команда занималась тем, что затаскивала на борт тяжеленные пушки. Работа была нелегкая и продвигалась довольно медленно.

— Как найти капитана Родриго Маркеса? — спросил Адепт невысокого, похожего на мартышку человека, который с выражением скорби и уныния, скрестив руки на груди, наблюдал за манипуляциями матросов.

— Вы имеете в виду капитана этой старой лоханки, которая только и годна для того, чтобы черпать воду бортами?

— Именно так.

— Этой несчастной посудины, самое место которой на рифах где-нибудь около берегов Эспаньолы? Этого благотворительного приюта для всякого сброва, настолько дурно зарекомендовавшего себя, что ему не нашлось места даже на каторге или королевских галерах?

— Ну, если вы так говорите, то да.

— Капитан Маркес — это я. Однако вы не очень вежливо отзываетесь о моем корабле.

— Это вы отзываетесь о нем невежливо.

— Да?.. Эх, иногда у меня бывают минуты грусти. Я слушаю вас, уважаемые сеньоры, со всем вниманием. Подождите... — Он подался вперед и заорал так, что у меня заложило уши. — Ах ты, свиное рыло! Плод сожительства черта с бараном! Куда ты тащишь пушку, да отсохнут твои кривые руки! Левее надо!

Испуганный матрос, руководивший загрузкой очередной пушки, начал исправлять ошибку.

— Извините за невольную паузу в нашей беседе, сеньоры. Продолжим. Так что привело вас ко мне?

— Нас прислал дон Орландо.

— О, я очень люблю и ценю дона Орландо Вилласа. Он мне говорил о вас, но ничего конкретного. Поэтому изложите вашу просьбу подробнее.

— Нам нужны места на вашем корабле, — сказал я, убеждаясь, что характеристика капитана, данная Орландо, совершенно верна. Этот нахал прекрасно знал, зачем мы пришли, но пытался набить цену.

— Вы хотите плыть на этом корабле? Вы меня удивляете, сеньоры! Он настолько перегружен, что еще немного — и его придется волоком тащить по дну океана до самой Кубы.

— Думаю, наш вес не будет столь тягостен для вашего судна, если мы облегчимся на несколько монет.

— Это очень тонкий вопрос. Тут все зависит от точного расчета. И от количества монет, которые вы хотите скинуть с ваших карманов как ненужный балласт.

Дон Родриго заломил астрономическую сумму и еще заявил, что не гарантирует нам комфорт. Адепт без особого труда, поторговавшись для приличия, сбил сумму вдвое, при этом выторговав вполне сносные условия. Ударив по рукам, мы разошлись, уплатив капитану задаток. Правда, задаток не слишком большой, чтобы он не позабыл об основном грузе, оставшемся в наших кошельках.

Мы вернулись в дом дона Орландо. Усевшись на мягкую уютную кушетку, я сказал:

— Ну вот и все. Вскоре мы будем на борту галиона. Не думаю, что эта свинья Бернандес последует за нами.

— Он последует за нами куда угодно. Но для этого он должен знать, куда мы направляемся. И я не думаю, что он узнает это.

Дона Орландо дома не было. Он появился ближе к вечеру, и его лицо выражало крайнюю озабоченность.

— Около моего дома замечены какие-то подозрительные типы. Кроме того, мне сказали, что сеньор, очень похожий на вашего Аррано Бернандеса, интересовался мной.

— Ясно, — кивнул Адепт. — Они все-таки выследили нас. Здесь нам оставаться небезопасно.

— Не будет же он приступом брать мой дом! — возмущенно воскликнул дон Орландо. — Это немыслимо!

— Если надо, он возьмет штурмом и королевский дворец. У него сейчас одна цель — уничтожить нас. Своя собственная жизнь беспокоит его очень мало.

— Это не так просто — взять штурмом мой дом.

— Но возможно.

— Я вызову солдат.

— И что вы им скажете? Кроме того, лишний шум нам ни к чему. Он может подорвать все наше предприятие. Нам нужно другое убежище. Надежное, о котором никто не знает.

— В пригороде у меня есть небольшой дом. Он подойдет вам. Там живет один из моих вернейших слуг.

— Ну так идем туда!

Солнце уже почти закатилось за горизонт, когда мы добрались до небольшого ухоженного двухэтажного дома, вокруг которого раскинулись обширные виноградники. Нас встретил пожилой слуга. Шли мы со всеми предосторожностями, тщательно проверяя, нет ли за нами слежки.

Слуга принес холодное мясо, кувшин вина и фрукты. Мы сидели в прохладной комнате и вели неторопливую беседу. Возбуждение от вынужденной прогулки склынуло. Мы уже привыкли к таким неурядицам, и они перестали ранить душу.

— Мне очень жаль, что послезавтра вы уплываете. Всю жизнь я собирал крупицы древних знаний, наслаждался ими, как наслаждается гурман редким ароматным вином. Я всегда делал то, что мне приказывал орден, и, хотя никто не упрекнет меня в недостатке необходимых качеств, судьбой не было начертано, чтобы я поднялся выше третьего уровня. Но я счастлив и этим. Я удостоился чести быть в тайных храмах, читать полуистлевшие манускрипты, скрывающие тайную мудрость веков, ощущать, как бьется в моих руках вселенская энергия. Ради этого стоило жить. Но в вас я вижу тех, кто является главным орудием великих сил. Вы не просто находитесь на Острье Иглы. Тут речь идет о чем-то большем.

— С чего вы взяли?

— Я чувствую. Я вообще чувствую многое. Соседство с вами вызывает во мне такой же отклик, как соседство с нарастающим ураганом.

— Находиться вблизи урагана опасно, — вздохнул я. — Смертельно опасно.

— Знаю. Мне уже немало лет, и я не боюсь смерти. Я счастлив, что вы постучали в ворота моего дома.

В этот момент послышалось шуршание крыльев. На миг в окне возник силуэт черной птицы. Мельком я увидел ее бездонный глаз. И вот ее уже нет. Была ли она или это обман зрения, игра лучей заходящего солнца и шелест листьев?

— Что это было? — спросил дон Орландо. Кровь отлила от его лица. Пальцы его в крови... Нет, конечно, это не кровь, а красная мякоть раздавленного плода.

— Смерть, — прошептал Адепт.

— Чья?

— Пока не знаю...

Следующий день мы провели в безделии и праздности. Я настолько привык к топоту копыт и мерному покачиванию в седле, к свежему воздуху и бескрайним просторам, что сейчас мне начинало казаться, будто меня заточили в темнице, впрочем, довольно комфортабельной. Было бы просто глупо жаловаться на качество еды — слуга оказался отличным кулинаром, а в подвалах скрывались залежи бутылок с прекрасным вином.

Ближе к вечеру я начал нервничать. Я думал, что виной тому жара, праздное времяпровождение, а также мысли о том, что завтра перегруженный галион на белых крыльях парусов понесет нас к берегам Нового Света. Вечером, ложась спать, мы по привычке разложили рядом с собой оружие — шпаги и заряженные пистолеты.

— Ночь может выдаться не очень спокойной, — сказал я.

— Пожалуй, — поразмыслив, согласился Адепт. — Вокруг нас опять сгущаются клубы тьмы.

— Надо спать по очереди.

— И предупредить слугу, чтобы был осторожнее.

— У меня дурные предчувствия. Не убраться ли нам отсюда подобру-поздорову?

— Куда? Да и кто знает, может, наши предчувствия касаются неприятностей, которые произойдут с нами, если мы покинем дом и бросимся искать новое убежище, — пожал плечами Адепт.

— Тоже возможно. — Такая мысль не приходила мне в голову.

Слуга отнесся к нашим предостережениям с вниманием, заверил, что будет соблюдать все меры предосторожности, но я видел, что наши слова он просто не принял всерьез. А зря...

Они все-таки пришли. Ночные тени, скользящие меж деревьями и побегами винограда. Их было немало. Бернандесу удалось пополнить свою шайку. Действовали они сноровисто, со знанием дела. Проникнуть в дом с крепкими стенами, толстыми дверьми, закрытыми на тяжелый засов и запертными ставнями — задача не из легких, но и не из неразрешимых.

— Вставай, к нам визитеры, — прошептал я, расталкивая Адепта. Тот моментально очнулся, будто и не спал вовсе. Тут же в его руках появились шпага и пистолет. — Сейчас они пойдут на штурм.

Я видел через прорезь в ставнях, как в саду замелькали огоньки и послышались щелчки кресал.

— Хотят поджечь дом? — прошептал Адепт.

— Нет, это будет похуже.

Оглушительный грохот рубанул по ушам, дом дрогнул. От взрыва, по-моему, вылетела дверь. Путь в дом для убийц был открыт. Но они не спешили. Прогремел еще один взрыв, и в соседней комнате вылетели ставни. Нападавшие забрасывали дом гранатами, которые, скорее всего, представляли из себя глиняные горшочки с порохом. Слава Богу, они не знали, в какой комнате мы находимся, поэтому швыряли гранаты куда придется.

Во вспышке огня я рассмотрел молодчика, который поджигал фитиль с явным намерением швырнуть гранату в наше окно. Я распахнул ставни.

— Получай!

Почти не целясь, я нажал на спусковой крючок. Мою руку направляло само провидение. Пуля угодила в горшок, и окрестности потряс новый взрыв. Он не оставил от убийцы мокрого места, заодно разметав сообщников рядом с ним. Это был момент, которым необходимо было воспользоваться.

— Прыгай! — крикнул я, перемахивая через подоконник.

Я приземлился удачно. Адепт — тоже. Мы бросились вперед. Я споткнулся о бездыханное тело и сумел рассмотреть в пламени огня, хлеставшего из окон дома, что это был Бернандес. Неужели мы все-таки избавились от него?

Разбойники не ожидали такого поворота дел и были дезорганизованы. Одни из них уже вломились в дом, другие находились с противоположной от нас стороны, третья были оглушены или убиты взрывом гранаты. Они не сумели быстро отреагировать, но трое из них все-таки кинулись нам наперерез.

— Сюда! — раздался истошный вопль.

Прогрохотал выстрел, и пуля оцарапала мне щеку, вторая пропорола рукав рубашки, не задев, впрочем, кожу. Потом пошли в ход клинки. Все решали секунды. Мы не могли позволить себе красивого фехтования с изысканными пируэтами. Нет ничего хуже, чем драться в темноте, когда почти не видно клинков. Я почувствовал, что должен пригнуться и пригнулся. Воздух над моей головой прорезала разбойничья шпага. Такой удар вполне мог снести мне голову. В ответ я сделал выпад, и мой клинок вонзился в горло противника, а потом рубанул по руке другого оборванца, который, зайдя сбоку, хотел нанизать меня на вертел. Третий, схватившийся с Адептом, получил от меня рукояткой шпаги по затылку и, охнув, растянулся на траве.

К нам бежали другие, но мы не стали их ждать, кинулись в темноту, рискуя свернуть шею. Я споткнулся и слегка подвернул ногу. Адепт поднял меня

рывком за шиворот, и мы побежали дальше. Сзади полыхал дом — очередной дом, сожженный капитаном в его безумной погоне за нами, слышались истошные вопли разбойников. Они попытались преследовать нас. Но свой шанс они упустили. Бог не дал этим псам способности по-собачьи идти по следу. Вскоре они окончательно отстали.

Мы ломились сквозь колючие кустарники, пробегали мимо спящих домов и, наконец, повалились на землю. Сердце молотом стучало в моей груди, дыхание сперло, руки тряслись от возбуждения после только что выигранной нами очередной схватки. Сколько еще мы сможем убегать? Как долго нам будет улыбаться судьба?

— Интересно, что стало со старым слугой? — спросил я.

— Он наверняка погиб. Я слышал его крик.

— Жаль, — вздохнул я, мне вспомнился разговор с хозяином постоянного двора пожилым Родриго. — Мы продолжаем тянуть за собой цепочку смертей. Люди гибнут, не подозревая, что они лишь материал, который расходуется в нашей безумной битве. Они, как булыжники, которыми мы мостим свой путь.

— Мы боремся за будущее этого мира. За то, чтобы люди возвысились в своем человеческом величии и перестали быть таким подсобным материалом.

— Так-то оно так, но... Интересно, как же все-таки испанец узнал, где мы находимся? За нами никто не следил. О нашем местонахождении никому не было известно.

— Не знаю, — пожал плечами Адепт, сжав пальцами виски. — В моей голове стучится какая-то неясная мысль по этому поводу. Я пытаюсь ее поймать, если только ты не будешь мне мешать.

Он встал на колени и застыл в неподвижности. Так прошло минут десять. Неожиданно он расправился.

— Причина тривиальна. Предательство.

— Дон Орландо? — удивленно воскликнул я.

— Слава Богу, не он. Капитан Бернандес угрозами и деньгами перетянул на свою сторону одного из слуг Вилласа. Тот знал о существовании пригородного дома. Вчера он передал это сообщение капитану. Бернандес решил дождаться своего часа — ночи, чтобы испить кубок с нашей кровью.

— Что еще этот предатель сказал Бернандесу? Упомянул ли, что мы отплываем в Новый Свет?

— Нет, этого он не знал.

— Нам повезло. Правда, Бернандес, даже если бы и знал это, теперь не воспрепятствует нам. Он мертв, да воздастся ему за грехи его.

— Я прощаю ему все, он не ведал, что творил, — сказал Адепт.

— Пусть его следующая жизнь будет достойнее этой. Пути Господни неисповедимы, и кто знает, может и в Аррано Бернандесе вырастут добрые семена.

В эту ночь нам так и не пришлось сомкнуть глаз. Дождавшись рассвета, мы нашли крестьянский дом, где позавтракали за небольшую плату. Хорошо, что в суматохе Адепт успел прихватить заплечный мешок с деньгами, книгами и какими-то его снадобьями.

Близилось время, когда мы должны ступить на борт «Санта-Круса». До порта мы добрались без особых приключений. Вся Севилья собралась сегодня здесь. Это был главный день — один из тех дней, которые составляют смысл существования подобных городов. Сегодня в плавание уходил королевский флот, увозя в колонии товары и людей.

В порту толпились провожающие и отплывающие, зеваки и официальные представители торговой палаты, чиновники короля. Солдаты расталкивали толпу, через которую шествовала важная процессия, приветствуемая радостными криками, — это был сам премьер-министр со свитой и еще несколькими аристократами, пришедшие посмотреть на отплытие. Их сопровождал командующий флотом. Несмотря на жару, важные сеньоры были в камзолах и шляпах с плюма-

жами. Женщины вытирали платками слезы и болтали не переставая, мужчины держались сурово или, наоборот, смеялись и шутили.

Люди отправлялись в другой мир, более жестокий, девственный и свободный, и многим, если не большинству из них, не будет возврата домой. Тут же шатался всякий сброд, судя по всему, высматривающий карманы, чересчур тяготящиеся лежащими в них деньгами. Ну и конечно, там, где столпотворение, там должны быть и цыгане. Чумазая ребятня дергала сеньоров и сеньорит за одежду, назойливо требуя монетку на пропитание.

— Господь учил зарабатывать деньги в поте лица собственным трудом, невинное дитя, — важно изрек святой отец в черной сутане, опуская руку на плечо цыганенка лет десяти.

— Это и есть мой труд в поте лица, отец мой, — огрызнулся цыганенок, в этот момент его брат-близнец срезал с пояса священника опрометчиво прикрепленный туда кошелек.

Толстая цыганка ухватила за руку матроса с повязкой на голове:

— Давай погадаю, сеньор, что тебя ждет.

— Не до тебя, красотка. Я найду лучшее применение своим денежкам, толстуха.

— Ну тогда я тебе, золотой мой, погадаю бесплатно.

— Ну что ж, бесплатно хоть обгадайся.

— Тебя, бриллиантовый мой, смоет скоро крутой волной, рыбы обложут твои косточки, и никто о тебе слезы не прольет, потому что ты жаден, как разбогатевший раввин.

— Ах ты подлая дрянь! Чтоб ты сдохла, чтоб тебя живьем собаки слопали!

— Ах, я тебя... Чтоб у тебя вместо носа рог вырос! Чтоб у тебя ребенок с хвостом родился! Чтоб тебе до смерти ничего, кроме воды, не пить! Чтоб...

Привлеченные шумом, через толпу стали пробираться стражники, и цыганка испарилась, оставив

злого, растерянного матроса, обалдевшего от такого напора.

— Сюда! — Я дернул Адепта за рукав и затащил его в самую гущу народа. Мне тут же отдавили каблуком ногу, но это было не так страшно по сравнению с тем, что могло случиться.

— Что такое? — спросил Адепт.

— Это он. Бернандес!

— Мертвый?

— Да. Только выглядит чуть получше, чем обычные покойники, — скривился я. — Хуже сюрприза не придумать. Вряд ли Бернандес знал наверняка, что мы собирались в дальние края. Скорее всего, он просто предусмотрел такую возможность и теперь толкался здесь с парочкой (а может, и больше) сообщников. Он был без шляпы, на голове белела повязка, а рука была обвязана тряпкой, на которой темнели бурые пятна. И стоял он именно там, где и должен был стоять, чтобы доставить нам как можно больше неудобств. Место он выбрал на возвышении, откуда мог обозревать значительную часть порта. Пройти мимо него и остаться незамеченным было невозможно. Он стоял как вкопанный и только водил головой, как волк, принюхивающийся к запаху мяса.

— Чти нам делать теперь? — спросил я.

— Если мы напоремся на него... Он не остановится ни перед чем. Даже если и не убьет, то затеет такую свару, что флот уйдет без нас.

— Что из этого следует?

— Нам нужно обойти его и незаметно проникнуть на «Санта-Крус». Учитывая его одержимость и сверхчеловеческое чутье, а также упрямство и еще кое-что, нет никакой надежды, что он сам уберется с этого места. Надо как-то согнать его оттуда.

— Каким образом?

— Будем думать...

— Золотой мой, дай монету, погадаю. Узнаешь, что будет, как беды избежать, где любимую найти и

как сердце ее покорить. Дай монетку, золотой мой! — Толстая цыганка, только что разговаривавшая с матросом, вновь искала легковерных и щедрых простаков.

— Хорошо. — Адепт вытащил несколько монет.

При виде такой суммы лицо цыганки вытянулось, и она издала какой-то утробный звук. Рука ее потянулась к деньгам, но Адепт сжал пальцы в кулак.

— Подожди, сначала работа.

— Все, что хочешь, золотой, нагадаю! За такие деньги! Говори.

— Я сам тебе кое-что хочу нагадать. Например, что у тебя семеро детей, а недавно ты украла еще одного, — усмехнулся Адепт, глядя, как глаза цыганки округляются и она начинает хватать ртом воздух. — Но не об этом речь. Часть этих денег ты получишь сейчас, и в два раза больше, если сделаешь работу. А поработать тебе придется.

Он изложил все, что нужно сделать, и отсыпал цыганке часть монет.

— А если бить будут? Надбавить надо.

— Добавлю, если сделаете дело.

Как по волшебству, отовсюду стали стекаться цыгане после того, как женщина кликнула что-то на своем языке: четырнадцатилетние мамашы с детьми за спиной, ребятня самого разного возраста и даже двое мужчин-цыган, которые обычно сопровождают женщин, отправляющихся на добычу денег. Вскоре их набралось человек тридцать. Одна половина окружила нас, а вторая направилась к капитану Бернандесу. Ну вот, начинается...

— О, Педро, любимый мой, я так давно тебя искала! — заголосила молодая цыганка, распахнув объятия и бросаясь к капитану.

Он кинул на нее изумленный и злой взгляд и произнес:

— Ты ошиблась, шлюха!

— Педро, как ты можешь так говорить обо мне? Обо мне, твоей черноволосой Лауре, которую еще недавно называл ласточкой и козочкой. — Она всхлипнула и бросилась к нему на грудь.

— Отойди, шлюха, или я сверну тебе шею!

— Люди, он собирается свернуть мне шею! Той, которой ночью на теплой земле, заменявшей нам мягкое брачное ложе, клялся в вечной любви! Мне, матери его ребенка! — Тут же ей в руки сунули младенца, которого она попыталась вручить капитану. Тот оттолкнул ребенка, забористо выругался, и рука его потянулась к шпаге. Цыгане, обступившие его, возбужденно загадали.

— Уйдите отсюда или я выпущу вам кишки!
Стражи!

— Да, стража! — заорала молодая цыганка, падая на колени и обнимая ноги капитана. — Идите сюда, стражники! Он хочет убить меня! Меня, его длинноногую трепетную лань, как он еще недавно меня называл. О, стража, лучше вы убейте меня! Мне не зачем жить. И я не хочу умирать от руки этого мерзавца, богохульно честившего католическую церковь!

— Ах ты... — Голос капитана захлебнулся от ярости. Бернандес потянулся пальцами к шее цыганки, но тут подоспели стражники и начался истинный бедлам. Бернандеса оттащили от цыганки. Он требовал арестовать ее за нападение, она же ломала руки и называла его не иначе как «мой возлюбленный». Стражники ничего не могли понять. Наконец один из них заявил, что не удивляется тому, что сеньор соблазнился прелестями этой цыганки, бывало, сеньоры и поважнее его соблазнялись ими. Рука Бернандеса потянулась к эфесу, но стражники пообещали тут же арестовать его. Конца всего этого представления мы не видели. Под прикрытием цыган мы пробрались к трапу галиона, где окончательно расплатились с толстой цыганкой, как и обещано было, надбавив ей за риск. Время до отплытия мы провели в трюме. И

вот настала минута, когда были отданы швартовы и «Санта-Крус» заскользил по водной глади.

— Давай поднимемся на палубу, — предложил я. — Теперь Бернандес нам не страшен. Следующий флот не скоро, а на этот ему не попасть.

— Пошли.

Палуба была запруженна людьми. Мы протиснулись к фальшборту. Отплыли мы недалеко, и еще был хорошо виден причал с провожающими.

— Вон он, — сказал Адепт.

Бернандес стоял на том же самом месте. Цыгане оставили его в покое, и теперь он, приложив руку козырьком ко лбу, смотрел вслед уплывающему флоту. Наш корабль шел последним. Внезапно капитан покачнулся и в ужасе прикрыл рукой глаза. Казалось, он едва удержался на ногах. Услышать его, конечно, было невозможно, но мне показалось, что я все же услышал его стон, в котором смешались боль и ужас. Этот стон отзывался в каждой частичке моего тела.

— Он понял, что мы ушли с этим флотом, — сказал я. — Бедняга, мне даже немножко жаль его.

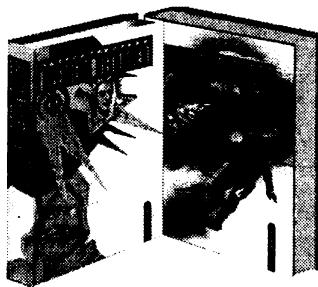
— Не жалей. Мы с ним еще встретимся, — усмехнулся Адепт.

(Продолжение следует)

Оглавление

ПРОЛОГ	5	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	Знак магистра	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	Петля Асмодея	91
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	Дорога на Абраккар	223

серия СОВР. РОССИЙСКАЯ ФАНТАСТИКА



Издательство "Локид" приступило к выпуску серии острожюэтной современной российской фантастики. Вниманию читателей будут предложены книги только отечественных авторов. Фэнам фантастики предоставляется уникальная возможность прочесть новые романы и повести уже известных и, несомненно, полюбившихся писателей, а также узнать новые, безусловно, яркие имена молодых фантастов. Серия отличает оригинальное красочное оформление.

Формат 84x108 1/32 (20x13 см), целофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 с.

В месяц выходят 2-3 книги.

серия СОВР. РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ (обложка)



Библиотека в вашем кармане!

Издательство "Локид", заботясь о своих читателях, печатает малым форматом лучшие произведения лучших авторов серии "Современный российский детектив".

Красочное оформление, формат 72x108 1/32 (17x11 см), мягкая обложка, рельефное тиснение золотом, в книгах в среднем по 360 с.

В месяц выходят 2-3 книги.

серия СОВР. РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ



Наиболее популярная у читателей серия представлена лучшей прозой отечественных мастеров детектива, чьи имена не требуют особого представления, – Э.Хруцкий, Д.Корецкий, Н.Леонов, Л.Словин, Ф.Незнанский, Э.Тополь, С.Высоцкий, Н.Александров, Б.Бабкин и др. Они пишут об ужасах сегодняшнего дня – заказные убийства, похищения людей, разборки между преступными кланами, погони...

Книги нашей серии удовлетворят вкус не только любителей модных ныне триллеров, но и поклонников юриминальных романов, психологических драм.

Серию отличает добротное красочное оформление, хорошая печать.

Формат 84x108 1/32 (20x13 см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 с.

В месяц выходят 3-4 книги.

серия БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

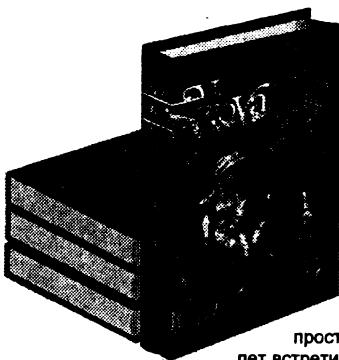


Для любителей крутых сюжетов издательство задумало новую серию – "Белый лебедь". Она представлена из супердетективов суперавторов! Начинают серию бестселлеры – триллеры уже известного многим Бориса Бабкина. Любители жанра откроют для себя новые, молодые, яркие, талантливые имена; среди них – Платон Обухов. Проза молодых писателей отличается тем, что многое из того, о чем они пишут, авторы испытали на себе. Поэтому их сюжеты исключительно правдоподобны и безумно интересны.

Формат 84x108 1/32 (20x13 см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 с.

В месяц выходят 2-3 книги.

серия TERRA NOVA



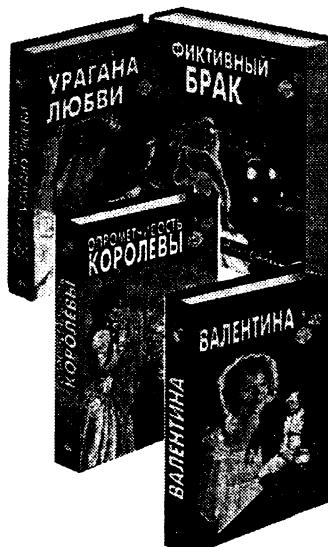
Далекие острова и неизвестные экзотические земли, пираты и флибустьеры, авантюристы всех мастей, жаркие страсти, сметающие преграды между слугами и господами, – все это ожидает читателя на страницах историко-авантюрно-приключенческих романов новой увлекательнейшей серии «Terra Nova».

Продолжает серию книга Кайла Онстотта «Хозяин Фалконхерста» – об удивительных приключениях темнокожего красавца Драмжера – дамского угодника и верного слуги, простака и проныры, – в самом расцвете лет встретившего чудовищную смерть.

Книги красочно оформлены, формат 84x108 1/32 (20x13 см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 с.

В месяц выходят 1-2 книги.

серия УРАГАН ЛЮБВИ



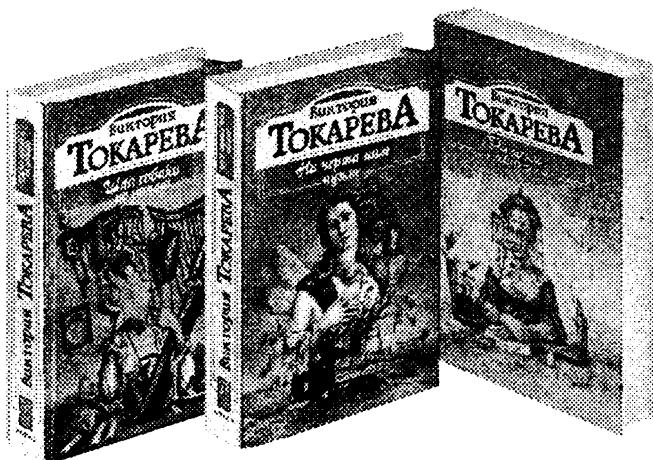
Серия романов о любви, написанных как в прошлом веке, так и в наши дни. В числе их авторов – не только те, чьи имена давно и хорошо известны, но и те, кого только сегодня открывает издательство своим читателям.

В этой серии есть все: роковая страсть и слепая ревность, случайные встречи и вероломные предательства, коварные соперницы и подлые завистники, наивные героини и многоопытные герои.

Серия адресована не только почитательницам сентиментального чтения, но и любителям крутых сюжетов, ярких характеров и нетрадиционной развязки привычных ситуаций.

Формат 84x108 1/32 (20x13 см), целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 560 с. В месяц выходят 1-2 книги.

серия ПАЛИТРА



Палитра красок. Палитра настроений и взглядов. Палитра дарований... Такой замысливалась новая серия издательства. Ее составили и составят книги отечественных прозаиков, особенно ценимые читателем (Виктория Токарева, Людмила Петрушевская, Булат Окуджава, Татьяна Толстая, др.), и книги, особенно модные на Западе. По-настоящему украсят серию творения классиков всех времен и народов.

Тщательно и любовно отобранные тексты, изысканное оформление и отличная полиграфия будут неизменно сопровождать каждое издание.

В серии «Палитра» уже вышли книги В.Токаревой «Шла собака по роялю» и «На черта нам чужие», готова к печати третья книга «Римские каникулы», а также книга избранной прозы Л.Петрушевской «Бал последнего человека». Первой книгой, представляющей ультрасовременную западную литературу, станет издание нашумевших романов польского писателя Анджея Заневски – «Крысы», «Тень крысолова» и «Цивилизация птиц» (роман «Крысы» переведен на 16 языков мира).

Формат 84x108 1/32 (20x13 см), твердый целлофанированный переплет, в книгах в среднем по 500 с.

В месяц выходят 1-2 книги.

Дорогой читатель!

Если Вас заинтересовали предложенные серии книг, то для их получения необходимо заполнить отрезной купон и отправить его по адресу:

101000, Москва, а/я 559, «ЛОКИД», Л 17

Все книги, по мере их выхода в свет, будут рассыпаться по почте наложенным платежом без предварительной оплаты

Вы оплачиваете только отпускную стоимость книги и услуги по доставке

Да, я подписываюсь на книги следующих серий:

серия	кол-во экз.
«Белый лебедь»	_____
«Terra Nova»	_____
«Ураган любви»	_____
«Собр. российский детектив»	_____
«Собр. рос. детектив» (обложка)	_____
«Собр. российская фантастика»	_____
«Паштран»	_____

подпись заказчика _____

Ф.И.О. _____

Адрес: _____

индекс _____

Убедительная просьба:

- купон заполнять печатными буквами;
- в колонке «Кол-во экз.» указать, сколько книг в месяц Вы хотели бы получать;
- если же Вам удобнее отправить заказ на почтовой открытке, то не забудьте указать на ней название серии и количество экземпляров, которые Вы хотите получать ежемесячно.



По вопросам оптовых закупок книг издательства «Локид» обращаться по телефонам: (095) 265-36-71 (Москва)
(095) 267-21-22 (Москва)
(0172) 24-31-15 (Минск)
(3432) 53-16-82 (Екатеринбург)

*Крупным оптовикам предоставляется
эксклюзивное право
на распространение книг
издательства в своем регионе.*

**Александр Григорьевич Зеленский
Илья Владимирович Рясной**

ТЕНЬ САТАНЫ

*Роман
В двух книгах
Книга первая*

Редактор *Н. Беркова*
Художественный редактор *Е. Андреева*
Технический редактор *В. Котова*
Верстка *А. Галимов*
Корректор *Л. Малова*

Издательская лицензия
ЛР № 063957 от 15.03.95 г.

Подписано в печать 05.07.96. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Таймс». Бумага газетная. Печать офсетная.
Печ. л. 11,0. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 14,83.
Тираж 16 000 экз. Заказ № 1843

Издательство «Локид»
129110, Москва, ул. Трифоновская, д. 56

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

«ТЕНЬ САТАНЫ» —

первая книга
фантастической
саги об извечной
борьбе сил Добра
и Зла.

Два тайных
ордена с
древнейших
времен ведут
смертельную схватку.

Герой романа
проходит сквозь
времена и страны, от
исхода его поединков
зависит судьба нашей
планеты на многие
десятилетия вперед.

АЛЕКСАНДР ЗЕЛЕНСКИЙ
ИЛЬЯ РЯСНОЙ

ТЕНЬ САТАНЫ

